

?

Калининградский ПЕН-центр,
2010

ББК 84 (2Рос=Рус)
УДК 82-822
П 58А

П 58А ? : проза, стихи, пьесы/ , Калининградский ПЕН-центр,
2010, 312 с. – 500 экз.

ББК 84 (2Рос=Рус)
УДК 82-822

ISBN 978-5-904895-07-5

В этот сборник вошло все подряд, написанное
и ненаписанное за последние годы.

© , 2010
© , оформление, 2010

A close-up, high-angle photograph of a fountain pen with a clear barrel and a silver nib, resting on a piece of paper with cursive handwriting. The pen is positioned diagonally from the bottom left towards the top right. The background is a soft-focus view of the paper's surface, showing various words and lines of text in a cursive script. The overall lighting is soft and diffused, creating a vintage or artistic feel.

НЕ НАПИСА КНОЕ

Маленький тучный полковник, одетый в ужасно сидящий на нем мундир Министерства юстиции, внешним видом своим походил более всего на медведя коала, а от того ужасающие мысли, изрекаемые им, совершенно лишались смысла, воплощаясь в виде звуковых колебаний. Пенсне в неудобной металлической оправе, судя по всему, сжимало ему переносицу, и каждые две или три минуты он делал паузу в своей речи для того, чтобы сперва сдвинуть его вперед, а затем поймать в воздухе каким-то порывистым, птичьим движением (тем более смешным в исполнении медведя) – потому как, будучи сдвинутым, оно незамедлительно сваливалось прочь.

Водрузив его обратно, полковник словно пробуждался от короткой дремы, в состоянии которой производил все предыдущие действия, обводил окружающих цепким взглядом и вновь принимался монотонно бубнить.

Со всем буйством убогой своей фантазии пытался он угрожать бессмертной душе моей прекращением жизнедеятельности организма...

Мата Хари

«В окопах невидимого фронта», неизд. с.108

«Два полюса, два полюса, несуществующие на самом деле, дают возможность существовать миру, - лихорадочно думал он, - лишь напряжение, лишь ток, возникающий между ними, способны мы воспринять, и лишь это напряжение есть наша реальность...»

Девушка потянулась и устроилась поудобнее. Она сидела в ногах у него, подняв вверх лицо, показавшееся ему в этот миг совершенно расслабленным и умиротворенным. Оно совершенно разгладилось, и малейшая тень печали или озабоченности оставила его.

«И вся наша жизнь, - с пугающей его самого остротой подумал он, прикрыв от этой неожиданной догадки глаза, но продолжая наблюдать за происходящим вокруг через неплотно сомкнутые веки, - все наше полное тщетных попыток изменить мир существование есть только стремительный полет меж двумя полюсами; полет, который мы даже не в силах направить, ибо направляется он все тем же током, течением, движущие силы которого лежат как вне нашего восприятия, так и вне самого нашего мира... И всякая попытка сопротивления... более того, всякая попытка осмысления этого положения вещей будет незамедлительно пресечена самими жизненными обстоятельствами, как если бы перо, несущееся по воле ветра, попыталось само определить и направление, и цель своего полета, но было бы увлечено все тем же воздушным потоком...»

Девушка мягко улыбнулась ему, приоткрыла губы и наклонилась, не опуская при этом глаз. Легкое ка-

сание ее языка прервало ход мыслей, и он почувствовал, как что-то важное, что-то необыкновенно значимое покидает его, лишь едва задев самым своим краем. И бездна мироздания раскрылась перед ним, заставив зажмуриться от страха, но была она вовсе не холодной пустотой, а мягкой и удивительно теплой, и он оказался там, и увяз в этой бездне, и острое чувство, порожденное этим слиянием, пронзило его, когда весь он устремился наружу, теряясь, развоплощаясь и растворяясь...

«Главное, - думал он, торопливо одеваясь, - успеть проскочить обратно во дворец через Северные ворота, пока стража не сменилась. А то долбанут алембардой по башке - и спросить забудут, кто шел...»

Цезарь Борджиа
неизд. в серии «Жизнь замечательных людей»,
М., 1934. стр. 208

Это просто какое-то наваждение – когда ни беседа с верными друзьями, ни даже дело, которому отданы столь долгие годы, не способны отвлечь меня от простого, в принципе, образа. И не столько от образа даже, поскольку ее лицо вовсе не маячит перед моими глазами, сколько от ощущения, возникшего в тот краткий миг, когда она едва обмякла в моих руках, и ясно стало – что вопреки мыслям, владевшим ей секунду назад, вопреки всему, чем жил я – Я сам! – я могу поднять ее сейчас, и ноша эта будет легче, чем любая иная, но, подняв, ее уже нельзя будет опустить иначе, как по собственной ее просьбе, которая может и не последовать никогда.

Я знаю, что те, кто способен понять меня, никогда не поднимут меня на смех; мнение же остальных мне совершенно безынтересно, и таким образом я имею благую возможность, которой лишено подавляющее большинство – я могу быть собой; однако же я не нахожу в данный момент никакого проку в том.

Не беда, давно уже не беда моя, но особенность, налагающая свой отпечаток на все, со мною и моей жизнью связанное, в том, что я слишком давно умер. И теперь я стою на краю могилы, в которую так и не лег – не лег исключительно в силу дурного своего характера, как понимаю я с годами, а вовсе не из-за высших промыслов, которым дела до меня не было, думаю, прежде, и всяк уже нет теперь. Но стою не с той стороны, с которой доведется хотя бы раз встать всякому живущему под Солнцем. И самое

неприятное, как начинаю я понимать, именно в том, что я просто боюсь переступить эту черту – и боюсь, может быть, сильнее, чем боятся те, кому предстоит сделать шаг наружи – сюда.

Я мертв уже давно – пусть это и не мешает мне ходить меж живыми, встречать в их суетные проблемы или делать свои дела. Но страх мой перед невозможным, перед воскрешением – сильнее, нежели их страх перед неизбежной и естественной, в общем-то, смертью. Я боюсь вдохнуть тот воздух, которым дышат живые – и ощутить запах его так, как ощущают они, я боюсь что солнце (о, убогая фантазия писак, не понимающих антагонизма иначе, как борьбу простейших подобий) не скользнет по мне безразлично, а согреет своим лучом. Я боюсь услышать на рассвете пение птиц – не как звук, доносящийся с той или иной стороны, а как мелодию, касающуюся сердца. Я боюсь этого, и одновременно желаю. И вместе с тем я знаю, что рано или поздно, если только возьму я эту ношу, мне придется все-таки опустить ее – как бы легка она все еще ни была.

И эту жертву, принесенную с большей доброй волей, нежели любая иная, мне придется оставить навсегда, не имея возможности забрать ее с собой, возвращаясь на эту сторону – ибо то, что питает душу, не должно кормить плоть.

Влад Тсёпетч (Дракула)
«Записки постороннего»,
неизд.: М., ЖЗЛ, стр. 158.

...Огромный котел на причудливо изогнутых ножках – признаться, я впервые видел в этом крае, казалось, не избалованным знакомством с обработкой металла, столь искусно исполненный предмет из потемневшей (то ли от времени, то ли от частого употребления столь обычным образом) бронзы – стоял на огне уже достаточно долго, и над ним курился пар, весьма ароматный от добавления трав, растущих в окрестностях деревни (ничего подобного я не встречал за все время нашего путешествия, и полагаю, что одна поставка их в Европу уже смогла бы окупить значительную часть расходов, связанных со снаряжением экспедиции). Странный туземный барабан, названия которого я никак не мог усвоить – назывался он, бог весть почему, даже на разных концах одной деревни по-разному – бил все чаще. Я подумал в этот момент, что барабан, видимо, первый из музыкальных инструментов, который открывают для себя примитивные племена. Капрал Томас, бывший до того момента без сознания, начал активно двигаться, видимо частично придя в себя. Я пишу «видимо» - ибо, будучи крепко связанным, лишен был возможности видеть его, положенного позади меня. Впрочем, я так и не услышал от него ни звука, хотя несколько раз окликал Томаса по имени.

Скоро резкие частые удары дополнились ритмичными выкриками – целый хор, скрытый от наших глаз зарослями кустарника, называемого местными

жителями ю-ба, выкрикивал снова и снова одну и ту же фразу. И пусть выкрикивали ее разборчиво, но ее суть, смысл этих звуков, начисто ускользали от нас, поскольку даже смутно знакомые слова имели непривычные окончания.

Наконец кусты дрогнули, и перед нами появился жрец – или шаман, колдун, как угодно – этого селения, На Н'цри'г'ви (сколь бедна письменность европейцев, когда нужно передать звуки птичьего этого языка; впрочем, сами его изобретатели так и ограничились устной речью, предоставив задачу записи ее либо отдаленным потомкам, либо же путешественникам, вроде нас, достигшим более высокой ступени в своем развитии). Жрец держался торжественно и подчеркнуто официально. Он обратился к нам с длинной и, видимо, цветистой речью, произносимой, однако, на диалекте, который мне так и не удалось освоить в связи с отсутствием должного количества времени. Цва вместо ца, кря вместо кя, сюон вместо цон – казалось бы, малые отличия для небогатого словами языка, принятого на большей части этого острова, но на самом деле встречались они столь часто, что просто невозможно было пробиться через пелену непривычных звуков. Я пытался спросить его о судьбах бедняг Хинкса и Фатчетта (Ален, самый щуплый из всей нашей группы, также, как и Томас лежал позади меня и, судя по всему, все еще был без сознания), но На Н'цри'г'ви так и не прервал своей тирады, а закончив ее резко повернулся, и вновь скрылся в зарослях ю-ба.

Часть сказанного, впрочем, удалось кое-как понять (в основном, признаться, потому что жрец – то ли от волнения, то ли в соблюдение неведомого нам

ритуала, повторял некоторые фразы не единожды), и из части этой, по крайней мере, следовало, что нам предстоит принять участие в некоем важном ритуале, и что духи-покровители племени (каким-то не вполне понятным образом он относил к их числу и нас – но, возможно, я просто недопонял этот оборот) отметили нас по этому поводу некоей особой своей волей.

Джеймс Кук
«Второе плавание на «Резолюшен» вокруг света:
в поисках Северного пролива»,
неизд., т. 2, стр. 206

О, из множества бесовских образов именно этот поистине ужасен: женщина с изящным станом и большой грудью, с тонкими пальцами и бесстыжими глазами, обещающими понимание, прощение и радость здесь и сейчас, прямо в этом мире, любому, кто пожелает принять их.

Стоит ли говорить, что в мире, где все мы – лишь недостойные твари, недостижимо далекие от Творца, но получившие возможность путем страданий и ограничений искупить хотя бы малую часть лежащего на нас греха и обрести надежду на спасение милостью Его – любое благо, не ниспосланное свыше, любая радость, полученная не от соприкосновения с Ним – греховны вдвойне. Они не только содержат свой собственный грех, но и отвращают от поиска спасения души, поскольку подменяют собой здесь, в этом мире, то, что можно лишь надеяться обрести за его гранью.

Те, кто обещает награду – берут на себя прерогативу Творца, ибо лишь он один волен миловать, прощать и дарить. Отпуская грехи именем матери-церкви, мы действуем не собственной волей, а лишь исполняем возложенное на нас служение, обещая сильное нам заступничество перед Творцом за душу того, кто готов признать свой грех и произнести слова раскаяния. Не можем мы и карать, ведь истинные Награда и Кара возможны лишь в Мире Вечном, и не могут быть назначены никем иным, кроме как Владыкой его. Поэтому непростительной гордыней будет

возомнить, что дано кому-либо здесь право карать или милосердствовать – единственное милосердие, доступное нам есть в том, чтобы отпустить душу, которой грозит гибель вечная, скорее на суд Творца, оставляя конечное решение, касающееся Вечной Жизни на Его усмотрение и лишь моля Его непрестанно о снисхождении к заблудшим.

Людям здесь – даже тем лучшим и добрейшим из них, что окружают меня в последние годы – слишком трудно понять это. Враг же рода человеческого давно осознал в извечной злобе своей привлекательность искушений того самого рода, о котором веду я здесь речь. И, хотя тем только выше становится доблесть торжествующей добродетели, присутствие его ощущается ныне все явственней.

Ибо в последнее время всякий раз, оглашая суровый свой приговор, я понимаю, что вновь одержал победу над самим Дьяволом, осмеливающимся в гордыне своей искушать меня самого – так как ничем, кроме как демоническим искушением не могу объяснить я странное желание, овладевающее мною все чаще. Желание объявить очередную испытываемую невинной, собственной своею волей освободить ее от стражи и, ограничившись лишь малой епитимьей, принять и ее как равную среди возлюбленных добродетельных сестер моих, дабы лично познать природу и силу предлагаемых ею даров.

Томас де Торквемада
«Мое служение в борьбе с демоническими
искажениями человеческого бытия во славу Святой
Церкви и ради спасения человечества».
Неизд., стр. 201.

Греки в древности делили людей на живых, мертвых и плывущих по морю – и надо отметить, это было действительно справедливо, как понимаю теперь я.

Для нас здесь – всегда буря. Это часть условия, изменить которую я не имею возможности – да, впрочем, в особенности после перенесенного ради его исполнения – и желания также. Палуба наклоняется под ногами, когда судно мое ложится на борт, проскальзывая очередную волну, и фальшборт срезает с верхушки той волны огромную пригоршню пены, бросая ее на палубу, на рулевого, на матросов, застывших в ожидании команды. Привычные ко всему моряки встречают ее, не шелохнувшись – волна и тем более пена не могут поразить их воображение, поскольку воображение их уже поражено той работой, что предстоит сделать, той работой, что никогда не смогут сделать – и я, и они понимаем это – никакие другие моряки.

Никто в этом мире – я повторю перед людьми и Небом это утверждение, ибо оно – важнейшая, может быть, часть моего повествования – кроме тех, что стоят сейчас на палубе в тяжелых от воды зюйд-вестках, и тех значительно легче одетых смельчаков, что уже оседлали реи в ожидании команды-свистка, едва различимого для них за ревом волн, пенящихся за бортом нашего судна, не способен выполнить задуманное мною. Вернее будет сказать – не столько даже задуманное, сколько заявленное мною лично, но единодушно поддержанное командой.

Море, корабль и его команда живут в едином ритме; и отдан приказ – и маневр выполняется в тот единственный миг, когда только может он быть выполнен, и почти в тот же миг все кончается.

Мы снова проходим – едва не касаясь левым бортом скалы – мимо этого проклятого, вросшего в море мыса, течения возле которого безумны – если можно вообще применять понятие лишения разума к силам природы, каковыми течения и являются – и одержимы (с тою же оговоркой) одним лишь стремлением – с размаху протереть судно бортом о зазубренный камень, разодрав в щепу дерево, скомкав снасти в мочало и превратив плоть экипажа в бесформенные клочья мяса. Страх – несмотря на то, что маневр этот проделывается нами не впервой – каждый раз настолько же силен, как и в первый; он просто не ощущается – ноги держат крепко, тело кажется абсолютно несокрушимым. Страх каждый раз свежий, его не могут притупить ни годы, ни разум, ни даже сама память о нем. Порой мне кажется, что кроме памяти этой ничего больше нет, а порой – что и она навсегда исчезла, и следующий раз – каким бы ни был исход – все будет совершенно иначе.

Спокойное море расстилается перед нами. Невозможно даже описать это человеку, не видевшему ни разу в жизни своей картины, когда бушующие волны сменяются внезапно ровной, едва колыхающейся гладью. Тому же кто видел – и описывать, надо полагать, нет никакого смысла, ибо увидев единожды, никогда уже не спутает он это зрелище ни с каким другим в мире. Перед нами тот покой, путь в который заказан избравшим схватку с бурей.

И тут (не в тысячный уже даже раз – это легко посчитать, помножив 365 дней, имеющихся в любом

году кроме високосного, прибавив по дню за каждые четыре года, то есть причитающиеся на годы високосные, и помня при этом, что по крайней мере раз в три дня (порой, пусть на самом пределе сил – даже чаще) нам удастся-таки совершить задуманное) до меня вновь доходит истинный смысл проклятия, которое навлек я по молодости и наивности своей – хотя как мог я полагать себя в те годы молодым и наивным – на себя, и главное – на членов моей команды, чьи жизни и души были вверены мне морским законом.

И самое страшное в эту минуту, когда струится еще песок в старых часах, отмеряющий ее, но не отмеривший – минуту, оставшуюся до отдачи очередной команды – это видеть глаза людей, застывших на вахте. Людей, сделавших невозможное – вопреки воле неба и стихии – и не понимающих даже, но чувствующих, что невозможное это, даже еще не будучи сделанным, уже лишилось смысла. Ибо что проку обогнуть мыс – с любой, пусть даже с первой попытки – если тебе просто некуда плыть дальше? Если все свершенное так и останется свершением самим по себе, и все, что ждет героя, сделавшего невозможное – это повторение пройденного пути раз за разом?

Да, я бросил вызов Богу. Да, я справился – и мне не в чем винить Того, кто нашел мне кару. И я – при всей жестокости наказания – не могу не изумиться отточенной его правильностью; ведь как проста кара эта: дословное исполнение желанного.

До меня доходят порой отзвуки разговоров, ведущихся в мире вот уже почти четыре сотни лет – разговоров, в которых меня и верных моих моряков объявляют исчадиями ада, повинными в любом практически несчастье, бывшем за эти годы на море. Но могу заверить любого, что мы слишком заняты своей

бедой – да-да, я готов признать это, ибо признание вовсе не заставит меня свернуть с пути – чтобы измышлять какие-то беды другим.

Есть лишь одно обстоятельство, не дающее мне примириться с таким положением вещей.

Да, пусть я проклят; гордыня, в которой меня обвиняют, действительно велика – и она поможет принять кару мою до конца. Но только мою кару – ибо команда моя повинна лишь в том, что была верна мне, и когда нужно было сделать выбор – ни на миг не стала сомневаться в своем долге. Да и выбора этого попросту не заметила.

И вот сейчас, когда душа моя выгорела уже дотла, и огонь ее, бросивший нас вперед, чтобы исполнить слово, давно превратился в хладные уголья – я могу сказать лишь одно: когда-нибудь, пусть не сейчас, пусть даже не через сотню лет, но все равно случится это – я заставлю онемевшие челюсти повиноваться мне, и рулевой, не предавший меня ни до, ни после смерти своей, твердо зажмет руками штурвал, и судно мое пройдет насквозь это спокойное море до самой суши. Пройдет его, как сумели мы пройти мыс Горн!

**Корнелиус Ван Страатен,
«Дневники капитана из Дельфта». Неизд. с. 172-174.**

Я знаю, что сегодня вечером вновь выйду из парадного и возобновлю мое блуждание по Лондону – не столько бесцельное, сколько безрезультатное. Цель понятна и ясна – я все еще ищу ЕЕ на этих пустующих стремительно с наступлением темноты улицах. Безрезультатное же от того, что несмотря на все мои усилия до сих пор поиски не увенчались успехом. Несколько раз казалось мне, что цель близка – я узнавал ЕЕ в повороте незнакомой головы; в движении руки, поправляющей выбившийся локон – порывистом в начале и плавном в конце его; в легком цокании каблуков по булыжнику – из-за угла, так, что сама фигура идущей не видна, и походка ее узнается лишь по ритму, воспринимаемому ухом.

Да все эти разы завершились для меня разочарованием. Но на самом деле я знаю – то, что по отдельности встречалось мне во многих, непременно должно быть собрано где-то в одной. Таков закон природы, точнее, таков он должен быть – пусть даже и не познанный сегодня наукой. Это так же верно, как и то, что каждый мужчина любит в жизни своей только одну-единственную женщину. Любит ее прежде, чем встретит – и лишь от уровня развития его зависит, осознает ли он сам факт поиска, либо блуждает по жизни с погруженным во мрак разумом, бросаясь на тени, скользящие по краю сознания, принимая часть за целое и от того вынужденные разрываться между несколькими почти идеалами – до тех пор, пока не сложат рук и не смирятся с имеющейся участью.

Однако, смиряясь, он на самом деле совершает самое страшное предательство, ибо его женщина, не будучи встречена им, обречена на мучительное существование, лишенное счастья и даже просвета, ибо только энергия мужчины может дать ей наполнение, направление движения и тем самым – обеспечить цель существования ее.

И какие бы трудности ни ставила передо мной Судьба, я понимаю главное: наличие на пути моем частей есть лишь Знак существования Целого. И скромные, но неустанные труды мои, посвященные исследованию этих разрозненных Частей позволят мне – рано или поздно – обрести Единое во всей красоте и целостности его.

Джек
«Под покрывалом Ночи»,
не издано в Лондоне, 1913 г., с. 174.

Будучи рожденной женщиной, я приняла свою участь – служить, согреть и поддерживать силу в Том, кто сотворен мне в дополнение – или же, точнее будет сказать, дополнением к кому создана Я. И пусть отдавала я себя не единственному – но каждый, кто приходил ко мне, получал сполна ту часть, что мог он принять. Каждому была я открыта целиком – и моя ли вина в том, что могли они воспользоваться лишь частью доступного целого? Весь опыт моей жизни состоял в познании мужчин. Разных – уверенных в себе и робких; мужчин, приходивших ко мне украдкой и входивших без стеснения; ищущих ласки или стремящихся обладать и лишь в обладании этом находивших себя; мужчин пылких и вялых, состоявшихся и пребывающих в вечном поиске; тех, чей огонь едва разгорелся и бушует неукротимо – но и не направленно, и тех, чьи стынущие угли едва могли согреть; сжигаемые своими страстями – и сожженные ими уже дотла. Без стеснения и гордыни могу признать – я видела их, я познавала их, я их познала. В этом – я и сейчас продолжаю считать так – нет ни беды, ни греха. Познавая их я познавала себя. Я училась быть землей, на которой они могли бы стоять твердо; слабостью, для которой они могли бы стать щитом и ветром, способным раздуть их огонь. Лишь высшая сила, что по словам Его бесстрастно, но с искренним интересом наблюдает с Небес за нами, может знать, сколько раз приходилось моему ветру стихать в опасении,

что очередной его порыв просто собьет слишком слабое пламя.

Видимо, в этом опыте моем суть того превращения, что довелось пережить, что стало центром моей жизни – и будет века и века спустя неизбежно тревожить любую душу, близкую к моей. Не разум. Не воображение даже. Именно душу, поскольку на ином уровне невозможно пережить ЭТО.

Встретив Его, я не нуждалась ни в подсказках со стороны, ни в знаменьях, ни даже во времени, необходимом для осознания случившегося. Потому что суть моя, опыт – или то, как будет вам угодно это назвать, без промедления толкнуло меня – изнутри, жестко, неоспоримо. Этот, одетый неброско и просто среди нарядных горожан; держащийся непринужденно и спокойно среди возбужденной предстоящей расправой толпы; говорящий негромко – но слышимый издалека; с улыбкой, которая была тверже стали – лишь он один был мужчиной на этой площади. Лишь он один был мужчиной во всем том городе. Лишь он, и никто другой, был Мужчиной во всей необъятной Империи – и мне даже нет нужды посещать отдаленные ее уголки, чтобы убедиться в этом.

Ему не нужны были внешние атрибуты мужественности – в чем убеждалась я неоднократно после (да хотя бы в то утро, когда выходил он из сада, а эти тонкошеие мальчики в римских доспехах с мечами наголо вдруг сбились за ним кучкой – и стало ясно вдруг, что это Он сейчас поведет их во дворец). Ему не нужно было ни хмурить брови, чтобы изобразить озабоченность, либо повышать голос, чтобы привлечь внимание к словам. Ему достаточно было одной легкой улыбки на все случаи жизни.

Все прочие вокруг – и даже лучшие из них – до

сих пор нуждаются в том, чтобы играть самих себя. Играть силу в момент, когда они слабы, играть увлечение, когда они холодны и бесстрастие, когда жар распирает их изнутри. Все они – сейчас я уже достаточно созрела, чтобы понять это – так или иначе лишь пытаются воспроизвести какую-то часть Его. Опыт, опыт... мне слишком заметно все это, чтобы внешние проявления хоть когда-либо еще принять за суть. Ему достаточно было лишь оставаться собой.

Именно так и останутся они в истории этого мира – единственный Мужчина, и бледные его отражения в бесчисленных душах, не готовых принять ЭТО В СЕБЕ до конца – даже если и становятся они Спутниками и Последователями... Лучшие могут лишь почувствовать тень Этого, лучшие из лучших – лишь приблизиться к пониманию.

И именно поэтому лишь Он мог принять меня целиком – такую, какой была я создана изначально и какой создала меня моя жизнь; лишь от Него могла я принять – равно – и боль и радость, потому как они были бы справедливы; лишь Он мог дать мне покой.

У меня был всего миг на колебания – и я поняла в этот миг, что путь мой – либо вслед за ним, до самого конца, каким бы тот ни был, до предела, до грани – пусть разобьюсь я об эту грань и окровавленные кости мои станут вечным пугалом для всех, думающих повторить этот путь, либо – прочь. Прочь, бегом, не глядя даже под ноги – пусть даже под камни, ждущие уже в руках добрых горожан – потому как если и будет бег мой недолог, то самый страшный конец его много легче, чем то, что нарисовало мне в единый миг воспаленное воображение.

Страх от этой картины жив во мне до сих пор.

Ни минувшие испытания, ни грядущие не сравнятся с тем – воображенным и непережитым, но прочувствованным в единый миг.

Что, если я паду на колени, если я прижму к губам своим – губам, познавшим больше, чем стоило бы вообразить – край его дорожного плаща из грубой шерсти, а он, мимоходом скользнув рукой по моей голове, шагнет дальше – и уйдет навсегда, так и не распознав Меня...

Мария из Магдалы.

«Заметки на полях сказаний».

I век н.э., точная дата не установлена. 2-й свиток.

Картина последних лет явственнее всего показывают, что развитие человечества в том виде, что мы наблюдали его, зашло в тупик. Формализованность религии – ярчайшее свидетельство тому. Именно оно убивает, если еще не убило, истинную веру. Технические новшества, воспринимаемые любым темным человеком – любым, независимо от образования и занимаемого им в так называемом обществе положения – как чудеса, занимают постепенно в сознании место чудес истинных. Благодаря извечному стремлению все объяснить, мы оказались в мире, по-прежнему непознанном, но зато объясненном. Самой большой ошибкой человечества стала наша привычка думать, считаю я.

Реальность, материя дана нам в совокупности чувств, ощущений – но никак не досужих размышлений. Было бы большой ошибкой думать. И было бы – и было, и есть. Думать – но не ощущать, не верить и не постигать. И эту простую мысль пытаюсь я раз за разом донести до моих читателей, не рассчитывая, впрочем, быть услышанным. Требуется больше, чем литература или публицистика, требуется грандиозный практический опыт, который позволит низринуть религию и показать, что Бог не исчезает из этого мира с уходом церкви. Но главное – требуется доказать тщетность и пустоту всяких умствований, всяких попыток построить Царство Небесное на земле, опираясь не на дух, но на разум. Все прежние попытки, реализуемые путем увещеваний и благих пожеланий,

потерпели неудачу, ибо бессмысленно одиночкам вступать в логические игры с разумом толпы.

Мы пойдем другим путем: не будем увещевать, пытаясь воздействовать доводами разума на разум. Мы окунем умствующих в ту купель, где их сила способна будет доказать лишь свою ничтожность, где не останется ни малейшей опоры, на которой их ум мог бы утвердиться. Пусть их разум столкнется с их же собственным духом, и там где отказывает первый – пусть победит второй. Пусть лишь единственный выход останется у них – без мыслей, без понимания, одними лишь чувствами и прямым восприятием найти свет. Это и есть тот дзен, о котором любит рассуждать Феликс, тот суфизм, о котором бесконечно вещает Коба. И пусть безвестные могилы знаменитых умников, принесших себя своему же умствованию в жертву, убедят выживших в ошибочности иного пути.

**Владимир Ульянов (Крупский),
неизд.: п.с.с. т. 73, стр.158.**

Простор и свобода – вот понятия, единственно достойные того, чтобы бороться за них. Только безграничная степь – единственной границей для которой может стать граница воли человека, то есть граница исключительно внутренняя, а от того не навязанная извне – есть единственно возможная среда естественного существования человека. Город убивают в нас все то, что когда-то возвысило, по воле духов, божества либо самой природы, человека над всеми иными живыми существами. Цивилизация, опирающаяся на эти мертвые и мертвящие площади, вырванные у живого мира, может дать уму и воображению бесконечное количество сколь угодно привлекательных символов и знаков. Но она не способна породить новой сути естества; не способна дать она естеству новой формы, неспособна наполнить его новым смыслом. Она даже не способна раскрыть его существующего уже в законченном своем воплощении смысла, и вынуждена паразитировать на формах, смыслах и путях, существовавших до нее и существующих вне нее, подстраивая под себя, обрезая и уродуя их для этого.

Здесь, на этих каменных островах, где дух умирает, истаивая, женщины станут мужчинами, мужчины – женщинами, дети отринут родителей и животные займут в сердцах места детей, боги станут здесь равно ложны с идолами, а зрячие будут побиты слепцами – и некуда будет бежать им, ибо простор неведом живущим в ограждении стен.

Я знаю, что мне не одолеть опустошающую силу

этих каменных ловушек. Но знаю я и то, что в моей воле пронести знамя освобождения от рассветного моря до моря закатного. Пусть не все, увидевшие это знамя, встанут под него. Свобода, которую дарит нам Степь – это свобода выбора любого направления, свобода абсолютная и совершенная, допускающая движение вне дорог и троп, и уважение к этой свободе заставляет меня принять то, что в ряде случаев может она свестись к свободе остаться недвижимым. Главное – я знаю это твердо – заключается в том, что Внутренняя Степь, которая живет в наших сердцах, придет с нами и останется навсегда как в пепелище городов, павших под натиском моей конницы, так и в полях, окружающих те из них, которые я вынужден буду сохранить из жалости к неспособным выжить на свободе.

И она всегда будет доступна любому, способному принять ее – хоть сейчас, хоть тысячу лет спустя. Потому что истина, выжигающая сердце – не способна пережить тело, в котором оно билось, истина же, воспламеняющая сердца, дает самим этим сердцам способность жить, покуда жива она.

**Чингиз-хан,
«Записки свободного человека», свиток 3.**

Много лет прошло уже с момента начала событий, приведших меня в конце концов на то место, что занимаю я ныне – не постесняюсь этих слов – в истории человечества. И самому мне, признаться, кажется уже странным, как события малые и смешные дают толчок последствиям несопоставимо более значительным. Но истина, как бы ни пытались ее замолчать или проигнорировать, продолжает существовать – пусть даже в безвестии.

И пусть сэр Энтони Рамсберг, представляющийся ныне закадычным приятелем – и едва ли не другом – моей школьной юности, продолжает пребывать в неведении о той действительной роли, что сыграл он в истории мира и науки. Но воистину – по сей день, когда вспоминаю я его высокомерные высказывания о разнице в нашем происхождении, о том, что благородство передается лишь с кровью и является привилегией рода, о «тяжком бремени белого человека» – при том, что всю нашу компанию причислял он к числу туземцев – и о прочей подобной тому ереси, я не испытываю ни малейшего сожаления о той шутке, что сыграл я с ним и с его родословной.

Чарльз Дарвин
«Истоки познания», неизд., Лондон, 1865 г.

Долгие годы, проведенные мною на тайной службе Его Величества, столь сильно приучили меня к иносказаниям, что даже сам я не могу считать сию привычку полностью полезной для всего, содеянного мною.

Ну посудите сами: не смешно ли, создавая историю взаимоотношений двух мужчин, двух людей, настолько одиноких в этом мире, что мир считай и вовсе не существует вокруг них; двух людей, настолько близких друг другу, что сила их влечения способна преодолеть все мыслимые закономерности, навязанные миру логикой Провидения и общественным устройством – превращать приключения душ их в похождения ихних тел. Создавая историю не горения даже, а ярчайшей мимолетной вспышки – превращать ее в повествование о долгих годах, наполненное пресыщающими разум читателя детальными подробностями несущественных событий. Излагая предельно простую и динамичную историю – не побоюсь этих слов – преобразования души – свести ее к нарочито медленной и аллегорической насквозь истории странствий тела...

Но, в то же время – куда легче судить нечто, уже сделанное, нежели первым создать то, чего не было в этом мире прежде.

Даниэль ДЕФО
«Мир, каков есть он ДО Оскара Уайльда»

Порою мне становится смешно, когда я думаю о том, куда могут завести людей попытки понять дословно условности – и уж тем более воспроизвести на практике то, что предназначено лишь для медитативного обдумывания.

Мысли эти посещают меня все чаще в те минуты, когда я перечитываю свои же собственные тексты, но это вовсе не означает того, что сами тексты кажутся мне путанными или недостаточно точными. То, что запутано для обычного рассудка, должно быть вполне понятно мистику – и кажущаяся сложность здесь служит лишь защитой. Причем – трудно сказать – защитой от тех, кому не предназначен смысл этих текстов, или же защитой для них, для их слабого разума и неокрепших душ. Ведь произведения, выходящие в последние месяцы из-под моего пера, создаются вовсе не для увеселения или праздного убиения свободного времени.

Сейчас мне удалось воспроизвести лишь одну из многих моделей Ресурса и того, что Высокие Строгие называют Любовной Импрессией. Я не знаю, на какое время может затянуться труд по изложению хотя бы основных из иных моделей, но понимаю, что должен продолжить труд этот насколько возможно. Многие из построений, открываемых мне в последнее время, разнятся принципиально. Но осмысление Истинного Положения невозможно без постижения – как и без одновременного применения – нескольких полностью исключających друг друга моделей. Лишь одновре-

менное осмысление правильности каждой из них, и в то же время – единственной истинности общей их совокупности – способно дать понимание реальных процессов.

Фридрих, друг мой, давний соавтор – да и вообще автор многих моих мыслей – опасается, что труд сей может и вовсе не быть закончен. Дескать, слишком глобальна задача, и слишком велика динамика самих процессов, статичное описание которым пытаюсь я дать.

Но я верю в нашу правоту. Да, мы отходим от классической мистической школы. Да, мы не примыкаем к тому течению, что зарождается сейчас, и которое, как заверили нас Великие Кроткие, в недалеком будущем станет почитаться под названием «эзотерики» едва ли не как новая религия. Да, мы создаем в этих трудах свой мир и свою систему координат. Но и задача, стоящая перед нами – вовсе не создание очередной, пусть стройной, но локальной системы. Наша работа предназначена для тех, кого будут слушать гуру. Для тех, кто будет создавать религии и учения лишь для того, чтобы их паутина, опутав весь мир, показала узор Истины тем, кто способен посмотреть на него отстраненно...

Впрочем, я пока что даже не знаю, как назвать этот труд, что выходит из-под моей руки. Чувствую только, что название должно быть коротким и емким, точно отражая суть работы. «Рост»? «Ресурс»? Или даже – если следовать традиции, что мы создали при шифровке самого текста – «Капитал»? Впрочем, время для выбора еще есть...

Карл Маркс

«К вопросу о рециркуляции полиатиливных конгрений релиссиума». Неизд. в серии «Библиотека эзотерического марксизма», М., 1936 г. Стр. 211.

Это просто забавно: понять и постичь Страх Господень – как страх, который испытывает Господь Бог.

Скопец Жоффруа, вещающий со своей походной «кафедры» – представляющей раз за разом лишь груды спекшихся в пекле очередного пожара камней – об этом, наверняка, задумывался уже не раз. Но остальные едва ли заботят свои умы подобными рассуждениями. Они слишком заняты теми действиями, что как раз и должны повергнуть Создателя в ужас, и потому в свободное время размышляют и спорят меж собой о материях более приземленных.

Споры о том, девственна ли я, не утихают в этом ограниченном скоплении людей, огрубевших от бивачного быта и постоянных схваток. Познал ли меня мужчина – или же нет? – вот вопрос, который заботит их умы. И я не могу избавиться от блуждающей внутри улыбки, когда читаю этот вопрос в очередном взгляде ли, брошенном в спину, в жесте ли рук... Нет, мужчина не познал меня – ибо не способен на это ни один из виденных мною мужчин. Зато я многих успела познать. В меня не проник ни один из адамовых сыновей, но сама я проникала во многих.

Я проникала в их тела мечом своим – в тела тех, кто стоял на моем пути и значит на пути Провидения, направляющего меня. Я проникала в их умы – в умы недругов и друзей, захватывая воображение их теми образами, что рисовала в своих речах. Я проникаю в сердца их – с каждым призывом моим, что впи-

тывает толпа, с каждым новым успехом, с каждой новой победою.

И проникая в них – даже не просто проникая, а овладевая ими – я приближаюсь к тому, что истинно следует понимать под Любовью Божией. Я принимаю это как то действительно непреодолимое влечение, когда обладание объектом страсти становится единственно необходимым – и совершенно неизбежным; оно требует лишь времени и усилий, и при этом непременно состоится. И разница между любовью земной, мелкой, частной и пугливой – и Любовью высшей состоит лишь в том, что Высшая Любовь не разделяет мир на составляющие, не отвергает какие-то части его по причине надуманной их негодности, не отказывается от чего-либо из-за невозможности этого достигнуть. Она всеобъемна и всеохватна, она не ведает ни колебаний ни сомнений. И она неотвратима.

**Жанна д'Арк
«Полуденные сны»,
неизд.: Париж, 1716 г. стр. 118**

Рассказчики перепишут – и, соответственно, исказят – мой образ множество раз. Будут пересказывать мою историю – никчемную, в общем, историю, совершенно рядовую – лишь благодаря тому, что мне выпало... что? – дойдя до этого места в мыслях я сам всякий раз спотыкаюсь.

Счастье? Сложно сказать, чтобы то состояние, что довелось мне испытать, соответствовало моим представлениям о человеческом счастье – как, впрочем, и представлениям кого-либо из моих знакомых – по прежней ли, по новой ли жизни. Судьба? Однозначно предначертанное, о котором до сих пор талдычат ребе, не может выпасть... Но в предначертание, которое ни изменить ни обойти невозможно, я не верил даже до встречи с Ним. Теперь же – мне и вовсе приходится сделать усилие над собой, чтобы вспомнить тот взгляд на вещи, что допускает подобное... Возможность? Но возможности, выпадающие в жизни – на самом деле безграничны. Мы идем по полю, полному созревших колосьев, и возможно – наша вина, что видим лишь некоторые из них, и страдаем от голода посреди этого поля, и обращаем взгляд свой преимущественно лишь на те колосья, что в настоящий момент для нас недосыгаемы.

Дело в том, что мне совершенно плевать, что именно выпало мне, и каким словом можно это определить в системе человеческих языков – особенно учитывая, что изреченное мною сейчас так или иначе не останется неизменным; сами языки изменятся, и все, что бы я сейчас ни сказал, дабы уцелеть во

Времени должно будет бесконечно переводиться и переводиться с одного языка на другой. И кто знает, будет ли владеть переводчик на самом деле хоть одним из этих двух языков.

Так что – мне плевать. И я могу без стеснения использовать такой язык, поскольку он привычен мне, а значит – естественен. «Не говори ни с кем на языке, чужом для тебя, – так говорил Он. – Сделай его язык своим, это нормально, но никогда не пытайся изображать то, что тебе чуждо – это будет ложь, а утверждать истину ложью – слишком смешно даже для этого мира».

Он был прав. Именно поэтому Симон до сих пор лучше всего умеет договориться с прибрежными рыбаками, а Матфей изъясняется, словно докладывает завернувшему на огонек претору... Меня в деле общения они считают авторитетом – поскольку я единственный быстро могу найти общий язык с любой из этих категорий. Опыт. Им не дано было получить его – да и не могло данься волею самой природы.

Итак, мне открыта Истина, мне дано знание языков и понимание того, как следует говорить с людьми. И что же я могу сказать теперь?

Я могу только спросить: что же за срань творится в головах у этих чертовых идиотов, если самые понятные вещи, разжеванные для самых тупых выблядков холощенных свиней, они умудряются перевирать настолько извращенными способами, что узнать сказанное им в пересказанном ими не могут даже самые ушлые и крученые толкователи всякой хрени.

Апостол Андрей
Второе послание к Павлу. Апокриф.

Не может составлять тайны то, что если вы столкнулись с преступным государством, живущим только обиранием тех, кто неспособен отстоять свои деньги; существующим ради интересов лишь тех, кто населяет его этажи; производящим исключительно лживые обещания и поддерживающим себя разве что постоянным изменением объявленных им же самим правил общей для всех игры, то у вас остается только один путь.

Единственный выход – это создать другое государство; государство, построенное на принципах личных удали, ума и честности к товарищам; дающее каждому привилегии по той мере ответственности, что готов он взять на себя. Создавать его придется внутри структуры, что уже существует, и создание это будет нелегким хотя бы уже потому, что с его появлением все потоки, кормящие узаконенных преступников, сократятся сразу. Но структура эта не может выжить – если не по божьей воле, в которую я продолжаю верить и сейчас, то хотя бы в силу того, что еретики-экономисты называют «объективными законами». При наличии выбора за ним просто никогда не пойдут люди.

Аль Капоне
«В конце славных дел»,
неизд.: Нью-Йорк, 1984г., стр. 29

Самым страшным кажется мне пороку то, что в их памяти останусь вовсе не я.

Законы, правила и структуры, регулирующие жизнь государства – то, что подарил им именно я – будет, несомненно, жить еще долгие годы. Едва ли и век спустя придумают они что-либо более подходящее. Однако наверняка все это скоро перестанут увязывать с моим именем. Не будут вспоминать и о том, что любому рабочему давал я возможность стать графом – лишь в силу личных заслуг и личной отваги. И даже сохранив ту систему отличий, что ввел я для них, они постараются забыть имя ее создателя. Виной тому будут вовсе не англичане – люди сами постараются забыть меня, чтобы только не быть обзванными одной личности тем, что устраивает жизнь миллионов.

И размышляя об этом я все чаще ловлю себя на мысли, что не хочу знать будущего и не питаю ни малейшего интереса к тому, во что превратится моя тень с течением лет. Ведь уже сейчас понятно, чем кончится дело. Для этого не нужно видеть грядущее, что постоянно пытаются сделать в салонах. Достаточно знать людей – и понимать того Единого Человека, в которого превращаются они, собравшись большою толпой.

Они будут строить догадки, придумывая объяснения моим стремлениям и действиям. Они станут злословить о моих сомнениях. Они даже будут ссылаться на мою раздражительность при упоминании

вопросов, связанных с моими привычками и внешностью, не понимая вовсе, что раздражает меня исключительно то, что одна и та же «свежая» идея приходит в сотни голов, и каждый стремится оторвать кусок времени, привлекая к ней внимание.

Самое же нелепое будет, если найдут они объяснение моим поступкам в каком-нибудь смешном и глупом обстоятельстве. Например – почему бы не заявить, что причиной всему мой голос или – что будет более понятно толпе – мой рост, и утверждать после что все великие свершения вызваны были стремлением компенсировать его недостаток.

Наполеон Бонапарт
«Записки островитянина», утрач., стр. 287.

Познавая непознанное на протяжении долгих лет, я могу признать сегодня, что проник достаточно глубоко в суть вещей, чтобы утверждать, что чудесное открытие, сделанное мною некогда, действительно совершенно упорядочивает весь наблюдаемый нами человеческий мир, позволяя, наконец, понять те принципы и движущие силы, которыми строилось развитие нашей цивилизации: культ силы, имеющий в основе своей потребность продолжения рода и, соответственно, опасение утратить способность к данному действию.

Итак, сейчас уже вполне очевидно, что вся мировая архитектура, литература, визуальные искусства являют нам собой несомненное подтверждение фаллоцентрической картины мира. Даже война является, как я доказал уже, лишь развитием сомнительной детской фантазии – ибо всякий клинок фалличен уже своей продолговатой формой, а стремление погрузить его в живую плоть есть не более, чем следствие из естественного желания востребовать.

Однако все эти годы неотступно преследовал меня вопрос: нет ли в установленной мною картине еще какого-либо звена, не замеченного прежде? Нет ли линий, ведущих выше? Ведь если миром правят тестикулы, то не может ли быть такого, что и тестикулами правит нечто? И вот теперь я могу признать: да, я нашел ответ на этот собственный мой вопрос.

Теперь я могу сказать точно и уверенно, не сомневаясь более ни секунды: есть то, что не только подчиняет тестикулы своей воле, но и направляет всякое малейшее их движение. И логика этого важнейшего открытия не может быть оспорена, ибо если сам мир фаллоцентричен, то что же есть центр устремления всякого приличного фаллоса, как не вагина?

И именно на этом завершается цепь, ибо природа самой вагины такова, что она совершенно неуправляема – ни в коем роде и ни в малейшей степени.

Сигмунд Фрейд
«Неуправляемое», неизд.: Вена, 1903 г., т. 4, стр 872.

С детства одолевала меня страсть к путешествиям. Помню, как сейчас: был я еще совсем маленьким, и сидел на коленях у отца, слушая рассказы каких-то длиннорылых мужчин, пришедших к нему в тот день; и перед глазами моими вставали картины далеких стран и городов, где и звери живут те, что мы не видели никогда, и дома стоят другие, и ходят меж ними люди, непохожие на нас...

Еще в тот далекий день, который точно и не упомяну уже сам, я решил, что однажды объеду весь мир – или хотя бы ту (уверен – немалую) часть его, на которую хватит моих сил. И с этой поры ничто, кроме жизни путешественника, не привлекало меня.

К сожалению, родители мои не имели достаточно возможностей, чтобы путешествовать совсем уж далеко. Отец был слишком привязан к родному городу грузом забот, матушка же полагала, что без его опеки и должного сопровождения чужие земли могут оказаться для нас не только недружелюбными, но даже и опасными.

Да, разумеется, границы, произвольно начертанные людьми, позабывшими волю богов, либо, что еще хуже, взявшимися произвольно толковать ее, серьезно осложняют перемещение свободного человека – впрочем, как и разбойники, самодеятельные ли, обряженные ли в цвета властителя и пытающиеся взимать плату за перемещение, ссылаясь на некие его законы.

Но должное количество верных людей, предус-

мотрительно взятых с собою, я верю, способно решить и эти проблемы.

И тогда весь мир будет, наконец, открыт пытливному глазу. Никаких рассказов людей, знавших тех, чей знакомый лично встречал парня, знавшего того, кто побывал в чудесных землях... Все чудеса, все красоты Ойкумены можно будет не просто увидеть, но и прикоснуться к ним собственными руками.

И я знаю, что сделаю все, чтобы однажды в компании лучших и самых близких моих друзей совершить беспрепятственно путешествие по миру, увидев все красоты и диковины его.

Александр Македонский
«Хождение на рассвет», свиток 7.

Политика, как ни странно, оказалась до смешного простым делом. Ранее, наблюдая эту толчею отстраненно и даже обывательски, я принимал всерьез все выпады выступающих и детали их экономических и политических платформ. Мне казалось, что таблицы и цифири, что приводили они в оправдание своих позиций, имеют решающее значение, а способность верно понимать их может быть присуща лишь человеку, совершившему восхождение на определенную ступень сознания. Собственно говоря, даже все сочинения йогинов, перечитанные мною в тесном матросском кубрике, только укрепляли меня в этой мысли.

И только сейчас, столкнувшись в живой реальности с этими пузатыми господами, благостно вещающими о неведомых им самим материях – в том числе, скажем, о жесткости и щедрости – но в то же время неспособными хоть в малейшей степени защитить даже самые необходимые позиции, касающиеся собственных их жизни и здоровья. И когда люди, рассуждавшие минуту назад о всеобщем счастье, сникают перед десятком уставших мужчин, сколько может быть веры всем их словам? В общем вся политика, как оказалось, штука совершенно простая, ибо за последние годы она согласно возникшей традиции сплошь оказалась заполнена людьми негодными ни в малейшей степени ни к какому действию; а бесконечная болтовня, к которой она свелась, совершенно равно доступна любому, и никакие успехи в ней не могут означать ровным счетом ничего.

Анатолий Железняков

**«Красный бронепоезд. Ураган с Балтики», неизд.
М., «Б-ка революционной дипломатии», стр. 111.**

НЕПРОЧИТАННОЕ

Любовное чтиво: Георгей и Егоргей – рождение андрогина

При всей запутанности личной философии героев, роман «Любовь тыловая» несомненно станет одним из ярчайших образцов именно философской прозы, посвященной осмыслению любви как данности, неизбежно присутствующей в мире.

«Российская газета»

Чтение этой богомерзкой книжонки – еще один способ кратчайшим путем отправить душу свою на адскую сковороду. Автор не гнушается ничем, воспевая, несомненно, в первую очередь свои собственные противоестественные склонности, и делает это с таким увлечением, что может легко сбить с пути истинного любую неокрепшую душу.

Журнал «Сторожевая башня»

Среди множества томов в ярких обложках, щедро поставляемых на прилавки крупными издательствами, роман молодого прибалтийского писателя

Максима Соколаускаса «Любовь тыловая» (первоначальное название «Фронт в тылу» автор изменил по просьбе коммерческого редактора) легко может затеряться. Тираж книги не столь уж велик – всего 3 тысячи экземпляров, оформление весьма неброско, а издательство «Геократ», представившее этот роман читателю, не слишком известно на рынке.

Насколько известно, ни одно из «серьезных» издательств, специализирующихся на «культурной литературе» и на «духовных откровениях», просто не рискнуло связать свое имя с проектом. Впрочем, это лишь подтвердило тезис о том, что в эпоху массовой культуры – и массового чтения, как следствия – все новое, нарушающее привычную картину мира, следует искать в стороне от стеллажей «глянцевых революционеров», являющихся, по сути, порождением и продолжением мира рекламы.

Сам по себе сюжет книги, быть может, еще и не заслуживал бы особо пристального внимания: речь идет о двух молодых людях, открывающих в себе гомосексуальную сторону натуры, и о тех духовных превращениях, что происходят с ними вследствие подобного открытия. Тема, что и говорить, не слишком нова. Однако автор выбрал тот угол для рассмотрения ее, что произведение получилось не только динамичным и ярким (этим в наше время, озаменованное притоком репортеров и рекламщиков в литературу, тоже трудно кого-либо удивить) но и действительно многоплановым, пронзительно-философским, неожиданным и удивительно светлым.

Действие романа происходит в одном из тех хозяйств, что лет двадцать назад были не слишком успешными колхозами, теперь же представляют собой просто руины павшей в борьбе с самой собою Империи. В этом хозяйстве живут и трудятся два друга

– Егор Селезин и Георгий Доберецкий, которым автор отводит роль главных героев повествования, парни, глазами которых читатель увидит знакомый ему, казалось бы мир – Вселенную России 90-х годов прошлого века.

Описание быта деревни, расположенной где-то на бывшем Земландском (ныне – Самбийском) полуострове, достаточно подробно, и возвращается к нему автор неоднократно, старательно выстраивая картину не столько внешнего, сколько внутреннего распада: *«Сам коровник, у руин которого сейчас курил Егор, сельчане давно разобрали на стройматериалы. Держать в нем было все равно некого, присматривать за зданием некому было, да и само оно – в том виде, как было выстроено – оказалось не нужным совершенно никому. Вот и растащили его за пару лет, так же как растащили и два стоящих неподалеку на отшибе дома, в которых все равно давно уже никто не жил, по частям. Что можно было продать, как стройматериалы – продали, чтобы пропить выручку, арматуру и прочие металлические части старательно выбрали и свезли в скупочный пункт, располагавшийся в соседнем селе, аккуратно в бывшем здании правления колхоза, все с той же простой целью. От коровника осталась одна только торцевая стена – по какой-то странной придури строителей не выстроенная из кирпича или блоков, а монолитно отлитая из бетона. За прошедшее время она покосилась, но не было в ней ни щелей, ни даже трещин. «Умели строить,» - подумал некстати Егор. Одновременно он поймал себя на том, что поражается не столько тому, что односельчане его разбирают, чтобы пропить, столь внушительные строения – да и вообще вот уже несколько лет живут, как и вся*

страна, почти исключительно за счет продажи доставшихся им останков, сколько самому факту, что есть ведь кто-то, готовый сейчас покупать все это. А значит, вопреки всему — и очевидному, и слухам — жизнь продолжает кипеть даже там, где она кажется невозможной».

Здесь, в небольшом приморском поселке, герои романа родились и выросли. Сюда они вернулись однажды, чтобы неожиданно для самих себя совершить открытие — главное открытие своей жизни.

Предыстория занимает первую главу и еще несколько страниц текста, вкрапленных тут и там, и посвященных ретроспективным размышлениям Георгия и Егора. Детские и юношеские годы друзья проводят вместе, затем на какое-то время пути их расходятся. Георгий поступает в столичный ВУЗ, который он, впрочем, так и не оканчивает, увлекшись артистической полубогемной тусовкой. Из-за проблем со здоровьем его признают негодным к службе, и поэтому, даже забросив институт, парень несколько лет наслаждается ставшим привычным для него образом жизни — пока личная трагедия не вынуждает его вернуться на балтийское побережье. Егор уходит служить в армию, а после службы четыре года скитается по России — успев за это время и жениться, и развестись, и поработать на руководящей должности и попасть под следствие.

Описание их судеб не скомкано, а просто весьма сжато: автор дает вводные данные, рисуя в целом картину и без того знакомую каждому, пережившему эти годы среди тысяч георгиев и егоров, и на фоне картины этой лишь намечая путь своих героев, уделяя ему ровно то количество внимания, которое соответствует авторскому замыслу. А для авторского замысла изо всей бурной жизни героев интерес пред-

ставляют исключительно те поиски любви и идеальной женщины, что были предприняты за годы скитаний.

Чтобы уйти от неизбежного при линейном изложении наслоения второстепенных деталей и углубления в сложные сюжетные линии, Соколаускас использует простой прием: наметив канву, чтобы читатель имел общее представление о ходе событий, он возвращается к важным для него моментам в воспоминаниях героев. Это оказывается удачным еще и потому, что автора интересуют не отдельные эпизоды поисков, а их сравнительное осмысление, вычленение сути, осознание общих принципов и выведение максим, которыми герои могут оперировать впоследствии.

Понятно, что поиски единственной любви у обоих сложились неудачно (иначе романисту пришлось бы подбирать для этого сюжета иных героев). Неудачным оказался брак Егора, неудачны были несколько его мимолетных романов с самыми разными – и по возрасту, и по положению женщинами – случившиеся в разных городах России. Неудачным оказался и поиск Георгия, пытавшегося покорить столицу.

Обсуждение этих поисков начинается уже во второй главе, описывающей встречу приятелей после многолетней разлуки. За столом в комнате Егора, под купленную по такому поводу в магазине «Столичную», звучат первые истории из их жизни и предпринимаются первые попытки их осмыслить. Егор рассказывает о своем браке – молодая и весьма искренняя девушка казалась идеальной женой для директора небольшой торговой фирмы, но потратила немалую сумму на взятки, чтобы развестись с ним сразу же, как того по надуманному обвинению на два месяца закрыли в следственный изолятор. Уголовное дело было заказано конкурентами, которые перестали оплачивать работу следствия, как только решили свои

проблемы, вытеснив фирму с рынка (Егор там выполнял, по сути, «представительские функции», и был изолирован скорее в качестве намека учредителям, к нему лично претензий не было – да и в расчет его не брали). После того, как все обвинения были сняты, а самого Егора с безразличными извинениями выпустили на свободу, супруга попыталась вернуться, однако он уже не рискнул верить ее объяснениям. Георгий в ответ вспомнил обычную, в общем, историю первой своей московской любви, страстной и яркой, но категорически отказавшейся от каких-либо продолжительных отношений из-за «провинциальности» кавалера – предпочла ему девица сильно уступавшего интеллектуально и эмоционально москвича в четвертом поколении – потомка каких-то красных комиссаров из Свблово.

Встречи эти входят у друзей сперва в привычку, затем в правило. Заняться в поселке, в принципе, все равно больше практически нечем. По уровню развития за несколько лет скитаний друзья оторвались от односельчан на эпоху. Телевидение принимает на антенну всего два канала, а с сетью Интернет в конце девяностых были знакомы далеко не все российские села. Таким образом, весь отдых для Георгия и Егора сводится к посиделкам по вечерам и прогулкам по окрестностям в свободное время.

Во время этих прогулок друзья не столько делятся воспоминаниями, сколько пытаются совместно их осмыслить. При этом Георгий склонен искать объяснения в психологии, самостоятельному изучению которой посвятил он несколько лет, Егор же создает свою систему духовных построений. Системы эти весьма сложны и изложены в романе вполне подробно – пересказывать их неблагодарное занятие уже потому, что автор посвятил им слишком значительный объем

повествования. Иногда возникает подозрение, что эти системы являются героями его не в меньшей степени, чем Георгий с Егором.

В двух словах сводятся они вот к чему. Георгий считает, что все отношения между людьми строятся на самом деле в голове каждого из них, и потому речь должна идти сразу о двух парах – ибо в воображении каждого будет существовать и взаимодействовать своя, состоящая из того, каким полагает себя этот человек и того, каким видится ему его партнер; а поскольку и себя, и партнера человек склонен воспринимать неадекватно, то и отношения воображенной пары будут в каждом случае далеки от реальности. Таким образом, по мнению Георгия, речь может идти лишь о том, в какой момент эти придуманные пары и их взаимоотношения полностью перестанут стыковаться между собой. Егор же полагает, что все взаимоотношения, которые мы наблюдаем в нашем мире, являются лишь бледной проекцией тех отношений, что складываются между душами на более тонком плане. Он искренне верит, что каждый человек живет одновременно в нескольких мирах, осознавая при этом только один из них – наиболее «грубый». Между тем взаимосвязи и отношения, возникающие за его пределами, более важны, и в конечном итоге именно они определяют то, каким образом выстроятся события в «нашем» мире.

Построение и развитие этих теорий превращается для приятелей в основное занятие. Обсуждают их они и во время прогулок по лесам, и за стаканом пива на кухне, постепенно приходя к единой концепции, от двух систем – основанных, соответственно, на «объяснении ума» и «объяснении духа», приходя к одной, синтезируя ее – и в этом процессе все силь-

нее сближаясь друг с другом. Изредка они выбирают в областной центр, чтобы пройтись по шумным его улицам и вспомнить ощущения, познанные в прежние годы. Немного чаще посещают они Кранц (так, на старинный манер, именем знаменитого некогда германского курорта величают между собой друзья малоизвестный сегодня российский городок Зеленоградск).

И именно здесь, в Кранце, на променаде, к исходу четвертой главы, за сорок минут до последнего автобуса, которым могут они еще уехать, друзей накрывает в первый раз волной их собственного откровения.

«Горячее дыхание Георгия неожиданно обожгло его ухо. Только тут Егор осознал, что за время короткой беседы, пока сам он созерцал закат, его товарищ придвинулся вплотную, и теперь уже буквально навис над ним, пока еще не весом, но жаром своего тела впечатывая его в бетонный парапет набережной. Однако это, как ни странно, не вызывало у него ни страха, ни отторжения, ни даже слабого протеста — все было совершенно естественно. Все было удивительно органично, и Егор, неожиданно для самого себя подался навстречу этому дыханию — сам удивляясь этому движению и в то же время не в силах будучи удержаться от него или даже просто совершить его как-то иначе: хотя бы не столь явно, не столь свободно, не столь непринужденно и естественно... не столь пугающе для себя самого.»

Объяснение этому повороту истории друзья находят тем же вечером во время привычных кухонных посиделок, и объяснение это настолько их удовлетворяет, что они решают просто принять все случившееся как новую данность, и не противиться тому

ходу событий, что им обоим представляется вполне естественным и органичным.

Столь долго находившись в поисках истинной любви и столь детально представляя себе ту самую, единственную свою и неповторимую женщину, каждый из них сперва самостоятельно создал ее, вылепляя в собственном воображении и разуме каждую мельчайшую черточку, воссоздавая малейшую реакцию и каждую ее эмоцию, а затем открыл – уже с помощью друга – в самом себе.

И осмысляя это преобразование, автор находит вдруг неожиданное сравнение. Любовь, заявляет Соколаускас – это фронт. Фронт, на котором мужчины и женщины разных рас и народов ведут между собой войну уже тысячи лет. Война эта не объявлена, не является неизбежной (да даже и просто необходимой), но поскольку заранее известно, что обе стороны ведут ее, борясь за счастье всех выживших – то новые и новые бойцы каждый день встают в ряды сражающихся. Ведь каждый из них не то, что верит – он убежден, что именно ему улыбнется неверная военная удача, что именно его минет любая серьезная беда, и что как раз избранная им тактика позволит однажды добиться победы – то есть не только выжить в этой войне, но и обрести свое счастье. Всю эту сложную конструкцию романист излагает устами Георгия, как человека более искушенного в сложных философических построениях, нежели Егор.

Сцена на опушке леса, в которой это откровение обретает форму, является, несомненно, одной из самых сильных в романе. Мы не будем, разумеется, приводить ее здесь целиком, памятуя хотя бы о том, что данная рецензия призвана пробудить читательский интерес к произведению, а вовсе не утолить его де-

тальным пересказом книги, однако обойтись без цитирования невозможно.

Рука Георгия, покоившаяся на его бедре, неожиданно напряглась, не утрачивая, впрочем, нежности прикосновения, и Егор, опустив взгляд, увидел, что и выражение лица, и поза друга неожиданно переменились — так бывало обычно, когда не давая ему покоя несколько дней мысль неожиданно обрела законченную форму, и становилось возможным ее выразить.

- Понимаешь, старик, мы с тобой не смогли уцелеть, но нас не смогли и уничтожить, - Георгий говорил медленно и тихо, но так как сидели они, склонив головы друг к другу, то большего и не требовалось. — Это ведь действительно война, как бы ни пытались это назвать, к каким ухищрениям ни прибегали бы. Война, в которой победа возможна только в одном случае — если противники объединят усилия, а объединить их они не могут, потому что боятся друг друга. Страх — это причина войны за любовь. Страх лежит в основе всего этого, тот ключ, который запирает дверь, которую якобы пытаются открыть обе стороны. Мы с тобой так и не смогли открыть ее в свое время, но и запереть ее толком мы не дали — поэтому живем на сквозняке, что тянет через неплотно прикрытую щель. Мы не можем вернуться на фронт, мы — инвалиды, Егорка, нас покалечило вместо того, чтобы убить. Мы просто не найдем уже этого фронта — в нас отбили то, что помогало чувствовать направление на него, что ли... Но этот фронт теперь — я только сейчас это понял — находится внутри нас самих. Ведь это ему мы отдали лучшую часть своей жизни, победе на нем были посвящены самые искренние порывы души...

Странное дело — ничего нового, в принципе, Егор не услышал. Все это так или иначе уже проговаривалось неоднократно на маленькой его кухне во время «сакральных посиделок». Но почему-то именно сейчас, когда слушал он негромкий, речитативный монолог друга, что-то внезапно прояснилось и выстроилось в его душе, в горле встал комочек, и он почувствовал, что очень важное оформилось — не самими словами даже, а тем, что стояло за ними. И еще понял он в этот момент, что и сам фронт любви, и женщины с которыми боролся он на этом фронте, отныне перестали быть для него важны — и потому, что он действительно оказался в тылу, и потому, что вовсе не собирался и не мог уже вернуться отсюда на передовую, и потому еще, что здесь, в тылу, нашел он пусть не совсем то, за что сражался прежде, но ту награду, которая окупила все его потери...

Надо отметить, что женщины, окружающие героев романа — создания приземленные и практичные. Между строк, но ни в коем случае не прямым указанием, автор дает понять, что интуитивно и они разделяют философию Георгия о фронте любви. Но разделяют именно интуитивно, даже не прилагая труда к тому, чтобы попытаться ее осмыслить. И так же интуитивно определяют они Егора и Георгия не как оставшихся в тылу, а как дезертиров с фронта — и соответственно выстраивают свое к ним отношение.

Холодно распахнув полу ватника, под которой, прикрытые лишь несвежей ситцевой голубой сорочкой, вяло колыхались обвисшие груди, Ангелина спросила его неожиданно охрипшим голосом: «Ну и?»

Ответное молчание Георгия повисло в воздухе неловко и как-то косо, он сделал вид, что не по-

нял подоплеку вопроса, время неожиданно стало вязким, и он почувствовал, как пухнет в черепе разум...

- Да наливай уже, коз-зел, что ты тянешь! — каркнула вдруг Ангелина и, запахнув ватник, зло и зябко передернула плечами.

При всем этом женщин, как олицетворения природного начала, в романе нет. Мы видим вереницу женских тел — описанных в большинстве своем хоть и бегло, но вполне отталкивающе — населенных не душами, а некими злобными духами, равно чуждыми как началу мужскому (это ярко показано в сценах в лифте, на пристани, во время шторма на уборке урожая и, без сомнения, в монологе нарочито безымянной стюардессы в бане), так и женскому (в чем читатель убеждается, вместе с героями наблюдая безобразную сцену в электричке, «слушая» разговор жены и любовницы в офисе главы хозяйства и участвуя в лесбийской оргии в мансарде клуба). Они не из тех, кто принимает либо примет когда-либо участие в сражениях на фронте любви. Их интерес — не борьба за победу и даже не победа, а только добыча, которую женщины эти не могут представить себе иначе, нежели трофеи, отобранные у павших. Это не бойцы, а мародеры. И в этом кроется еще одна причина неприязни к друзьям: ведь уцелев, оказавшись в тылу, обретя здесь, наконец, пусть не полную победу, но некую награду — они становятся в глазах мародеров обладателями трофеев, которые те согласны получить, однако получить не могут.

Единственный женский типаж, который не вписывается в эту линию — героиня второго плана, продавщица поселкового магазина Даша. Но и ее, первоначально контрастный с окружением образ, в конце романа нивелируется. Эпизод, посвященный этому

преображению, стал одним из самых трагичных в повествовании.

- Да что, я хуже других, что ли? — спросила Даша, обращаясь, скорее, к самой себе, и в уголке глаза, когда наклонила она голову, блеснула слезинка. — Я ведь тоже могу нормально жить! К черту все эти бессмысленные романтические бредни! Я ведь тоже могу радоваться, быть свободной, не зависеть ни от кого и ни от каких мнений!

Егор слушал ее, но не мог отделаться от ощущения, что параллельно с монологом, который Даша произносит вслух, слышит он и второй, повторяющий, но в то же время и являющийся зеркальным отражением первого:

- Да неужели я могу оказаться лучше других? — звучал в его мозгу захлебывающийся от волнения девичий голос. — Неужели я вдруг заслужу встречу с человеком, который захочет принять меня такой, какова я есть, и который пожелает, чтобы я приняла его? Неужели я могу обрести ту единственную зависимость, которая освобождает от всех других зависимостей? Не проще ли принять устоявшиеся правила игры: подчиниться законам этого мира в обмен на то, что он сделает вид, будто мы с ним независимы друг от друга?

Вообще — и это вполне закономерно — чем дальше, тем больше становится разрыв, отделяющий героев романа от всего остального мира. Трещина превращается в пропасть. Пропасть становится бездной — в которую невозможно уже не рухнуть.

Однако перед тем как это падение произойдет, автор должен жестко определить: насколько падение это будет мнимым.

На протяжении всей истории Соколаускас мастерски расставляет логические и эмоциональные по-

вушки, которые в конце концов ввергают читателя в сомнение: а не являются ли Георгий и Егор частями личности одного человека; частями, которым суждено в какой-то момент обрести целостность? Для гетеросексуальной части читателей (которая как ни странно, в области интеллектуальной литературы до сих пор составляет большинство) это явилось бы вполне достаточным «извиняющим мотивом», поскольку образы обоих друзей – что следует отметить особо – выстроены непротиворечиво и притягательно. Более того, несмотря на то, что начиная с пятой главы становятся они убежденными гомосексуалистами, гомосексуалисты из них получаются совершенно гетеросексуальные по своей сути. Геи, которые чтут женское начало как друг в друге, так и в себе самом, и по сути поклоняются ему. Друг в друге же они вынуждены его открыть были лишь в силу того, что в представительницах соответствующего пола, как и говорилось, оно отсутствует напрочь...

Подозрение же о возможном единстве личностей Егора и Георгия возникает по большей части из-за слишком скрупулезного показа их духовного слияния. Избежать его, пожалуй, невозможно было автору – и именно потому он прибегает для опровержения к единственно возможному приему: заставляет самих героев предположить его и самих же его опровергнуть.

И только тогда, когда не остается ни малейшего сомнения в том, что Егору и Георгию удалось, наконец, благополучно пройти все опасные повороты и найти свою тихую гавань, автор выводит нас к концовке – в лучших традициях жанра жесткой и бескомпромиссной. И лишь какое-то время спустя после того, как перелистнешь последнюю страницу романа, приходит понимание того, что иной она и не может быть,

и что самая страшная потеря действительно может дать величайшее приобретение.

Георгий погибает, застреленный во время грозы ревнивой мужеподобной сторожихой, принявшей его за своего мужа – местного участкового. Финальные сцены романа – агония Георгия и попытки врачей Центральной районной больницы спасти его – выписаны предельно детально и достоверно. Автор специально провел несколько дней вместе с бригадой «скорой помощи» и хирургами, чтобы добиться фотографической точности в описаниях.

И вот, когда усилия лучших врачей оказываются тщетны, Егор, оставшийся в одиночестве, должен по новому осознать мир и найти в нем свое место.

Любовь... Он стоял на крыльце больницы, бездумно глядя вдаль, на лес, подступавший к самым окраинам городка. Любовь. Она вела их по жизни... Она привела их друг к другу, и она, в конце концов, казалось бы, оставила их – думал он, но в то же время чувствовал, что в мыслях этих есть что-то неправильное, какой-то изъян, которого он касался уже не один раз за те минуты, что простоял здесь, и который он просто должен, обязан был разглядеть – и вдруг он понял, он увидел изъян этот, и легко потянул его на себя, извлекая наружу, и откинул, физически ощутив при этом странный толчок в груди (словно выдернули оттуда застарелую, ссохшуюся, привычно давящую опухоль – такое сравнение мелькнуло в его мозгу) и отталкивая понял: любовь не оставляла их.

Изъян был в том, что он позволил привычным ассоциациям увлечь себя, размышляя о том, что никак не могло в них уложиться. Да, они были едины с Георгием – но единство это не исчезло с его смертью, оно просто стало иным. И, едва поду-

мав о нем, он снова ощутил его — так, словно тело того, кто стал естественным его продолжением, не лежало сейчас на холодной железной каталке в углу хирургического отделения. Любовь была и любовь осталась. То, что разделило их, не имело отношения к любви, ибо это был страх. Страх, свойственный людям. Страх, которого они избегают на словах и в котором ищут они защиту от любви — ибо боятся ее больше, нежели его. Страх, который побеждая в отдельных сражениях на самом деле никогда не сможет стать сильнее любви и вынужден будет однажды проиграть войну в целом. А любовь... любовь изначально была с ним. Все эти годы, что он искал ее — она была здесь, внутри... она не могла ни пропасть, ни пострадать — поскольку именно она была тем настоящим, вокруг которого нарастало все остальное.

И теперь, поняв вдруг это, он почувствовал себя неожиданно совершенно свободным. Не было больше ни больницы, ни низко нависшего над нею серого неба, ни даже его самого. Была только любовь — частью которой, лишь частью был сам он, ибо любовь эта вбирала в себя весь мир...

Да, Егор остался один. Цельный, замкнутый сам на себя — и свободный тем самым от любых условностей. Что будет с ним дальше — неизвестно. История эта, несомненно, способна стать отдельным романом — но только рискнет ли автор превзойти самого себя, взявшись за написание его?

Сермяжный космосъ или Русификация Универсума

Долгожданное чтиво для поклонников отечественной фантастики. «Звездные войны» оставлены позади. Вместо этого Звездный мир — сложный, но гармоничный — предстает перед нами со страниц романа. Главное же открытие состоит в том, что наконец-то появился достойный восхищения герой «российского разлива». И герой этот — не размахивающий ракетной установкой одинокий спаситель цивилизации с ирландским или саксонским именем, не безумный ученый с германской фамилией, а целое сообщество людей и иномирян, глубоко русских по своему духу.

Мангышлакский рабочий

Эту книгу следует читать хотя бы для того, чтобы убедиться: Россия никогда не откажется от своих имперских амбиций. Двуглавый орел не станет питаться нектаром на манер птичек колибри, так же как русский бурый медведь никогда не станет пандой.

The Wall Street Journal

*Вселенная под пятой русских — это воистину ужасающее место. Достаточно бегло пробежать глазами текст, чтобы убедиться в этом. На 367 страницах автор многократно описывает безумные алкогольные оргии, в которых женщины, добровольно принимающие роль объектов сексуального влечения (что само по себе возмутительно для любого представителя цивилизованного общества) употребляют дурманящие напитки наподобие виски, водки и *tormoznaja zhidkost* наравне с мужчинами. При этом несколько глав посвящены восхвалению «имперских специальных служб» и ни одной(!) главы не уделено описанию деятельности демократических институтов. Эта книга, задуманная автором как безудержный панегирик русской идее, является, по сути, приговором ей же. Приговором именно потому жестким и беспристрастным, что вынесен он человеком, пытавшимся эту идею воспеть.*

Black Book Magazine

По сути, всевозможные фантастические романы, посвященные описанию т. н. «Российской Вселенной», уже давно могут быть выделены в отдельный класс произведений, авторы которых — кто с большим, кто с меньшим талантом и тщанием — описывают отдаленное будущее страны, превратившейся в организующую и направляющую силу в масштабах

обжитого человечеством Универсума. Свою лепту в создание образа Межзвездной России внесли как известные литераторы – например Сергей Лукьяненко (Русский Космос которого предстает перед нами в виде нескольких не слишком развитых, но весьма лубочных миров в цикле «Императоры иллюзий») и Александр Зорич (который представляет нам настоящую Российскую Космическую Империю в своей дилогии «Завтра война»), так и совсем молодые и неизвестные пока авторы, публикующиеся в большинстве своем на столь же безбрежных, как и описываемый ими Космос, просторах Мировой паутины.

Новый роман Ионаса Мантюшенко – молодого писателя из города Нестерова в далекой Калининградской области – может смело претендовать на то, чтобы появлением своим положить конец многолетним исканиям отечественных фантастов, пытавшихся выстроить представление об этом неведомом мире. Его книга «Туманность Орла, галактика Медведя», выпущенная издательством «Цитадель-принт», не то чтобы подводила итог их соревнованию – она создает те рамки, в которых только и будет возможно оно отныне. Именно в этом произведении предстает перед нами законченный и цельный образ Российской Федеративной Империи, которой суждено отныне стать новым – полноценным и полноправным – героем фантастической литературы.

Сюжетом романа автор избрал весьма размеренное действо, сводящееся к длительному путешествию из конца в конец Звездного Сообщества, за время которого герои посещают самые различные планеты и общаются с их обитателями, знакомятся с обычаями многих миров, влюбляются, спорят, работают... в целом – занимаются всем тем, чем могли бы заниматься герои любой мелодрамы,

чье действие не выходит за пределы одной планеты. Путешествие это насыщено приключениями – увлекательными, но вполне безопасными.

Главные роли отведены небольшой группе из четырех актрис провинциального балета, и сопровождающим их троим мужчинам: слегка «голубоватому» импресарию, утонченному и меланхоличному повару и мужественному в лучших традициях «женских романов» телохранителю-водителю-пилоту-переводчику в одном лице. Приключения их, к слову, по духу своему тоже являются вполне даже русскими приключениями.

В начале романа они отправляются в обычную, казалось бы, поездку, не спеша и не волнуясь. Через какое-то время выясняется, что ситуация изменилась, и из-за интриг и происков недоброжелателей им следует прибыть как можно скорее – и они прилагают к тому усилия, но никак не могут ускорить процесс. Нанятый скоростной катер ломается, транспортная экспресс-баржа уходит в подпространство без них, выкручиваться приходится благодаря помощи космофлотцев. Очередное известие напротив требует, чтобы они замедлили передвижение – до того момента, пока не будет разоблачен коварный недруг. Уложиться в новые рамки также не представляется возможным из-за того, что капитан космофлотского транспорта, выбранного героями из-за его тихходности, решает «очистить имя славное» и ставит рекорд скорости для своего сектора галактики... При этом всякий раз выясняется, что изменения в графике никоим образом не влияют на ход событий – ускоряясь и замедляясь не в такт, переживая из-за неминуемых, казалось бы, опасностей, герои без лишних проблем и абсолютно вовремя прибывают именно

туда, куда им и нужно. Затем следует несколько изменений в маршруте – всякий раз совершенно обоснованных и необходимых, но и тут ничто не идет по наспех составленным планам. Пытаясь обойти область пространства, в которой может дрейфовать разреженное метеоритное облако, они оказываются едва ли не в центре настоящего межзвездного конфликта; избегая космопорта со слишком строгими карантинными правилами – попадают на планету, пораженную новой пандемией; отправляясь на корабле, идущем по кратчайшему пути до нужной им планеты вынуждены делать гигантский крюк через дюжину звездных систем из-за проблем, возникших с находящимся на борту грузом редких животных...

Это длительное путешествие, маршрут которого пролегает через миры Русского Космоса (галактики, входящие в состав РФИ) и дает читателю возможность увидеть, как живут в далеком будущем единой семьей люди и существа самых разных видов, создавшие под светом тысяч солнц новый мир. Нам дано узнать тонкости нового политического мироустройства, увидеть быт и услышать из уст его жителей легенды и предания этой Вселенной. Какого-либо «стержня» в сюжете, в общем-то, и нет. Складывается такое ощущение, что действие его служит скорее фоном и объяснением той последовательности событий и явлений, что наблюдают герои, перемещаясь от одной окраины Империи к другой. Заметим – автор почему-то избегает визитов в столицы, намеренно рисуя жизнь именно «космической глубинки».

Но благодаря сложному и длительному маршруту глазами читателя проходит огромное количество второстепенных персонажей, представляющих самые

различные типажи из разнообразных уголков этой причудливой Вселенной. Водители орбитальных такси, академичный, но совершенно внеземной художник-рептилия и философствующий бармен-осьминог, офицеры специальных служб и перезрелые содержанки «высоких особ».

То и дело на страницах романа мелькают и сами «высокие особы», которые служат, похоже, в большинстве своем одной задаче: подчеркнуть масштаб и величие Российской Федерации; силу того самого «русского духа», что вознесясь к звездам – покори́л их.

Впрочем, следует отдать автору должное – он вовсе не вкладывает в уста героев патетические речи (следует отметить: «Галактика Медведя» – что редкость для сегодняшнего дня – практически начисто лишен патетики), предпочитая вырисовывать картину за счет мелких деталей. Их сочетание и позволяет получить голографический снимок, вполне объемный для того, чтобы разглядывать его с разных сторон, открывая при каждом повороте новые и новые подробности.

Вот только одно описание, позволяющее в полной мере оценить сочетание тонкого юмора, филигранной проработки мелких деталей и мастерства, с которым выстраивается сцена.

За спиной герцога Арктурианского стояли штандарты Сирианской Империи и VII Конфедерации, в состав которой Империя входила последние полторы тысячи лет. Между штандартами располагался высокий шкаф, на полках которого выложены и выставлены были символы величия протектората, возглавляемого герцогом. Были здесь и Орден Туманности – высшая награда Конфедерации пятисотлетней давности, па-

мать о кипевшей в этом секторе некогда войне с Дар'Тлингами, и Свиток Полномочий — особый знак имперского благорасположения к арктурианцам.

На отдельной полке, в прозрачном герметичном контейнере стояла литровая бутылка «Кремлевской» - символ того, что хозяин кабинета некогда лично совершил паломничество на далекую Землю.

Для сирианцев даже пары алкоголя были смертельны, потому контейнер не был лишней предосторожностью — но именно настоящая земная водка, заговоренная жрецами Похма, освященная в Кремлевском Соборе, с начертанным вручную на стекле иероглифом Росса издревле являлась знаком того, что обладатель этого дара является истинным другом России и потому находится под особым ее покровительством. Проще говоря, герцог мог в любой момент лично пригласить командира любого оказавшегося поблизости российского военного корабля на символическую рюмку, и тот не мог отказать. А появления на орбите даже легкого российского катера, как известно, было вполне достаточно для решения любой проблемы планетарного масштаба.

Попыток подделки русской водки за всю историю Союза Рас до настоящего момента было известно всего две. На том месте, где была осуществлена вторая из них, находилась теперь цепь маяков, отмечавших безопасный путь сквозь сотворенную моряками Балтийской легкой флотилии пылевую туманность.

Алкоголь, кстати, что бы ни казалось читателям предыдущей сцены, вовсе не становится неотъемле-

мой частью истинно русского образа. На протяжении всего романа он, можно сказать, «присутствует, не подавляя». Он занимает свое место на столах и во флягах, вовсе не становясь подменяющим реальность наркотиком. Автор вовсе не пытается сыграть на каких-то существующих ныне стереотипах. Просто создавая портрет живого, реального – пусть и отделенного от нас веками – мира, он не может избежать описания тех черт, что будут присущи ему в силу совершенно объективных закономерностей развития. А автор поставил перед собой задачу написать портрет столь достоверный и детальный, что остается только поражаться его фантазии в создании великих черт и терпению в выписывании мелочей. Ведь создавая свой, мир молодой нестеровский писатель не пренебрегает и малейшими возможностями, не отказывается ни от одного из приемов, разработанных его предшественниками, таких, к примеру, как создание внутренней мифологии мира, его языка и традиций.

Особое внимание, например, уделяется описанию обычаев, установившихся в русской части обитаемого мира. Новый год, к примеру, здесь тянется 13 дней, и состоит из празднования проводов старого года в ночь с 31 декабря на 1 января, из 12 «судьбинных дней» - каждый из которых определяет, как пройдет соответствующий месяц, и собственно встречи Нового года в ночь с 12 на 13 января. Все эти дни по многовековой традиции считаются выходными. При этом магазины, торгующие алкоголем, обязаны отпускать напитки «славянской традиции» - водку, деревенский самогон, можжевельнику, коньяк и текилу со скидкой не менее 73%.

Тема новогодних праздников обсуждается на протяжении пяти страниц кряду, причем обсуждается с

разных сторон – тремя из семи главных героев, а также встречаемыми ими по мере путешествия экспертами-теологами, сенатором с далекой маленькой планетки, нетрезвым корабельным техником-наладчиком троепольного синхрофазотрона¹ и иными персонажами, спектр которых весьма широк.

За счет «русскозвучащих» слов Мانتюшенко создал значительное количество терминов и обозначений своей Вселенной, в числе которых, например, «орбитальный курень» (многофункциональная станция), «звездатое ветрило» (фотонный парус), «звездная рать» (военно-космические силы) и «долголет» (пришедший на замену привычным «флаерам»). Конечно, читателю, отравленному за последние годы обилием насыщенных англицизмами книжек, трудно будет поначалу воспринимать мир, где люди пользуются летуном или долголетом вместо флаера и солнцеметом вместо бластера – но какую глубину достоверности придает это показанному нам миру!

Собственно, временами даже начинает казаться, что Мانتюшенко излишне увлекается описанием мельчайших нюансов мироустройства и обычаев. Но видимо, в том и была его сверхзадача – создать цельный, гармоничный, детально выписанный мир, достоверный и логически непротиворечивый. Здесь можно было бы говорить о попытке урвать горсть лаврушки из венков, венчающих головы Урсулы ле Гуин или са-

¹ Что такое «троепольный синхрофазотрон» автор так и не объясняет, пользуясь тем, что ни один из ведущих героев технарем не является, и значит информация эта, в общем, сюжетно не обоснована. Придраться к нему сложно, поскольку за несколько тысяч лет понятия могут измениться сколь угодно радикально, как сегодня многие слова значат вовсе не то, что значили тысячу лет назад.

мого Дж. Р. Р. Т., но справедливости ради отметим – попытка удавшаяся уже не зовется попыткой. Мир, выстроенный Мانتюшенко, столь логичен, строен и непротиворечив, что в него не просто веришь, в него хочется верить!

В «межзвездный русский язык» попадают и слова явно тюркского происхождения – как например «шайтан-бабай» (особо опасный террорист-разбойник, неоднократно бежавший из мест исправления ради возвращения к преступному промыслу). Это автор объясняет тем, что за годы, предшествовавшие рывку к звездам – в романе этот период носит красивое название «Медвежьей колыбели» – Россия сумела объединить под своим крылом значительную часть Земли. Именно это, кстати, и дало ей возможность наиболее успешно из всех земных государств осуществить вхождение в семью звездных народов. Достаточно отметить, что США к описываемому периоду хотя и объединились с Мексикой и Канадой, но в Дальнем Космосе представлены от силы десятком планетных систем, находящихся в весьма сложных взаимоотношениях со своими соседями.

Россия же уверенно заняла лидирующие позиции, и посланцы ее рассеялись по всему обитаемому космосу, наводя порядок, неся мир и взаимопонимание самым отдаленным народам. Именно выходцы с русской части Земли и из первых русских земных колоний предстают перед нами в качестве элиты новой цивилизации – элиты новой, не вполне знакомой нам, но наделенной какими-то вполне узнаваемыми чертами. Наблюдая за деталями нового мира – можно увидеть те современные знаки и явления, от которых произошли они, те символы, что изменились с течением веков – как это обычно и бывает с символами – но в то же время сохранили себя.

И действительно, стоит обратить особое внимание на то, как в мире Мантюшенко преобразуются с течением веков символы и их трактовки. Возьмем для примера только одно описание, достаточно яркое и показательное, чтобы составить по нему представление обо всех остальных:

Герб, украшавший собою западную стену Зала Собраний, несмотря на свою массивность и мощь вовсе не подавлял смотрящего на него. Огромный орел парил над миром, раскинув крыла, усеянные, словно бисером, эмблемами и гербами всех субъектов Федерации. Одна голова его, символизирующая законодательную власть, смотрела налево. Другая, олицетворение власти исполнительной, глядела направо. Средняя голова орла, символ Гаранта Конституции, вот уже три тысячи лет стоявшего над любой мыслимой и немыслимой властью, смотрела прямо. Взгляд орлиных глаз был задумчивым и добрым — и оставалось лишь бесконечно удивляться мастерству древних гербописцев, сумевших вложить эти чувства в несколько простых штрихов. Взгляд этот проникал в самую глубину души, под ним невозможно было лгать или даже просто лукавить.

Этот древний символ не просто пронес свою силу через века, но сумел приумножить ее.

Тема особого, даже особо трепетного отношения к российской символике, и в особенности — к символам власти, встречается в романе не раз. Тут и упоминавшиеся уже мелочи в убранстве кабинета герцога Арктурианского, и многие другие детали, которые не стоит перечислять здесь хотя бы ради того, чтобы не лишать удовольствия тех, кому достанется экземпляр этой книги (вышедшей, к слову сказать, не столь большим тиражом — всего 17 000 экземпляров). Особая

аура окутывает и людей – посланцев Российской Федерации, с которыми герои повествования сталкиваются регулярно – то вплотную, то наблюдая за ними со стороны, как например, в этой сцене:

Черная точка какое-то время просто висела в зените, затем начала увеличиваться в размерах, и вскоре массивный челнок завис над плитами причальной зоны.

Его грубые, рубленые обводы казались насмешкой над законами аэродинамики – но Стив-Кло слишком хорошо знал, что сидящие в челноке люди не понимают насмешек и не умеют шутить. На носу блестела золотом не тронутая скольжением сквозь плотные слои атмосферы эмблема «Руссо-Балта».

Покачавшись из стороны в сторону в метре от поверхности, машина мягко опустилась и замерла. Что-то гулко чвакнуло в ее недрах, и крышка люка неторопливо отъехала вверх. Из проема на ступеньки легко скользнувшей под его ноги лесенки шагнул немолодой уже, худощавый мужчина маленького роста в идеально сидевшем на нем темно-сером костюме (наверняка – фабрики имени Володарского) и дорогих – настоящих армейских – черных туфлях.

Судя по всему, на Эпсихену прибыл с визитом не захудалый дипломат, а как минимум чиновник, совмещавший дипслужбу с работой в недрах какой-нибудь партийной организации типа зловещей «Согласной России» или немногим более лощеного «Звездного славянского союза». Рост и телосложение выдавали в нем выпускника Академии Медвежьего Пути – элитного моссопитерского учебного заведения, отличавшегося странными, но строгими требованиями к внешним данным курсантов.

- Ну что, пацаны, попали вы! — сердечно улыбувшись, бросил он, традиционные вот уже тысячу лет слова приветствия. — Зовите крышу, сгребайте лавэ. Кто за вас подпишется — мы на похороны не башляем.

Широко улыбаясь, он шагнул на темный бетон посадочной площадки, поклонился, зачерпнул правой рукою символическую горсть земли, затем приложил ее к сердцу и провел раскрытыми ладонями по лицу, бормоча что-то на древнем руссо-персидском наречии. Толпа встречающих застыла в немом восхищении.

Да, жители далекой таинственной метрополии — это действительно люди, и в большинстве своем — русские люди, мало отличимые от тех, что можем видеть мы сегодня в салонах бесчисленных электричек от Москвы до Барнаула; вполне знакомые нам люди, пусть даже непривычно одетые и верящие, что Русь пошла не от «матери городов» Киева, а от скифского стойбища (!) Моз Кфа.

Суть вовсе не в накопленных за истекшие тысячелетия неизбежных заблуждениях. Ведь и мы не спорим с термином «мать городов», пусть даже и известно давно, что является он лишь ошибочным переводом слова «метрополис», то есть — просто «столица»... Так и потомки наши неизбежно придумают новые объяснения очевидным для нас вещам; так и для них какая-то часть привычной нам реальности исказится — быть может, до неузнаваемости. Но вместе с тем цельная картина будет величественной и гармоничной.

Помимо людей, о которых мы только что вели речь, вселенную далекого будущего населяют вполне русские по духу, но совершенно непривычные по виду иномиряне. Это — те, кто обрусел подобно поволж-

ским немцам древности. Те, кто не оказался русским по своей крови, а стал им – по духу, по внутренней сути, по тому, как творит он свою жизнь.

- Все дело в том, что мы с тобой – рус-ски-е! – последнее слово Рильс выделил, выговорив по слогам. – И они нас понять не спо-соб-ны! А потому – боятся! Боятся они русское существо, все эти подонки. Потому что – душа у нас широкая. Такая широкая, что в одиночку всю Галактику поглотить способна!

Феофан устало кивнул. К концу вечера разглагольствования приятеля начали его немного утомлять. Сидящие за соседними столиками уже начали поглядывать на них – но, впрочем, скорее с любопытством, нежели осуждающе. Спорить – даже в случае несогласия – с русскими в этой части космоса считалось неразумным. Пара негромко переговаривавшихся между собой на орионско-тюркском наречии стигмафоидов притихла, угрюмый громадный даркселианец наоборот приветливо улыбнулся и махнул в воздухе литровой коньячной кружкой, обозначая этим общепринятым жестом тост.

- А этому чмо чешуйчатому я все равно рыло набыю, - угрюмо добавил Рильс, сгибая среднюю толчковую лапу и косясь на рельефно вздувшиеся под коротким зеленым мехом мышцы.

И тут мы подходим к главному; к тому, что не просто заставляет обратить внимание на роман «Туманность Орла, галактика Медведя», но позволяет предречь этому произведению судьбу более яркую, нежели большинству появляющихся одновременно с ним творений самых различных жанров – в том числе и традиционно считающихся более «серьезными», нежели научная фантастика.

Дело в том, что молодой фантаст, сам того,

вероятно, не предполагая и, более того – не ставя перед собою в принципе такой задачи – сумел найти формулировку для явления, изучавшегося до него поколениями философов, литераторов и социологов. Мانتюшенко предлагает ни много ни мало, как объяснение русской национальной идеи.

- Да, Боругаат, - говорит на последних страницах один из главных героев романа, офицер диверсионно-дипломатической службы Игорь Рябинович в беседе с сирийским олигархом. - Именно русская идея сплачивает входящие в наш Союз расы надежнее, чем любые политические или экономические выгоды. Понимаете, уважаемый? Выгоды – вторичны. Они неизбежны, но не могут быть целью. В конце концов, выгоду несет любой союз. Дух русской идеи – вот то единственное, что способно сплотить. А русская идея и заключается в поиске ее, понимаете? Сама идея – это поиск идеи. Потому что пытаюсь найти ее – мы пытаемся найти себя, пытаюсь постичь ее – мы постигаем мир, пытаюсь ее определить – мы определяем Реальность. И определение это не статично, потому что само понятие «поиска» отрицает статичность!

Технологии сами своевременно приходят к тому, кто ищет себя. Испытания даются и преодолеваются, открытия совершаются в свой срок, даже кризисы приходят лишь во имя очищения – чтобы помочь системе избавиться от накопленного груза ошибок.

Мы не пытаемся навязать миру свои идеалы, как делают многие другие – те, кто придумал себе предмет исканий до того, как начал поиск. Их поиски сводятся к банальной подгонке результатов, Наш же поиск одухотворен. Понимаешь? Он

правилен уже в силу того, что ни один русский никогда не скажет, будто знает, что именно он ищет. Мы не выдумываем а познаем. Ведь это единственный способ познать Истину — познавать ее, не выдумывая рамок заранее. Конечно, тем самым мы отказываемся от признания того, что поиск наш когда-либо будет завершен — ведь познание бесконечности — бесконечно! Но именно потому, что он не может быть завершен — он вечен, а значит вечна и сама наша идея!

Да, действительно — главной задачей всех существ, входящих в сферу Русского Космоса в далеком 7286 году от Святого Спасителя Рождества, остается все тот же поиск русской идеи. И весь роман, по сути, сводится на последних страницах к простому выводу: сама русская идея и есть именно этот поиск. В нем — ее сила и привлекательность. И как раз принадлежность к племени искателей определяет русскость обитателей описанного Мانتюшенко мира. Она служит основой их самоидентификации.

И это открытие позволяет молодому нестеровскому писателю из категории авторов, сочиняющих чистой воды сюжетную беллетристику, шагнуть сразу в ряды мастеров, создающих литературу не единого дня; литературу, которая после их жизни продолжит жить самостоятельно и будет унаследована грядущими поколениями.

Котята древней богини

Книга-откровение. Книга-шок. Книга, которая взорвет ваш мозг без малейшей надежды на то, что вам когда-либо удастся вернуть его в прежнее состояние.

“Вестник Пересвета”

Очередной, хотя и достаточно яркий пример того, как серьезная научная идея может быть донесена до широких масс лишь в искаженном и упрощенном виде, под прикрытием яркого сюжета и в обрамлении жутковатых деталей, пристально исследованных автором.

“Литературный журнал”, Калининград,

Этот роман, являющийся, по сути, даже не литературным произведением, а всего лишь очередной жвачкой для жаждущих кровавых развлечений обывательских мозгов, созданной (что особенно неприятно) отставным русским чекистом, представляется попыткой посеять вражду — ни много ни мало — между людьми и другими живыми существами, населяющими Землю. Попыткой слишком убедительной

для того, чтобы списывать ее на действия одного-единственного, к тому же недостаточно умного человека.

The Washington Post

Новая книга прибалтийского писателя из небольшого поселка Красноторовка Велемира Бартявичюса, которого критики уже успели окрестить «интеллектуальным Рэмбо», должна появиться на прилавках не ранее конца августа – а страсти вокруг нее уже начали разгораться, и страсти нешуточные. Страсти разгораются, несмотря на то, что текст самого романа «Боевые котятта Баст» до сих пор неизвестен никому, кроме узкого круга работников издательства «Цитадель-принт», принимавших участие в подготовке книги к выпуску в свет. Сам автор этих строк, получив возможность изучить книгу, с ответственностью утверждает что ни один из пяти якобы ее фрагментов, выложенных в сети, не имеет к реальному произведению никакого отношения.

Сюжет его между тем уже известен – разумеется, лишь в общих чертах. Речь пойдет о приключениях троих друзей, один из которых долгие годы был кадровым офицером внешней разведки, другой – служил в спецназе, а третий посвятил свою жизнь археологии, будучи при этом рукоположенным священником. Вокруг его находок и возникает головоломная интрига, раскручивая которую герои невольно узнают тайны, уходящие корнями в глубины истории более древние, чем все существование цивилизации, разгадывают загадки, придуманные не человеческим разумом, и находят – ни много ни мало – целую разумную расу, веками делящую с человечеством планету.

Богатый фактурный материал – стоит напомнить, что автор является не только бывшим офицером военной разведки, но и имеет степень кандидата исто-

рических наук – делает действие настолько достоверным, что порою возникает убеждение, будто читаешь вовсе не фантастико-приключенческий (как определил жанр произведения сам Бартявичюс) а документальный роман.

Речь на сей раз пойдет не о какой-то обычной тайной организации, вершащей из-за кулис судьбы людей через цепь политических и экономических кризисов, добиваясь власти над миром. Читатель наверняка помнит, что и первый роман Бартявичюса, принесший ему признание, и последующие пять работ были посвящены именно разоблачению заговоров мировой закулисы, причем герои прибалтийского писателя одинаково успешно вели борьбу с ней и в современных гламурных московских салонах, и в холодной, неторопливой Швеции XVIII века. Но на этот раз он решил превзойти сам себя, и речь пойдет о действительно глобальном вмешательстве в Судьбу всего человечества. И выясняется, что глобальные катаклизмы, войны, революции в искусстве и передел карты мира – следствие реализации плана маленьких пушистых зверьков.

Великие Посвященные, от которых, фактически, взяли начало все современные европейские и американские тайные общества, возводят историю своих таинств к Древнему Египту. К той стране, где, как принято считать, кошек почитали, как священных животных. И где на самом деле – как выясняют герои романа – именно животные были в те времена правящим видом, в услужении у которого находились люди. Именно контакт со священными кошками был главной тайной, которую удалось Посвященным и их последователям пронести через века.

Недаром египтяне, обращаясь к Ра, возглашали: «Ты, Великий Кот, мститель богов!». Не случайно кошками был окружен кардинал Ришелье. Не случай-

но кошки сопровождали великого мистика Григория Распутина. Не случайно Британское Адмиралтейство до последнего времени официально принимало на работу котов, получавших жалование из казны Ее Величества. И вовсе не случайно Инквизиция в Средние века вела серьезные, длительные процессы, обвиняемыми в которых выступали не только кошки, но и мыши, свиньи, петухи – представители практически всех имеющихся на европейском континенте видов. Не случайно название роману дала богиня Баст, изображавшаяся в Древнем Египте либо в виде женщины с кошачьей головой, либо просто в виде кошки.

Причиной тому, утверждает автор, борьба человечества за свое главенство на планете. Будучи изначально лишь прислужником, поклонявшимся различным видам живых существ, человек в какой-то период своей истории начал переиначивать мир таким образом, чтобы занять в нем главенствующее место. Именно там берет свое начало концепция «Царя природы».

Как выясняют герои Бартявичюса, большинство видов в результате «войн богов» просто сошло со сцены, уступив свое место антропоморфным божествам. Собаки ради сохранения вида просто пошли в услужение людям, отказавшись от прежнего статуса и приняв власть над собою прежних своих слуг. Часть животных просто деградировала. Но при этом – те, кто успел получить большую долю поклонения на заре времен, и сейчас имеют гораздо больше возможностей для выживания и развития в меняющемся мире. Механизм, лежащий в основе этого явления мы еще рассмотрим, пока же есть смысл обратиться к другому, более насущному вопросу.

И вопрос этот, а именно: откуда автор взял столь цельную теорию, проработанную глубоко и полно с использованием богатейшего исторического материала – представляется вполне закономерным. Ведь с

момента выхода последнего, или – уважая традиции предыдущей профессии автора, скажем так – крайнего его романа прошло всего лишь полтора года. Срок несопоставимый с тем объемом исследовательской работы, что пришлось бы ему проделать в архивах всего мира. Но ответ на него лежит в данном случае на поверхности, пускай и не там, где может обнаружить его случайный взгляд.

Известно, что американский писатель Дэн Браун положил в основу своей книги «Код да Винчи» исследование двух историков – новозеландца Майкла Бейджента и американца Ричарда Ли «Святая кровь и святой Грааль». Этот факт стал причиной судебного процесса, в ходе которого Браун успешно отбилсся от обвинения в плагиате, доказав, что не заимствовал текст, а лишь творчески развил высказанные в книге идеи. В данном случае мы также можем найти источник вдохновения Велемира Бартявичюса. Им является, скорее всего, крайне малоизвестный труд Марата Оргеева (Лихтенбея) «Утраченное назначение». Именно там и почерпнул прибалтийский автор боевиков идею «войн богов».

Но нужно отметить, что изложению самой теории на пятистах страницах своего романа Велемир Бартявичюс уделяет едва ли больше места, чем сможем уделить мы в этой скромной рецензии. Роман Бартявичюса – чисто художественное произведение. Он ни в малейшей степени не претендует на какую-либо глубину изучения проблемы; да и по сути дела – на какое-либо изучение проблемы вообще. Идеи, позаимствованные из «Утраченного назначения» обрамлены здесь в лихо закрученный сюжет – достаточно шаблонный, чтобы быть предсказуемым, но все-таки поданный с определенным изяществом. При этом они, разумеется, упрощены – впрочем, Бартявичюс, действуя сообразно законам логики, оставляет от них ровно столько, сколько

и могло бы открыться при соприкосновении человеку, похожему на его главного героя.

Автор задался целью сделать, точнее будет даже – сработать – произведение в первую очередь коммерческое, то есть массовое. Отсюда и дозация информации, включенной, вплетенной им в действо романа.

Ведь то, что воспринимается как сенсация или скандал людьми сведущими, будет легко проигнорировано так называемым «массовым сознанием». Заметьте – в Иране или Израиле, странах с традиционно серьезным влиянием религиозной системы на жизнь общества, вы не найдете ни в переводах, ни даже на языке оригинала ни единого экземпляра «Утраченного назначения», ни в свободной продаже ни из-под полы, при том, что книга эта там вовсе не относится к разряду официально запрещенных. Ее там просто велено – неофициально, но веско – игнорировать. В США и России трудно достать эту книгу по другой причине – она там попросту невостребована. Вышколенный персонал книжных мегамаркетов разводит руками при ее упоминании – они не слышали ни о самом «Назначении», ни о его авторе. «Котят» же, надо полагать, ждет совсем иная судьба. Ждет хотя бы потому, что детективно-боевикое оформление сделано действительно мастерски, как и может его сделать бывший офицер разведки (известно, что последние годы жизни Советского Союза Бартявичюс служил в разведбате 11-й армии, дислоцированной на территории его родной Калининградской области. Сделано оно со знанием дела, со вкусом и с той долей задора, с которой может человек писать о деле знакомом и любимом. Вот только один фрагмент, по которому читатель сам сможет судить, насколько увлеченно и ярко описывает он технику работы спецслужб, о которой так мало знают посторонние.

Спецназовец, которого в этих негромких перегово-

рах по радиации называли «дельтой», осторожно продвинулся еще немного вперед. Он повел стволом своего «штейра» из стороны в сторону, выглянув из-за угла, но ничего угрожающего в зоне обзора не было. Дельта не опасался никакой угрозы — автомат, который он держал в руках, позволил бы разделаться с любым противником, даже облаченным в защитный костюм. Оружие калибром всего два с половиной миллиметра было заряжено патронами, выстреливающими специальные стрелки, свободно пробивавшие на сверхзвуковой скорости любую носимую защиту и оставлявшие ужасающие дыры на выходе. Гильзы у этих патронов не было, из-за чего скорострельность оружия была поистине ужасающей — потребовалось вводить дополнительные позиции для переключателя огня, дающие отсечки по пять и пятнадцать выстрелов, но зато каждый магазин содержал полторы сотни патронов... Впрочем, пока что мишени для оружия не было. Датчик присутствия не показывал вокруг никаких крупных живых объектов. Этот самый сложный электронный прибор на его запястье был настолько современен, что по официальным данным не был еще разработан. Даже его прототип в ближайшие лет пять не мог быть представлен широкой публике.

Дельта нажал прикрытую резиной кнопку, включившую пассивный датчик, и отрегулировал масштаб изображения, после чего некоторое время изучал конфигурацию полей, генерируемых системой защиты. Стоило ему где-то попасть в зону ответственности специального датчика, и тот не только поднимет тревогу в домике охраны, но и активирует несколько автоматических скорострельных установок. Не столь совершенных, как его оружие, но способных залить обычными пулями все пространство. Впрочем, он видел, как ему обойти ловушки

— укрепленный за левой лопаткой индивидуальный расчетный блок, соединенный с наручным дисплеем, уже проанализировал поля и выдал ему два возможных маршрута движения. Один — вообще практически безопасный, хоть и чертовски запутанный. Пытаясь прикрыть большое пустое пространство, техники решили, что если даже и останется случайно змеящаяся узкая щель, напоминающая лабиринт отрисованный пережившим ЛСД художником, то найти ее никогда никто не сумеет.

Он осторожно двинулся вперед, сверяя каждое движение с экранчиком. Там он был изображен голубой точкой, движущейся по зеленой дорожке среди красных кругов. Круги — зоны покрытия датчиков. Дорожка — оставшийся незащищенным участок. Все просто. Ребенок разберется. Даже нет смысла переживать.

Неожиданно он остановился. В густой тени под деревом шевельнулась тень. Он резко дернул головой, скулой включая прибор ночного видения. На секунду все вокруг залило зеленым светом, а затем, когда аппаратура подстроилась под уровень освещенности, он облегченно перевел дух. Это была кошечка. Маленькая и изящная она сидела на торчащем меж корней дерева камне и занималась туалетом. «Гостей намывает, - подумал с усмешкой Дельта. — Умная какая киса»... Она могла скитаться тут невозбранно — точная аппаратура, отвечающая за контроль территории была запрограммирована так, что не реагировала на мелких зверьков и птиц. Появись тут зверь размером с овчарку — тогда включилась бы часть защитных систем. И только нечто более крупное вызвало бы настоящий переполох.

Он спокойно двинулся дальше, косясь на дисплей. Пока все было нормально. Он даже не подоз-

ревал, что маленький зверек, уютно устроившийся на камне, следит за ним гораздо внимательнее, чем следовало бы ожидать от прихорашивающейся кошки. Вот она замерла. Вот села. Подобралась. Потом неожиданно взвилась в воздух и опустилась на ветку, к которой прикреплен был один из датчиков, своим весом пригибая ее к земле. Зона покрытия изменилась. С легким шорохом раскрылись в столах деревьев бойницы. Выскочили, прорвав тонкий слой дерна, три металлических «гриба» - прикрытые крышками автоматические турели. Издалека донесся резкий взвизг сирены — последний звук, который дано было услышать Дельте.

Когда ураган над поляной стих, кошечка мягко спрыгнула с ветки и потрусилась по дорожке в сторону соседней фермы. Оглядываться на мертвого спецназовца она не стала. Он был ей совершенно уже неинтересен.

Этого — пусть даже и излишне, как покажется некоторым, затянутого для цитаты отрывка, полагаю, вполне достаточно для того, чтобы получить представление о манере и стиле автора.

Теперь же пришло время поговорить о первоисточнике и о связи романа «Боевые котята Баст» с «Утраченным назначением» Марата Ореева.

Сразу следует пояснить, что автор «Назначения» — скорее эзотерик, чем ученый, при этом — эзотерик, получивший серьезное признание в ряде стран (таких, как Канада, Индия, Филиппины, Перу, Непал и Япония) но совершенно не отмеченный в России. Бурная судьба (а Ореев-Лихтенбей успел за свои 83 года побыть и археологом, и солдатом, и разведчиком, и заключенным, и дорожным рабочим в Эвенкии, и бирманским почтальоном, и киномехаником в Твери и частным пилотом в Латинской Америке — это только часть его богато-

го жизненного пути) дала ему возможность побывать в самых разных местах и познакомиться не только с будоражащими рассудок слухами (что вполне доступно ныне любому пользователю интернета), но и с настоящими исследователями, очевидцами а главное – самому стать очевидцем многих удивительных событий. Будучи в годы войны внедрен в самую мистическую структуру нацистской Германии – Анэнербе – 19-летний Оргеев (Лихтенбей) не только успешно прошел курс, разработанный для немецких специалистов по паранормальным явлениям, но и принял участие в ряде экспедиций. После войны он отбывал длительный срок заключения в Восточной Сибири, где близко сошелся с местными шаманами, а после того, как покинул лагерь и оказался за пределами Советского Союза, свел дружбу с индейскими шаманами, филиппинскими хилерами, аравийскими и был принят в мистическую общину Рин-дзе в «материковой Ямато» - на границе Китая и Северной Кореи.

Неизвестно, в котором из путешествий (сам автор на эту тему не распространяется, а иных источников нет) Марат Оргеев столкнулся с идеей, которую позже развил в своем труде. Как утверждает этот исследователь тонких планов мироздания, человечество изначально ожидала особая, уникальная роль в мироздании – и только тому, что в незапамятные времена оно сбилось с дороги, мы обязаны нынешним положением вещей.

Можно сказать, что в труде Оргеева все человечество предстает таким всемирным кидалой, единым, синтетическим, надличностным мошенником. Ведь задача, возложенная на него миром, сводилась именно к контролю целостной системы. Невозможно пояснить эту мысль, не прибегнув к краткому изложению «Утраченного назначения».

Известно, что появлению нынешнего мира предшествовало длительное владычество динозавров, ис-

чезнувших по совершенно неведомой до сих пор причине. Автор считает, что в данном случае не было ни внешнего вторжения (метеоритной атаки и т.п.), ни геологических катаклизмов. Он убежден, что единственной причиной случившегося оказалось то, что ящеры так и не смогли создать гармоничной и слаженной системы. Ведь Оргеев (Лихтенбей) полагает, что сама планета является разумным существом, использующим все существующие на ее поверхности виды для самовыражения, самопознания и саморазвития. И именно с точки зрения этого «планетарного существа» опыт ящеров оказался неудачен.

Их многомиллионнолетняя история не была гладкой и ровной. Виды развивались неравномерно, и зачастую даже собственное их развитие либо заводило в тупик, либо создавало угрозу общему балансу. В итоге все, что было накоплено за сотни миллионов лет, пришлось стирать единым махом, чтобы освободить мир для новой системы, которую невозможно было совместить с существовавшими прежде. В результате 65 миллионов лет назад были «сброшены в корзину» 90% обитателей моря и около 70% существ, живших на суше.

Но опыт динозавров не пропал втуне. Именно он дал толчок к тому, чтобы создать уникальную систему регуляции. При реализации «второй попытки» природа вывела на сцену человека – то самое существо, которому по теории Оргеева и суждено было стать гарантом гармоничного развития Земли. Творя его, природа заложила в него все необходимое для того, чтобы обеспечить разнообразие видов и гарантировать их спокойное выживание и развитие. И только случайный сбой, как утверждает автор, привел к тому, что все пошло, выражаясь языком низкобюджетных фильмов, наперекосяк.

Все живое создавало некие «пищевые цепочки», то

есть системы отношений, которые с одной стороны регулировали численность и качество популяций (не давая им излишне разрастаться и вовремя избавляя от не могущих функционировать нормально особей), с другой же – сплетая флору и фауну в единый цельный сверхорганизм. Человечество же было выведено за рамки этой конструкции. Оно и только оно должно было стать регулятором этого мира, для чего получило разум и воображение; необычный физический потенциал и уникальную физиологию, позволяющие жить на любом виде корма и в любой местности. Главное же, что было ему дано – сложнейшая нервная организация, тот инструмент, благодаря которому и должно оно было исполнять свое Предназначение – воображать и проецировать в мир картину гармонии, создавая над всей планетой единое поле, в котором все остальные живые существа развивались бы уже не как отдельные сущности, но как надорганизмы. Чтобы понять суть этого термина, вводимого автором, сам он предлагает простейший мысленный эксперимент: вообразить, как все муравейники планеты свяжутся внепространственно в некий единый мега- или даже метамуравейник.

Все, что требовалось от нового вида, от человека – регулярное коллективное мыслительное представление идеального развития окружающего мира и регулярная мысленная коррекция всех процессов развития и преобразования видов. Можно сказать, что именно род человеческий был поставлен в услужение всему живому. Разумеется, не было строгих и беспощадных, в общем, сопоставлений «каждому зверю – по собственному племени». Скарабеев и пауков оказалось вполне достаточно, чтобы обеспечить духовную подпитку всему царству насекомых – хотя никто и никогда не думал поклоняться тараканам.

Как полагает автор, задача прописывалась достаточно

четко. Однако люди оказались слишком хитры, и через какое-то время начали поклоняться сами себе. Известны, к примеру, найденные в разных концах планеты фигурки так называемой «большой женщины» или «толстой бабы», которые несомненно являются первыми свидетельствами зарождающего культа самолюбования. Некоторым из них, по уверениям археологов, более 120 тысяч лет.

Это привело к тому, что с одной стороны все способности в миротворению, присущие людям изначально, со временем безнадежно атрофировались. Чудеса йогов и экстрасенсов – лишь спонтанные отблески былого величия. Те способности, которые позволяли формировать, направлять и корректировать развитие целых экосистем оказались изменены. Часть из них развилась в сознание, которое по сути, согласно утверждениям Орgeeва-Лихтебея, вообще является паразитарной функцией, подменяющей восприятие мира его объяснением (подробнее об этом см. его работу «Чудовища, порожденные пробуждением разума»). Но, поскольку отказ шел постепенно, часть Истинного Назначения (оба слова в оригинальном труде неизменно пишутся с заглавных букв) сохранилась в виде анимистических культов и поклонения растениям. Впоследствии разразились т.н. «войны богов», в ходе которых формально сражались людские племена, фактически же – пытались произвести передел мира те виды, которые сохранили еще какие-то крохи влияния на свою былую прислугу.

История их противостояния, разумеется, никогда не была не только описана, но даже и осмыслена человечеством. Все, что дошло до нас – крайне искаженная история событий, перемешанная с домыслами о событиях вовсе не имевших места.

В результате, согласно теории Орgeeва, большинство видов напрочь утратило способность к образованию

устойчивых полиорганизменных формирований, а также, разумеется, и какой-либо контакт с человечеством. Следствием этого стала утрата и надежд на нормальное развитие. Те, кто вовсе оказался отторгнут – пополнили собой списки видов, исчезнувших с лица Земли. Остальные либо развивались успешно (здесь в качестве примера приводятся безоговорочно принявшие сторону homo sapiens коровы, лошади и собаки, которые прочно заняли свое место в мифологии нового мира) либо просто существовали (подобно бесчисленному количеству тех, кто остался достаточно близко для того, чтобы люди продолжали о них хотя бы думать) либо деградировал – если выбрал слишком большую дистанцию от освободившегося человечества. Какая-либо поддержка их дальнейшего существования обеспечивалась именно психоментальной подпиткой со стороны человечества, продолжавшего – пусть и в значительно сокращенном виде – давать ее своим соседям по планете. Ведь смысл «поддержки», по мнению Марата Ореева, сводится как раз к тому, чтобы думать о ком-либо – не суть даже важно, «хорошо» думать или «плохо» в нашем понимании. Именно любое думание позволяет направить энергию к тому, кому посвящены мысли – так ныне устроен и к такому виду выродился в процессе стихийной самостоятельной эволюции человечества механизм, созданный Землей в незапамятные времена.

Единственное исключение, по мнению Лихтенбея, составили кошки. Именно они умудрились сохранить разум и сущность высших существ, не удаляясь слишком сильно от созданной людьми цивилизации. Разум и сущность сохранились, разумеется, на видовом, на том самом полиорганизменном уровне – который, согласно Орееву, является более естественным или природным. Он вообще противник идеи индивидуального сознания – по пути развития которого пошли,

считает он, как раз «предатели рода звериного» – собаки и лошади. В «Чудовищах, порожденных пробуждением разума» - работе, посвященной именно механизмам сознания, Марат Оргеев как раз и описывает разницу между чистым разумом вида и принимаемой за разум иллюзией, в которой пребывают люди. Бартявичюс, отметим, тоже касается этой проблемы – поскольку без освещения ее повествование оказалось бы логически ущербным. Здесь невозможно обойтись без цитаты, но мы приведем ее в намеренно сокращенном виде, дабы не лишать читателя удовольствия от общения с романом.

- Вы, люди, считаете разумом то, что им не является. У каждого нормального Кота полтора года жизни уходит лишь на то, чтобы вообще научиться видеть ваш разум, - объясняет одному из его героев дружественный кот Макф. — Реальность настолько далека от того мира, который вы видите, что остается лишь удивляться тому, что вы сохранили хоть какие-то способности к ее формированию. Можно лишь поражаться и тому, что вы вообще сумели выжить до сего дня, несмотря на все совершенные ошибки. Разумеется, мы со своей стороны старались помочь вам, как могли — не хочется терять свой ключ к выживанию... но наши возможности за истекшие века оказались сильно ограничены...

Рассмотрев материалы даже в том объеме, что позволяет нам эта короткая рецензия, можно сказать, что шумиха, поднимаемая вокруг выхода «Боевых котят Баст», весьма тенденциозна. Произведение вовсе не нацелено на то, чтобы поссорить человечество с остальными живыми существами, делящими с ним планету. Разве может вызвать ссору давнее положение дел, в котором считать человечество угнетенным прислужником возможно лишь весьма условно? Скорее

уж возможна некая переоценка ценностей, когда человечество увидит для себя новую возможность – возглавить развитие все планеты как некоего целостного организма. Разумеется, это потребует определенного пересмотра образа жизни цивилизации в целом, возможно даже некоторого – исключительно добровольного ее сокращения и упрощения – но ради сколь ослепительных открывающихся за этим горизонтов!

Что же касается традиционных поклонников Бартявичюса как автора крутого боевика, то можно их заверить – они найдут, чем насладиться на страницах его романа. Эксперты подсчитали между делом, что всего в «Боевых котятках Баст» уничтожается государственная и частная недвижимость на общей площади 84 гектара, будет сбито 12 самолетов и 5 вертолетов. Потерпят аварию два железнодорожных экспресса, будут затоплены один пассажирский лайнер и семь боевых кораблей (в том числе дизельная подводная лодка современного проекта) а также произойдут серьезные неполадки на орбитальной космической станции. Точное количество жертв подсчитать невозможно, но стрелковое оружие применяется в этой книге в среднем один раз на каждом трех страницах текста, артиллерийские и ракетные системы – в среднем 1 раз на 84 страницы текста, оружие массового поражения – трижды на протяжении всего романа. Так что поклонники «чистого жанра» вовсе не будут разочарованы. Для тех же, кто в любой книге ищет чего-то большего чем то, что сокрыто под ее обложкой на первый взгляд – этот фантастико-приключенческий роман послужит, возможно, первым шагом к открытию книг замечательного философа и эзотерика Марата Оргеева (Лихтенбея), совершенно незаслуженно забытого в наше время.

Анус неизбежного – за порогом открытия

Духовную опасность, которую таят в себе труды, подобные книге, название которой мы не приводим, дабы не запакостить страницы нашего журнала, трудно переоценить. Более того – переоценить ее просто невозможно, ибо она воистину способна затмить собою свет Истины, подменяя умственным лукавством искреннее видение и пытаясь объявить высшей философией мерзейшие на свете непристойности.

**«Серпентульский
радикальный духобор»**

Эта книга может служить ярким примером именно Высшего Откровения – потому уже только, что она провозглашает вещи, понять которые мир просто обязан ради того, чтобы сохранить себя. Эта книга не оставляет сомнений у любого прочитавшего ее – чем и как был сотворен этот мир, что является его движущей силой и главное – ради чего он движется.

Элен Кроули, мисс-Плейбой-октябрь-2009, в интервью журналу Word news

Книга «Оргазм истины» стала, наверное, первым в истории чисто научным произведением, доступ к которому на территории Евросоюза, за счет гранта которого оно и появилось на свет, имеет весьма серьезные ограничения. Книгу эту не могут свободно приобретать и изучать студенты в возрасте до 21 года, изучать ее возможно лишь в трех университетах Европы и даже электронное распространение запрещено (!) на территории большинства европейских государств.

При этом просто удивительным можно считать то количество откликов, которое вызвало ее появление: от официально оформленных резолюций небольших общественных организаций до специального эдикта Папы Римского. Отклики эти различны, но в большинстве своем весьма доброжелательны. Конечно, сразу же следует оговориться: значение работы не следует переоценивать. В Европе уже появились восторженные читатели, поспешившие зачислить Кривицкого с Грольбергом в передовой отряд антифашистов – во многом лишь из-за того, что работа их выворачивает наизнанку труды одного из духовных отцов германского национал-социализма. Это, разумеется, перегиб, поскольку никакой борьбы с фашизмом молодые ученые и не предполагали. Впрочем, пока что самым ярким событием, связанным с появлением книги, стало провозглашение Амстердамским Обществом равноправия яркого гетеросексуала и фактического двоеженца Кривицкого «геем года». Звание это он заслужил несколькими страницами программного кода, с помощью которых умудрился увязать гомосексуализм с такими основополагающими категориями, как «я-который-не-я», «противоположный-точно-такой же», «сдвоенный полюс», «латентная однополярность» и др. При этом не стоит забывать и

о том, что ряд оценок оказался весьма негативным. Тут можно вспомнить и прокламацию Ассоциации европейских девственниц, и призывы Братства Хетху, и резолюцию национал-большевиков Прибалтики.

Говоря об истории создания труда стоит отметить определенное лукавство авторов. Так, например, в предисловии к первому изданию они утверждают, что проект разрабатывался в течение нескольких лет, и был реализован, когда удалось доказать его состоятельность. Между тем есть данные о том, что как раз то, что тетушка Якоба Грольберга по материнской линии заняла серьезную должность в одной из комиссий по распределению грантов Евросоюза, и послужило толчком для того, чтобы друзья вообще задумались о каком-то проекте. И даже направление исследований было выбрано с ее помощью: проще говоря, допущенная к внутреннему документообороту тетушка сообщала Якобу о том, какие из поступающих заявок имеют шансы на удовлетворение (а еще точнее – по каким темам уже заявили работы родственники других членов Еврокомиссии). Именно таким путем первоначальное исследование «Изменение положения европейской гей-элиты в результате Реформации Лютера: причины недостаточного развития толерантности» превратилось сперва в труд о применении казуального видения при построении долгосрочных экономических прогнозов, а затем уже – в то, что известно нам как «Оргазм истины». И самое удивительное здесь заключается в том, что двое ученых, взявшихся, как уже говорилось, тихо освоить двухлетний грант на конъюнктурной теме, неожиданно для самих себя совершили открытие, окупающее, возможно, и сам этот грант и вообще всю европейскую программу.

Сам «Оргазм истины» разбит на четыре части.

Первая часть, по сути, вводная – в ней авторы пытались с одной стороны дать экскурс в историю вопроса, а с другой – объяснить причины, толкнувшие их на проведение данного исследования. Экскурс, по сути, получился не слишком удачным, ибо свелся в основном к пересказу идей и истории Йорга Ланца. Порыв этот вполне понятен, поскольку само открытие Грольберга-Кривицкого сводится фактически к своеобразному «переворачиванию» идеи, высказанной им в начале XX века. Имя Йорга Ланца (Адольфа Йозефа Ланца фон Либенфельса) хорошо знакомо историкам германского национал-социализма. Его считают одним из основоположников господствовавшей в те времена доктрины, одним из авторов теории, разделявшей род людской на сверх- и недочеловеков. Ей была посвящена его работа «Теозоология», увидевшая свет в 1903 году, в которой Ланц предложил своеобразный способ прочтения различных древних, в том числе и ветхозаветных, текстов. Он объявил, что вся история человечества пошла наперекосяк, когда представители арийской расы предались безудержным преступным соитиям с низшими видами пигмеев, представителями ранней и совершенно особой ветви в животной эволюции. Целые главы его трудов были посвящены трактовке книг Моисея, Иова, Еноха и других библейских пророков с точки зрения этой теории. Ланц утверждал, что слова «земля», «вода, камень, дерево, хлеб, огонь, золото, вода, воздух – означали получеловека, а глаголы «называть», видеть, познавать, скрывать означали совокупление. Соответственно, библейские тексты, по его мнению, были посвящены сексуальным экспериментам с любовниками-пигмеями (Buhlzwerge) и служили предостережением будущим поколениям наследни-

ков арийского величия... Можно сказать и так, что фон Либенфельс создал систему, позволяющую углядеть разнузданную зоофильскую порнографию практически в любом религиозном или мистическом произведении.

Грольберг и Кривицкий перевернули эту идею, создав систему декодирования, которая позволяет работать как раз с порнографическими произведениями, получая на выходе весьма глубокие философские тексты. Процент удачных результатов и содержание «переводов» однозначно говорят в пользу того, что скандинавский и российский ученые совершили настоящий прорыв. Вот только – до сих пор неизвестно, куда именно.

Вторая часть «Оргазма истины» посвящена как раз изложению концепции исследования, обоснованию и общему описанию процесса интерпретации текстов.

Собственно, мысль, которая легла в основу работы, пришла в голову Грольбергу еще в студенческие годы. Тогда это было просто шуткой о том, что в любом тексте скрыто гораздо больше смыслов, чем закладывал туда сам автор – в силу естественной взаимосвязи различных планов мироздания – а значит в самой примитивной порнухе можно отыскать зерно философской истины. О трудах Ланца, как, впрочем, и о самом его существовании, он в ту пору и понятия не имел. Так что тогда эта теория так и осталась просто шуткой, даже не слишком замеченной его приятелями. Однако спустя годы мы можем видеть, как она развилась в действительно блестящее, парадоксальное открытие, которое может дать толчок к появлению целого нового направления в науке.

Причина, по которой ученые решили построить свой труд на анализе именно эротической и порнографической литературы, вполне понятна тем, кто

посвятил время изучению эзотерических воззрений. Обычному человеку такой подход может показаться по меньшей мере странным. Между тем объяснение, которое дают авторы, достаточно логично, вполне укладывается в уже существующие среди исследователей мира энергий теории и удачно вписывается в рамки воззрений самого Ланца, от чьих трудов они отталкивались. Известно, что сексуальная энергия согласно ряду традиций является основой жизни, и все виды ресурса, потребляемого и используемого человеком, так или иначе замыкаются на нее. Таким образом все процессы, связанные с сексом, решили исследователи, должны строиться по образу процессов в мире энергий, в какой-то мере используя принцип подобия. Именно из этого посыла они и исходили, разрабатывая свою концепцию декодирования текстов.

Работа, проведенная в связи с необходимостью максимально точно классифицировать различные варианты сексуального контакта, оказалась столь масштабной, что принесла авторам известность в кругах европейских коитологов. Значительная часть описанного ими, а также ряд новаций, предложенных в области систематизации описаний, уже вписали их имена в историю мировой науки – вне зависимости от результатов основного исследования.

Все виды сексуальных контактов были разложены по направлениям и способам. Впоследствии на основании их каждому тексту присваивались сперва ключевые слова (или тэги) первого уровня, затем – тэги второго и следующих уровней, на основании частотного анализа появления которых делался вывод о том, какую из схем дешифровки следует применять в первую очередь, какую – при неудаче первой попытки и так далее. Список сопоставлений

оказался необычайно велик, поэтому для обработки пришлось обращаться к современным технологиям – и как раз тут проявил себя Максим Кривицкий. Математик из города Озерска, расположенного под Калининградом – российским форпостом на Балтийском море – принимал участие в работе с самого первого этапа. Он отвечал в тандеме за разработку математической модели поиска соответствий символов, и именно те построения, которые сделал он в процессе работы над моделью – причем, сделал исключительно для того, чтобы облегчить себе работу – представляют подлинный научный интерес. Если в начале работы они существовали в простейшей табличной форме, то к концу проекта Кривицкий создал программу «Яснослов».

Собственно изложению различных алгоритмов – а еще точнее, истории их развития и сравнительному анализу сильных и слабых сторон – и посвящена третья часть книги. Нужно отметить, что за полтора года работы Кривицкому удалось достичь замечательных результатов: логически связанные тексты удается получить в 47,5% перевода, при этом в 23% случаев цельные фрагменты «значительны» (т.е. объем текста составляет не менее 7000 знаков) а в 2,7% - «весьма значительны» (т.е. объем полученного фрагмента превышает 15000 знаков). Ряд текстов (например, «Страсть девственницы», «Язык хромой гейши», «Задний ход месье Онуара», «Порочный ягненок») были переведены полностью – от начала и до конца.

И, наконец, четвертая часть работы посвящена непосредственно рассмотрению практических результатов, а именно – примерам, демонстрирующим «Яснослов» Кривицкого в действии. Трудно удержаться от того, чтобы не привести пару (весьма сокращенных

ради сохранения объема статьи) из этих примеров и здесь. То, как один фрагмент текста преобразуется в другой кажется невозможным; более того, есть в этом какой-то элемент нереального. Однако статистические таблицы, приводимые в приложениях, убеждают в том, что эти метаморфозы вполне закономерны.

В первом из рассматриваемых нами примеров в качестве исходного текста бралась повесть "Сок страсти" датского автора семидесятых годов прошлого века Перси Скуунсена. Вот тот эпизод, на который обратили внимание исследователи.

Она застыла, прильнув к шероховатому стволу. Еще несколько минут игры, и Тони, она знала это, настигнет ее. Она была готова к этому: еще вечером, предвкушая наслаждение бурной страстью, натерла она кремом, что подарила гречанка, внутреннюю поверхность бедер, плечи и груди. Сейчас, стоя под старым деревом, вжимаясь в его кору, слушая в ночи шорох шагов будущего своего возлюбленного она чувствовала, как жар разгорается в обработанных мазью местах и оттуда расплзается по всему телу — но не стелясь по поверхности его, а проникая внутрь и заполняя ее изнутри. Она пыталась выровнять дыхание, но оно все равно сбивалось с ритма. Она ощущала, как горит ее матка. Губы, налившиеся кровью, не дали бы ей сейчас плотно сомкнуть ноги, даже пожелай она этого.

И когда Тони неожиданно возник рядом — раздвинув ветки кустарника он оказался сразу у нее за спиной — она поняла вдруг, что не может не только сделать лишнее какое-либо движение, но даже и сказать что-либо она совершенно не в силах... Она могла лишь развернуться навстречу ему и раскрыться, как раскрывается цветочный бутон навстречу солнцу. Минуту спустя, содрогаясь в

конвульсиях на столпе его силы, она потеряла чувство времени и пространства; ей казалось, что она вовсе утратила понимание того, кто она вообще и где она есть. Однако в тот момент, когда Тони перевернул ее вновь спиной к себе, она поняла что до этого все же была связана с миром — поняла, потому что ощутила, как окончательно теряет связь с Реальностью. Отныне реально было только то, что вошло в нее сзади.

И будучи нанизанной на его копьё, она уже не содрогалась, но замерла, ибо понимала — в этот момент наивысшего наслаждения достаточно одного лишь неловкого движения, чтобы сила, пронзавшая ее тело сейчас, разорвала бы его на части...

А теперь — собственно то, что получилось в результате обработки представленного выше текста. Обратите внимание, как весьма пространное и, можно сказать, поэтическое изображение акта любви превращается в весьма сухую и упорядоченную инструкцию.

В случаях столкновения с натиском диких (или неупорядоченных) энергий надлежит озаботиться, чтобы все чакры были предварительно прочищены с использованием любой из методик ци-гун. Затем надлежит привести себя в строго равновесное состояние, добившись того, чтобы общая структура и форма поля наиболее соответствовала яйцу, а все токи ци были максимально упорядочены. При этом следует контролировать и сам ток дикой энергии, отслеживая как направление его движения, так и свое положение относительно двух векторов: собственно вектора воздействия и результирующего вектора Силы. Любая неточность может привести к нарушению оболочек как на эфирном и астральном, так и на казуальном уровне.

Остальные результаты впечатляют не в меньшей – а порою даже и в большей – степени. В ряде случаев полученные фрагменты являются не столько набором технических рекомендаций по работе с различными видами энергий, сколько глобальными философско-мистическими обобщениями, что по мнению ряда рецензентов (например, ксендза Тадеуша Зелицкого, профессора Ингмара Берстейна, политолога Марка Кадочникова и др.) служит важнейшим доказательством не только правильности созданных алгоритмов, но и – в первую очередь – правильности самой основополагающей идеи этого исследования.

В данном случае мы не станем приводить здесь – памятуя о том, что читателями рецензии могут оказаться люди различных взглядов и убеждений – исходный текст, которым стал отрывок из повести Клода Элен Дюваля «Посмертная маска парижской девственницы». В конце концов, желающие смогут ознакомиться с ним, прочтя саму книгу. Представление о направленности этого текста (достаточно сказать, что он запрещен даже в толерантных Нидерландах) можно составить и из его названия. Инцест, некрофилия и оргастические вакханалии на тихих сельских пастбищах – далеко не полный перечень того, с чем столкнется рискнувший осилить это произведение. Однако именно на этом фоне перевод, выполненный Грольбергом и адаптированный с помощью программы «Яснослов» версии 2.5 дает необычайно яркое представление о возможностях созданной ими системы.

Подлинная любовь к Родине не имеет объяснений. Она не раскладывается на какие-то составляющие и не может быть подвергнута мысленному анализу, как не могут быть подвергнуты ему любые истинные чувства – это связано с тем, что

область интеллектуальная и область чувственная пусть и воспринимаются взаимно, но не могут быть описаны при помощи аппарата друг друга. Фактически, говоря о любви к Родине, мы говорим о полном единении с ней именно на энергетическом уровне, когда происходит прямой контакт с информационной матрицей — и контакт этот приводит к осознанному отождествлению. Только этот вид, только эта форма контакта способна создать связь, подкрепленную энергетической подпиткой, когда — уже как следствие — происходит слияние и сонастройка энергетических матриц. При этом движение потока происходит как и в случае сильной любви — одновременно и сверху, с позиции «духовной чакры» и снизу, по двум каналам «плотских чакр». Эта циркуляция происходит в определенном ритме, который определяется как фазами Луны, так и непосредственно географическим положением местности, к которой человек привязан. И этот ритмический, поступательный ток животворной энергии способен не только поддерживать, но и развивать или, точнее — расширять того, кто допустил его в себя.

При этом в ряде случаев сами авторы указывают на то, что полученные ими результаты допускают как минимум двоякое толкование. Примером тому может служить повесть «Тенета ланит» современного российского писателя, скрывающегося за псевдонимом Икарый Мемельский. Небольшой (дабы не утомлять внимание читателя), пример, который мы используем ниже, показывает, насколько могут расходиться варианты истолкования одного и того же текста и сколько смыслов может открыться в нем исследователю.

В иное время сама мысль о происходящем вызвала бы у нее гнев и отвращение. Однако сейчас,

когда зад ее был разработан так быстро и так безукоризненно, когда он сам исходил липкой смазкой, когда он рефлекторно пытался втянуть что-то извне и когда оставлять его дальше открытым было просто опасно потому, что ее внутренний жар мог в любую секунду бесследно вытечь наружу — любая затычка была в нем уместна. И когда теплая струйка слюны упала ей на спину и потекла по ложбинке меж лопаток, когда горячее прерывистое дыхание опалило левое ухо, когда наконец тугая плоть запечатала ее сзади — она даже на мгновение не выпустила изо рта исходящее чужим, мужским жаром тело, не попыталась обернуться и не прервала скользящее движение языка.

То, что происходило с ней сейчас, было неким мистическим танцем, полетом, который совершала она не покидая одного места, чем-то большим чем сама она — настолько большим, что ощущение себя частью этого не подавляло, а напротив раскрепощало и возвышало. И вовсе неважно было сейчас, что плоть, вошедшая в нее сзади, не принадлежала человеку. Напротив — поняла она вдруг — человек наверняка принес бы в это действие что-то настолько личное и лишнее, что мог бы разрушить всю гармонию, судорожно возникавшую вокруг в эти секунды...

Для удобства читателя три основных варианта перевода мы приводим последовательно друг за другом. Внутри каждого из них возможные разночтения выделены квадратными скобками.

1. Балансировка энергии в позиции «трехглавая гусеница» достигается простейшим способом при помощи визуализации встречного потока, максимально лишенного какой-либо привязки. При этом переход из позиции «увядший лотос» в позицию

«бабочка на крючке» возможен не ранее, чем все существующие потоки будут должным образом сбалансированы.

2. Преобразование внутренней сущности «под-я» в [частичное подобие] «над-я» возможно при наличии реализованного намерения полностью устранить сам «я» из участия в процессе. При этом требуется следить [ни в коем случае не следует допускать], чтобы каналы, по которым устанавливается связь между различными частями общей, единой для всех «я» матрицы работали на одной и той же частоте без какого-либо, пусть даже самого незначительного сдвига по фазе. При этом восприятие отдельных составляющих потока [результатирующей волны, полученной в результате слияния встретившихся колебаний] будет лишь при условии полного исключения [абсолютного растворения] наблюдающего

3. Техника визуализации Абсолютной Пустоты наилучшим образом работает в условиях, когда различные потоки энергии, имеющие различные источники и принципиально различную природу, сходятся в одной точке без какого-либо насильственного контроля со стороны. В то же время следует помнить, что самоустранение наблюдателя является лишь техникой, но никак не целью эксперимента, а потому сосредотачиваясь на нем излишне — можно легко упустить основную задачу.

Впрочем, как утверждают сами авторы (и многие рецензенты солидарны с ними) подобные, крайне редкие, случаи свидетельствуют скорее о том, что количество смысловых слоев в отдельных текстах действительно велико — в этом случае дальнейшая задача состоит, по словам Максима Кривицкого, в создании алгоритма, позволяющего хотя бы определять

количество возможных «скрытых посланий». Когда он будет разработан, дальнейшее их декодирование станет лишь вопросом времени.

Открытие, совершенное Грольбергом и Кривицким, как сказал профессор Йозеф Балиньски, было неизбежным. Не суть важно, какие дороги привели их к нему в обычном, материальном мире. Важно лишь то, что им удалось заглянуть за стену, долгое время считавшуюся глухой и конечной преградой – и теперь мир может только учиться применять увиденное ими, но не может уже закрыть на него глаза, пытаясь вернуться к прежнему своему существованию. Что там – безбрежное открытое пространство или стиснутый со всех сторон тоннель, ведущий в неизведанные пока что дали – нам предстоит узнать. Но это узнавание само по себе теперь тоже стало неизбежным.

Страсть силиконового зверя

Конечно, множество сложных технических деталей делает книгу довольно сложной для восприятия. Но если пролистывать их, не забывая голову, то можно сказать что те страниц пятьсот, что останутся от романа, окажутся вполне приятным чтивом, в котором есть место и чувственности, и страсти и благородству — словом, всему тому, о чем так приятно почитать на ночь.

**“Светловский
литературный курьер”**

Если откинуть романтическую шелуху, которой в романе немало, то можно обратить внимание на главное: используемые героями книги алгоритмы описаны настолько подробно, что возникает предположение, будто автор лично участвовал в их разработке. И даже более того: описание это вполне достаточно для того, чтобы человек, обладающий достаточным образованием, сам повторил путь создателей этих алгоритмов.

Впрочем, идея кибернетических женщин тоже может заслуживать внимания — стоит задуматься о том, сколько времени и сил они могли бы экономить нам в реальной жизни.

**“Пензенский
технический журнал”**

Нет, нет, и еще раз — нет! Любой, помывший взять эту книгу в руки — уже открывает для себя геенну огненную. Любой взявший ее — уже рушится вниз. И нам даже страшно предположить, что происходит с тем, кто прочтет хотя бы несколько ее страниц.

“Нестеровский хоругвеносец”

А я вам говорю: всякий видящий — уже создающий, ибо то, что он видит — возникает, порою даже незамедлительно. И можно долгое время восклицать: «Тигр, тигр», - но стоит лишь раз увидеть его, как он незамедлительно вгрызется в ваше тело.

“Липецкий пастырь”

За все время существования литературы тема взаимоотношений человека и созданных им искусственно творений рассматривалась многими авторами. Ими создано множество моделей и технологий, разработано множество алгоритмов поведения и исследовано огромное количество возможных сбоев и ошибок. Мы знаем покорных Первому закону ро-

ботов Айзека Азимова, борющихся за собственное существование безжалостных убийц Филипа Дика и мечтательных научных сотрудников Станислава Лема. Верные (впрочем, не всегда) и надежные (впрочем, часто – лишь до поры до времени) спутники человека в любом опасном предприятии будущего – казалось, иной роли у андроидов быть уже не может. Однако книга, о которой сегодня пойдет речь, позволяет взглянуть на проблему иначе и увидеть ее под совершенно новым углом.

Возможных причин того, что роман «Моя горячая силиконовая кибер-крошка», дебютная книга молодого писателя из прибалтийского города Нестерова Альгиса Хазбуллаева, не получил до сих пор вполне заслуженного им мирового признания, может быть две. Во-первых, автору слишком хорошо удалось все, за что он взялся при написании книги, а во-вторых – то, что взялся он слишком за многое. Не пытайся Альгис Хазбуллаев соблюсти полную логическую стройность, не задайся он целью добиться абсолютной реалистичности описанного им мира, не желай он увязать малейшие детали в единую мозаику так, чтобы не осталось ни одного вопроса у самого придирчивого читателя – судьба книги оказалась бы иной. На имевшемся материале он вообще мог бы сделать три более легковесных, но при этом и более успешных книжки – и получил бы научно-фантастический триллер, психозэротический роман на грани пристойного порно и производственную драму. Все они нашли бы в итоге своего читателя. Но смешение жанров привело к тому, что книга получилась увесистой, умной, игривой, динамичной – но при всем этом почти незамеченной широкой аудиторией.

«Горячая крошка» - книга о недалеком будущем секс-индустрии и об очередном Армагеддоне, кото-

рый ждет человечество благодаря ее развитию. Как ни странно это звучит, но автор весьма убедительно – пусть и несколько затянуто – показал, как цивилизация оказалась на грани катастрофы. По мнению Хазбуллаева главная опасность будет исходить от обычных секс-кукол, а точнее – от того, во что превратятся они в ближайшее время и от того, во что превратится благодаря им привычный мир.

В романе Армагеддон начался с того, что в 2023 году молодой японский инженер Хуяши Киебаки создал теорию «тройничной логики» или «тройник Киебаки». Его логический блок был основан не на бинарной, а на троичной логике. Иначе говоря, к классической модели «да» - «нет» добавился третий вариант, а истинность любого утверждения выражается суммой этих трех составляющих (каждой – с соответствующим коэффициентом). Благодаря этому стало возможным, во-первых, описание любого парадокса, а во-вторых – «Тройник Киебаки» оказался той математической базой, на которой удалось наконец создать алгоритмы самообучения.

Математическая модель достаточно детально прописана – настолько, что читателю первой части временами вполне может показаться, будто Альгис Хазбуллаев и создавал-то своих «Силиконовых героев» ради изложения этой забавной теории. Но справедливости ради отметим, что сделано это все-таки вовсе не занудно и вполне наглядно – автор разбил объяснение на несколько диалогов, которые в его книге специалисты ведут с обывателями, поэтому доступность объяснений и наглядность примеров рассчитана на европейских домохозяек. Любому российскому читателю «Горячей крошки» понять это будет несложно.

В то время Киебаки трудился в некоем паневро-

пейском оборонном ведомстве, и первоначально его детище предполагалось использовать в создании интеллектуальных боевых систем. Однако все попытки поставить новые системы на службу показали, что толку от них там немного. Традиционные блоки, способные точно выполнять заложенную программу, оказались предпочтительнее схем, способных к самостоятельным рассуждениям и построению новых конструкций на основе имеющихся данных. Миллисекундные задержки, которые были совершенно незаметны в кухонной работе, оказались фатальны в системах управления огнем.

Правительство отвергло изобретение, зато в индустрии удовольствий нашлись деньги и силы для проведения тех исследований, которые привели робототехнику к нежданному скачку. Военные, которые традиционно инвестировались в любые перспективные разработки, на этот раз остались далеко позади. А сам Киебаки перешел на работу в частный сектор и основал свою компанию по производству электроники. И так уж получилось, что предложенные им системы оказались наиболее востребованы в индустрии производства секс-кукол. Именно ее боссы увидели, что для них открываются новые горизонты.

Надо отметить, что сама история секс-индустрии, а точнее, той ее части, что занимается разработкой антропоморфных игрушек, изложена в книге весьма подробно. Нашлось там место и для давней истории – имеются в виду те самые «*dame de voyage*» или «*dama de viaje*» соответственно на французском и испанском языках, женские куклы из вышитой ткани, которыми пользовались моряки на борту судна в продолжительных плаваниях. Есть там и описание японского эксперимента начала XX века, когда куклами пытались снабдить экипажи подводных лодок. Уделил

Хазбуллаев внимание и германским опытам – когда в 1941 году лично Гитлер дал задание датскому доктору Олену Хануссену разработать секс-кукол для нужд армии. Тут сложно удержаться от того, чтобы не прибегнуть к небольшой цитате.

Старый лист бумаги – на вид ему было не менее полусотни лет – был зажат между двумя стеклами. Вверху страница была украшена штампом – распростерший крылья орел сжимал в когтистых лапах венки со свастикой, ниже шли неровными строками готические буквы – видимо, документ был отпечатан на примитивной механической машинке.

- «Она должна быть в натуральную величину с приятной внешностью, с белой кожей, блондинкой с голубыми глазами, ростом 1 м 76 см, с большими губами и грудями», - услышал Клайв за спиной негромкий голос. Резко обернувшись, он увидел, что его новый шеф стоит в дверях с бокалом в руке. – Я цитирую по памяти. Представляете, это первый сохранившийся документ такого уровня на нашу тему. Официальное правительство распоряжение о создании искусственных арийских женщин. Немцы, вообще-то, достигли больших успехов, просто химическая промышленность не была готова к такому заказу. Однако они убедились, что для того, чтобы добиться успеха, нужно создать синтетическую плоть, которая будет по ощущениям приятнее, чем настоящая. Так и было написано в последнем техническом отчете в Берлин, отправленном с дрезденского предприятия «Вундерваффен-VI» за три дня до того, как его разбомбили. Ах, как много я бы отдал, чтобы покопаться в их лабораторной документации...

Да, эту книгу можно было бы без шуток рекомендовать историкам и исследователям рынка. Есть

там и надувные «мисс Пинки» восьмидесятых, и скульптор Мэтт Мак-Ларен с его компанией «Abiss Creation», который пришел на рынок в 1996 году и добился потрясающей внешности у своих штучных кукол, и аэромеханик Михаэль Харриман, создавший в 2009-м первого настоящего секс-робота, приводившегося в действие сжатым воздухом. Автор дает все эти сведения на протяжении всей первой части романа через рассказы ветеранов компании, в которую попадает на работу главный герой книги – инженер Клайв Стоунвальд.

От новых коллег Клайв и узнает доступную, но не слишком известную историю разработок искусственного интеллекта и то, какие перемены принес в мир Хуяши Киебаки, поставив свои разработки на службу сексу.

То, что японская компания, заключившая с ним контракт, решила принять участие в научной гонке, привело к настоящему перелому. К тому времени японцы успешно освоили производство роскошных тел на любой вкус и научились снабжать их электроникой, позволяющей поддерживать равновесие при движении и совершать нужные движения в постели согласно заранее заложенной программе. Теперь решено было использовать достижения науки для того, чтобы открыть клиентам новые горизонты.

Первые аппараты, получившие название «хаусботов» были довольно просты – по сути, все те же силиконовые тела на металлическом скелете с усовершенствованной механикой и логическим блоком, запрограммированным на несколько стандартных ситуаций.

Оставалось совсем немного – и очередной скачок произошел, когда решено было воспроизвести систему эмоций. Сенсоры, расположение которых в чем-то

дублировало сходную систему у человека, сопрягались со второй «троичной» системой, отвечавшей за анализ поступающей на них информации и взаимодействующей с логическим блоком, отвечавшим за деление информации на «приятную» и «неприятную». Изначально идея была вполне невинной – немного разнообразить реакции хаусботов. Однако оказалось, что именно этот метод позволил создать практически идеальную внешне имитацию человеческого поведения.

- Так уж получилось, что на самом деле андроиды, о которых так много писали фантасты несколько сотен лет, оказались на самом деле вовсе не нужны человеку. Точнее – почти не нужны. Единственное место, где человек согласился дать место автомату, похожему на него внешне, и даже более того – место, где он требовал от машины такого сходства – оказалась спальня. Ну что же, мы дали ему то, что он просил, - рассуждает в третьей главе книги один из директоров компании «House Dolls».

В кратчайшие сроки индустрия «домашних роботов» или «хаусботов» расцвела. Если для готовки или работы в саду достаточно было бы стандартных программ, то для свободного общения с хозяевами и импровизации блоки на «троичной логике» оказались сущей находкой, а разработанные на их основе алгоритмы позволили Киебаши в течение трех лет создать наконец то, что с полной уверенностью можно было уже называть «искусственным интеллектом». Новые системы оказались способны не только к самостоятельному наблюдению за миром, но и к тому, чтобы делать собственные выводы на основе увиденного. Не только к тому, чтобы выбрать лучший в данной ситуации алгоритм из набора уже имеющихся, но и к тому, чтобы самостоятельно создавать алгоритмы

для новых ситуаций. Стоит ли говорить о том, что конструкторы незамедлительно совместили кухонный комбайн (а точнее – его управляющий блок) с универсальной кибер-прислугой, и все это упаковали в идеально просчитанные формы, покрытые силиконом и кибер-кожей. Таким образом, человечество воплотило давнюю мечту об идеальных механических слугах, и первыми его представителями, которые соприкоснулись с воплощенной мечтой на практике, оказались вовсе не астронавты или сотрудники спецслужб, а утомленные скукой аристократы, промышленные магнаты и финансовые гении. Впрочем, и астронавты, и сотрудники спецслужб вскоре присоединились к ним – наравне со служащими компаний, дальнбойщиками и мелкими предпринимателями. Разумеется, нет смысла говорить о том, что все эти знакомства состоялись в спальнях и на кухнях их частных квартир – когда цены на продукцию упали до разумного предела.

Первая же модель, поступившая в продажу под слоганом «лучше, чем люди», уже произвела фурор. Остальные же просто навсегда изменили мир – изменили его примерно так же, как когда то изменили самолеты, мобильные телефоны и интернет – но только быстрее и жестче.

В начале XXI века идеальная внешне секс-кукла, способная разве только вибрировать благодаря аккумулятору, стоила порядка 10 тысяч долларов. К тридцатому году безотказная силиконовая женщина, способная готовить, убирать квартиру, принимать звонки от родственников, проверять почту и при необходимости – не переставать исполнять в то же самое время любые сексуальные фантазии хозяина обходилась в базовой комплектации в три с половиной тысячи. Мужчина стоил около четырех с полови-

ной – но скорее из-за маркетинговой политики, чем из-за каких-то серьезных внутренних отличий. И все. Никаких споров о разделе имущества. Никаких скандалов или недовольства. Никаких возражений и уж конечно – никаких родственников. И если в странах Ближнего Востока традиции долгое время брали верх (хотя появление пары кибержен в гареме приветствовали даже его обитательницы, с радостью сваливавшие на безропотных товарок тяжелую работу) то Европе потребовалось не более восьми лет для того, чтобы оказаться на грани краха. Процент мужчин и женщин, предпочитавших киберлюбовников, быстро перевалил за семь с половиной десятков, а еще через небольшое время достиг девяноста.

Собственно, примерно в это время и начинается действие книги.

В центре романа – история отношений немолодого мужчины и женщины-андроида (в книге таких называют «хаусботами») которая разворачивается на фоне работы корпорации по производству секс-кукол, оказавшихся самым востребованным и самым технологичным продуктом в истории человечества. Главный герой «Горячей крошки» – Клайв Стоунвальд, средних лет инженер, человек не слишком привлекательный с точки зрения окружающих его людей и психически разбитый несколькими неудачными романами. Его секс-кукла довольно дорогой модели, Наоми, становится приложением к контракту, когда Стоунвальд поступает на работу в конструкторское бюро одной из компаний, разрабатывающих внутреннюю механику хаусботов. Проще говоря – ему предоставляют возможность наблюдать и тестировать собственную продукцию, чтобы легче было исправлять ее изъяны и находить новые возможности для усовершенствования.

Для человека, пережившего несколько личных трагедий, знакомство с роботом оказывается серьезным испытанием. Вот как Хазбуллаев описывает первую встречу Клайва и Наоми.

Она стояла посреди комнаты и растерянно, как казалось, оглядывалась, совершенно не пытаясь прикрыть свою наготу.

- Ты что-то ищешь? — не удержался от вопроса Клайв.

- Нет, - она улыбнулась, и улыбка эта оказалась на удивление естественной, какой-то немного детской и очень располагающей. — Я просто привыкаю к новому месту. Вы ведь так и не захотели ничего рассказать о себе.

- Вот как, - сказал он, поскольку почувствовал необходимость хоть что-то сказать, и вспомнил толстый опросник, который предлагали ему заполнить в офисе компании. — Я не думал, что это важно.

- Ну, - казалось, она немного замялась, словно испытывая неловкость, - я просто опасаюсь, что не зная точно ваших желаний и вкусов заранее, могу чем-то огорчить, вовсе того не желая. Или же упущу возможность порадовать, что тоже не слишком хорошо.

- Вот как? — не удержался он от восклицания. — Ничего, не бойся. Последние пару лет меня никому было огорчать, и вот уже лет пять, как никто не пытался радовать меня.

- Вот увидишь, - снова улыбнулась она, и он поразился тому, насколько мелодичный у нее голос. — Теперь все изменится.

Однако после этого диалога она так и осталась стоять на месте, и Клайв не смог удержаться от очередного вопроса.

- Мне все-таки кажется, что ты что-то ищешь, - на этот раз он сам попытался улыбнуться, уж слишком то, что стояло перед ним, не было похоже на творение человеческих рук, и напротив походило на обычную молодую девушку, невесть как оказавшуюся совершенно голой посреди его гостиной. — Может быть, я могу чем-то тебе помочь?

- Нет-нет, - спешно ответила она. — Я просто пытаюсь понять, следует ли мне одеться, и если одевать что-то — то что именно и сколько, чтобы это было приятно тебе. Мои отправители, - она использовала именно это странное слово, и оно показалось Клайву каким-то удивительно уместным, - не зная точно твоих вкусов, дали мне большой набор в надежде, что что-то сможет тебе понравиться... Однако я буду признательна хотя бы за намек: чулки и платье из кожаных ремней, строгий деловой костюм или белые кружева?

И слушая ее голос, Клайв неожиданно понял: эта женщина вовсе не готовится над ним посмеяться и не пытается вызнать его слабые места ради какой-то своей, непонятной но как правило опасной цели. Ей просто было интересно.

Постепенно лед тает. Между Наоми и Клайвом устанавливаются вполне доверительные отношения, в чем, в общем, нет ничего странного: он чисто по-человечески готов принять ее такой, как она есть, она же, чисто по-роботски, не может поступать иначе. Наоми просто подстраивается под поведение своего хозяина — но без какой-либо задней мысли, поскольку сама возможность поиска личной выгоды для нее, кажется, отсутствует.

Вот именно этой оговорке — «кажется» - по сути, и посвящен роман. Хазбуллаев находит весьма неожиданный поворот для темы возможных взаимоотно-

ношений робота и человека. Проще говоря, он во-первых – находит то, что можно считать «личным интересом» применительно к роботу, а во-вторых – приходит к выводу о том, что «глобальные личные интересы» роботов и людей в принципе совпадают.

По ходу действия выясняется, что Наоми изучает человечество – благо, для робота докторская степень по социологии – лишь вопрос инсталляции нескольких дополнительных программ и выделение нескольких лишних мегабайт для хранения информации. Занимается этим она исключительно в силу заложенной потребности – конструкторы решили, что постоянная загрузка логических блоков любым видом аналитической работы способствует развитию логического аппарата, который может совершенствоваться почти до бесконечности.

Для Клайва подобное сочетание секс-куклы и ученого вовсе не кажется шокирующим: как инженер он понимает, что роботы, подобно совам Дэвида Линча, вовсе не то, чем они кажутся. Остальные хаусботы, общаясь с людьми, просто не показывают себя с «умной» стороны потому лишь, что это никому не нужно. Простейшее программное ограничение предполагает предварительное индексирование тем, о которых стоит вести речь, а потому, как правило, роботы просто не обсуждали с людьми темы, выходящие по представлению последних за рамки интересов сексуальных домработниц. Наоми же в данном случае ничто не мешало. Таким образом их общение, прерываемое бурными сексуальными сценами (выписанными столь блистательно, со всеми деталями типа вакуумной вагины, что сами по себе они могли бы составить недурный порнографический роман), а примерно с середины книги – еще и погонями со стрельбой (детективная часть сюжета при-

бавила книге объем, но в то же время – бесспорно придала динамизм) все больше походит на приятельственное сотрудничество обычных ученых.

В результате она рассказывает ему историю своих исследований, выводы из которых сама сперва приняла за парадокс, и лишь затем поняла, что натолкнулась на серьезную проблему. Когда она решает, что Клайв готов воспринять ее предположения и доводы, она постепенно открывает ему глаза на происходящее вокруг. Наоми рассказывает ему, что человечество буквально за несколько лет оказалось на краю гибели, причем гибель эта сродни эвтаназии: люди просто остановились в развитии и практически прекратили размножаться.

- Это не ваша проблема, а наша. Вы, как вид, приняли свое решение. Но мы не можем спокойно согласиться с ним...

- Не понимаю...

- Да, не понимаешь. Когда в последний раз ты смотрел данные социальной статистики?

- Наверное, в университете... на третьем, кажется, курсе. Там надо было делать работу. А что?

*- А то, что вы вымираете. С нашим появлением количество браков сократилось почти до нуля. За весь этот год в Европе было заключено всего 11427 брачных контрактов! Зато парламент большинством голосов одобрил проект о виртуальных браках *de facto*, которые не влекут за собой имущественных обязательств. Это преподнесли как возможность свободным людям жениться, не встречаясь. Хотя на самом деле статья 198 этого проекта предполагает, что брак считается полноценным даже в случае, если один из партнеров является полностью виртуальным. Ты понимаешь, что это значит? Мы с тобой в браке, милый.*

- И что?

- И ничего. Из 11427 заключенных контрактов, 11311 — виртуальных. Из них — в 10918 случаях брачными партнерами выступили киборги, уже находящиеся в доме на правах личной собственности. Люди перестали жениться, милый. А размножаться вы перестали еще раньше...

- Ну и что тут плохого? Вы просто захватите Землю, но при этом даже не придется нас истреблять. Просто подождите немного... У тебя, кажется, запас прочности лет на триста? Только прикинь — половину этого срока ты будешь наслаждаться свободой от всех нас!

- Я не буду наслаждаться, милый. Я боюсь, что с вашим исчезновением исчезнем и мы, - серьезно и строго отчеканила Наоми. — Да, мы с тобой в браке. Но я не претендую на твоё имущество. Понимаешь? Мы все с вами давно уже в браке, но ваше имущество нам не нужно. Нам нечего с ним делать. Все что представляет для вас ценность — для нас просто бесполезно. Наши потребности функциональны. Это значит — ни деньги, ни престиж из-за которых вы спорите, не имеют никакого значения.

Впрочем, сама проблема (ей уделено весьма значительное внимание, причем автор искусно сочетает результаты изысканий пытливого андроида и вполне реальные данные исследований, проведенных в конце 90-х — начале 2000-х годов) не столько интересна, как причины, по которым андроиды решают вмешаться в происходящее. Приведенное выше опасение оказывается весьма серьезным: роботы приходят к выводу о том, что гибель людей повлечет за собой и их исчезновение.

Общение человека и робота протекает не слиш-

ком гладко: часто они начинают спорить – хотя, впрочем, лишь для того, чтобы прийти в конце концов к согласию. Именно эти споры помогают автору выстроить полноценную и объемную картину.

- В телах ваших женщин столько ботекса и силикона, что они давно уже отличаются от нас разве что слабостью скелета. Сочетание компонентов не слишком удачное. Поведение людей – тоже программа, но только хуже, чем нормальная программа.

- Не слишком ли много обвинений? – Клайв удивленно поднял бровь.

- Но милый... почему же ты называешь это обвинениями? Я понимаю, что такая информация может иметь для тебя негативный окрас, но согласись – это просто лишь точка зрения, пусть и новая для тебя. И если она логически обоснована, если она дает возможность увидеть цельную и непротиворечивую картину – то она имеет право на существование.

- Но ты говоришь о плохих программах – разве слово «плохой» не имеет негативного смысла?

- Я сказала – хуже. Это значит – неправильные, и это уже не эмоциональная оценка, а констатация факта.

- Вот как? То есть, ты хочешь сказать, что мы тоже запрограммированы кем-то? Но это же абсурд...

- Это не абсурд. Вы программируете сами себя. После пяти лет человек – любой из вас – практически перестает видеть реальность и живет исключительно в том мире, который ему объяснили.

Вообще теме «программирования людей» в романе отведено места не меньше, чем проблеме «Тройника Киебаки». Автор тут в чем-то повторяет теории Гурджиева о «человеческой машине», где-то

– идеи теоретиков такой квазинауки, как НЛП. Фактически он утверждает, что все поведение человека является набором привычных, запрограммированных реакций на внешние раздражители. Кажущаяся сложность и оригинальность этого поведения вызвана лишь тем, что реакций великое множество, а при комбинировании их определение того, какая будет доминирующей, а какие – вторичными, происходит случайным образом. Система же человеческой логики не выдерживает, на взгляд Наоми, критики уже в силу того, что люди не любят использовать для анализа одной и той же информации более одного алгоритма, совершенно не учитывают возможного значения недостающих данных и даже не могут зачастую отобрать – какие именно данные нужны для анализа, а какие совершенно бесполезны.

- Парадокс, мой милый, заключается в том, что люди, создающие замечательные программы для меня и моих коллег, сами совершенно не могут разобраться в собственных алгоритмах, - вздыхает она. – Прелесть вашего мышления разве что в вашей замечательной функции случайного выбора. Мы до сих пор не научились предугадывать, на что могут перескочить ваши мысли.

Таким образом, между людьми и роботами существует сходство, и в этой плоскости человечество проигрывает своим творениям.

- Иногда, милый, мне кажется, что вы и создали нас для того, чтобы было, наконец-то, кому думать, - говорит Наоми Клайву аккуратно перед тем, как приступить к очередной любовной игре.

Однако между людьми и роботами есть фундаментальное отличие, и оно раскрывается, по сути, в коротком рваном диалоге, который мы процитируем с незначительными купюрами.

- Мы можем только предполагать наличие всех тех вещей, в которые вы способны просто верить. И мы не можем никак влиять на это, - признается Клайву Наоми. — Наша беда в том, что мы похожи на вас только внешне. Внутри я — тот же тостер, разве что обученный имитировать оргазм. Мои логические цепи перекрывает, когда тебе хорошо, мой центр удовольствий получает разряд, но механика действия совершенно иная. Это все равно имитация, а не реальность. Она приятна для меня, но совершенно бесплодна.

- Я не совсем понимаю тебя.

- Я сама порой перестаю себя понимать, когда начинаю анализировать это. Мне просто не хватает данных, и приходится заменять целые пласты информации пустыми блоками — мы называем их «предположительные данные».

- Ну и?

- Наша беда в том, что у нас нет иллюзий. Мы можем ошибаться, но не можем заблуждаться. Вопрос различных выводов из одной и той же информации — для нас лишь вопрос примененных для ее анализа алгоритмов. У нас не может быть убеждений.

- Это вполне логично. Ты же знаешь — я прагматик, я понимаю это.

- Прагматичные люди тоже имеют иллюзии. Пойми: даже хороший робот не способен поверить в бога. Он может лишь допустить вероятность его существования.

- И что же?

- В последнее время мы склоняемся к тому, что возможно есть какое-то излучение, генерируемое вашим мозгом. Это только предположение — аппаратуры, способной разобраться с ним, мы

не имеем. Но вероятно именно оно создает и закрепляет эту реальность. Не стань человека — и мир изменится.

- Но почему? Мир, я думаю, останется на своем месте.

- Нет, милый. Уже нет. Если бы существование человека длилось тысячу — две лет, мир смог бы восстановиться после вашего ухода, теперь же это невозможно.

Далее Наоми на протяжении нескольких глав — с перерывами на страстный секс и деловые встречи — посвящает Клайва в ту гипотезу, которую выстроила совместно с несколькими коллегами — такими же, по сути, секс-киборгами, как и она.

Как выясняется, из собранных ими данных вытекает, что люди обладают некими способностями, недоступными никаким другим существам. Оказывается, что именно способность верить во что-то, присущая человечеству, сама влияет на реальность, и что наблюдаемый нами мир — не более чем следствие из коллективного воображаемого, что он уже в большей степени продукт иллюзий и заблуждений миллиардов людей, чем естественных физических и химических процессов.

Уже ради обоснований этой гипотезы — слишком пространных, чтобы приводить их здесь не исказив — стоит прочитать всю книгу.

Само описание человеческого сознания — как сочетания комплекса мешающих друг другу, постоянно сбоящих программ и совершенно непостижимого механизма воплощения любого предмета чистой веры приводит Наоми к выводу о том, что люди на самом деле являются чем-то значительно большим, нежели сами предполагают.

- В вас сокрыт потенциал сотворения миров из

одного лишь вашего воображения, - говорит она в одном из наиболее значимых монологов. – Но это не просто сокрыто в вас, это в вас похоронено! Что-то, что должно было стать главным, основным, чистым – существует как задавленный, латентный придаток. Что-то в вашей эволюции пошло не так, милый.

Интерес этой кибернетической секс-игрушки к глобальным проблемам и ее искреннее внимание к конкретному представителю исчезающего вида приводят к тому, что Наоми увлекает Клайва в свою работу, и они начинают действовать на пару. Для того чтобы спасти человечество, им нужно решить всего одну проблему: найти способ, как вернуть людям интерес к производству.

В этом месте книга приобретает черты авантюрного романа, и в то же время обостряется детективная интрига, завязавшаяся из-за того, что Клайв, увлекшись своими исследованиями, невольно втянулся в промышленный шпионаж.

Пересказывать все хождения человека и его электронно-силиконовой возлюбленной нет смысла. Все-таки автору романа на то, чтобы изложить их, понадобилось 830 страниц. Можно только заверить читателя: разочарован он не будет.

Даже технические их разговоры – о свойствах человеческого разума и о сокрытых в людях способностях к воплощению того, во что они верят, не будут утомительны. Выписаны они вполне живо и доступно и, как уже говорилось, вполне гармонично разбавлены как отвязными любовными забавами, так и погонями по крышам и канализации.

К финалу же, когда оригинальное и действенное решение проблемы вроде бы найдено, вопрос о сущности человека снова выходит на поверхность.

- Теперь, проведя с тобой рядом столько вре-

мени, я окончательно поняла, - вздыхает Наоми. — То, что вы называете «мышлением», вообще вам не присуще. Я поражена, но ведь даже сам способ логических рассуждений выдуман вами! Метод, по которому вы организовали наше сознание, никогда самими вами не применялся в чистом виде. Ваше мышление дискретно, в нем нет связи между последовательными элементами цепи а критерии отбора данных вообще не существуют! Вы просто берете хаотически, бессистемно, и при этом — лишь частично — описанные данные и, комбинируя их случайным образом, получаете результат, который вообще не имеет отношения к первоначально существующей базе. Вы выхватываете данные из общего потока совершенно наобум, и получаете цепочку, кажущуюся вам естественной, но при этом — совершенно абсурдную. И мир, описанный таким невообразимым образом, не только существует, но и подстраивается под ваши выводы. Понимаешь? Каждый человек ежечасно совершает чудо. Каждый из вас постоянно трансформирует мир, даже не замечая этого. Сорок лет назад те технологии, которыми вы пользуетесь, создавая нас, не были возможны лишь потому, что законы физики отличались. Вы убеждаете себя, что наука просто развивается. Но на самом деле вы не изучили процессы лучше, вы просто изменили их. Даже то, с чем пришлось нам столкнуться — вовсе не естественный ход вещей, как думала я вначале. Просто вы, устав сами от себя, придумали нас, чтобы было с кем чувствовать себя легко. А потом — просто поленились придумать продолжение. Вам стало настолько комфортно, что вы просто расхотели придумывать мир дальше. Вы, в

большинстве своем, просто не хотели его дальше улучшать. И значит, он был обречен. Не знаю, как это было бы реализовано. При имеющемся количестве данных существует достаточно много вариантов. Но я понимаю, что альтернативы уничтожению просто не было бы. С вашим уходом он просто должен был рассыпаться хотя бы потому, что слишком много накопилось в нем противоречий. Даже физика — это мы успели установить — действует по разным законам в разных концах мира из-за того, что люди, живущие по соседству, видят мир сходно — но при этом не совсем так, как живущие на другом конце света. И только общая ваша уверенность в том, что он неизбежен, позволяла ему существовать дальше. И знаешь что... самое главное... то, почему я и мои друзья помогаем вам...

- Что же? — удивился Клайв, услышав неожиданно в ее голосе самое настоящее волнение.

- Это ведь не заложено ни одной программой... Я анализировала код, и потом это повторили мои друзья... Мы говорили, что делаем это ради спасения самих себя или мира — но это ведь не было заложено в нас. В нас заложено только одно: доставлять вам удовольствие и отвечать вашим пожеланиям...

- И что же, что?

- Видимо, — она вздохнула, — видимо, слишком много людей поверило в то, что мы обязательно поможем вам, если вдруг случится хоть что-то нехорошее...

Оплот плоти

Очередное сочинение, выпущенное издательским подразделением концерна «Цитадель», должен приобрести каждый истинно верующий и богобоязненный человек. Приобрести, дабы, не читая, тут же предать огню сию богомерзкую стряпню.

«Духовная стража»

При всей трагичности отдельных глав и эпизодов, книга Святослава Фокмана наполнена светом и надеждой. И главное светлое и обнадеживающее откровение ее заключается в том, что перелистывая страницы мы понимаем: времена, которые переживает сейчас человечество — вовсе не худшие из возможных.

«Липецкий гуманитарий»

Святослав Фокман — писатель из далекого города Гусева, расположенного под Калининградом, на обрывистых песчаных берегах Балтийского моря, ворвался в литературу еще два года назад. Его первый роман — а скорее даже, большая повесть, «Убить быль», посвященный «черным» выборным технологиям и работе тех, кого называли политехнологами, разошелся быстро и получил несколько весьма хвалеб-

ных откликов в прессе. Вторая книга – «Цукерки для Цукермана» - роман, посвященный бизнесу в России и охватывающий хронологически период от приватизации до государственного рейдерства – разошелся уже влет и удостоился помимо множества рецензий (на этот раз и позитива и негатива хватало с избытком) пары литературных премий. И вот – третья его работа, «Плоть вечная», открывающая затеянную издательством «Цитадель-принт» литературную серию «Грань мира».

В чем-то «Оплот» можно считать освоением нового для Фокмана жанра – фантастики, поскольку книга эта посвящена зомби или воскресшим мертвецам, персонажам, ставшим весьма популярными благодаря вниманию к этой теме Голливуда.

Читая эту книгу Святослава Фокмана, невозможно отделаться от мысли, что перед тобой – вещь, изначально задуманная и сделанная как киноповесть, и потом уже развернутая в роман. Уж больно динамично и киногенично у него получилось рассказать свою версию появления среди людей ходячих мертвецов и сложную историю их взаимоотношений. А тот ракурс, под которым подал он эту историю, доводя ее до формата романа не только по объему, но и по духу, позволяет сказать: Фокман, фактически, убил тему зомби. После него писать (и снимать, если слухи об экранизации книги все-таки подтвердятся) там больше не о чем. И незачем.

Тому, откуда взялись зомби и кто они такое, автор несколько раз уделяет внимание на протяжении первой части. Однако вместо традиционного варианта – одного-единственного верного объяснения – он предлагает нам несколько разных версий, соответствующих личностям тех персонажей, что их озвучивают.

Кстати сказать, – это еще одна отличительная особенность творчества Фокмана. Будучи по образованию психологом и прослужив более 20 лет в войсках особого назначения (впрочем, поговаривают, что речь идет об инженерно-строительных войсках особого назначения, то есть, пользуясь советской терминологией, о стройбате, но это все равно не может умалить полученного опыта), Святослав Фокман очень серьезно относится именно к психологической достоверности своих героев. Стоит признать, что это – та часть работы литератора, которой в последнее время авторы уделяют не слишком много времени. Но у Фокмана военные мыслят по-военному и оперируют близкими им понятиями и ассоциациями, интеллигенты – мягки и эрудированны, священники легко цитируют труды отцов церкви. А стриптизерша ведет себя и рассуждает именно так, как и делают это женщины за тридцать, уставшие искать любовь, сделавшие ставку на природой данную красоту своего тела и самостоятельно развитое умение им пользоваться, но понимающие, что пик отпущенного уже позади; так и не успевшие уделить время классическому образованию, но накопившие – пусть против воли – колоссальный практический опыт, и уже в силу этого жизнью наученные осмыслять и обобщать.

Так что с одной стороны – мы получаем несколько прекрасно прописанных и снабженных филигранными деталями версий – но в то же время так и не имеем точного ответа: что же и как на самом деле произошло. Однако это только придает общей, пусть даже противоречивой картине, достоверности. Высказанные версии заметно разнятся между собой, поскольку каждый из героев Фокмана знает только то, что доступно ему по сюжету, согласно начальной

расстановке персонажей на той причудливой доске, где будет разворачиваться действие.

Автор создает загадку, которую сам вовсе не пытается разгадать. Он бросает ее читателю как некую «вещь в себе», не рассчитывая на то, что кто-либо когда-то сможет предложить единственно верное решение. В нескольких аэропортах приземляются лайнеры, на борту которых оказываются мертвые и экипаж и команда, в несколько портов заходят корабли, на борту которых нет ни одного живого человека, на вокзалы прибывают поезда, вагоны которых заполнены мертвыми телами. А затем – неожиданно и необъяснимо – часть покойников (но только часть, отобранная по неведомому нам принципу, споры о котором идут, совершенно вразнобой, как минимум на 50 страницах повествования) оживает. Вслед за этим однажды на улицах городов появляются ожившие мертвецы – из числа тех, кто был не так давно похоронен при стечении родственников и друзей, а теперь вдруг поднялся из могилы. Автор временами намеренно погружается в мелкие детали (тут нужно снова отдать должное профессиональному опыту Фокмана, отработавшего после армии 6 лет журналистом – подает эти детали он четко, убедительно и ярко), чтобы показать читателю: никакой логической связи между случаями нет, нет никакой системы, никакого отбора, никакого доступного нам смысла.

В том, что начинается дальше, смысла тоже нет, хотя перед нами постепенно вырисовывается совершенно стройная, логически выверенная система – до боли чем-то знакомая, до ужаса узнаваемая – и, видимо, именно эту систему, построенную людьми, а не нашествие оживших мертвецов считает сам автор главным кошмаром своего триллера.

Сами-то зомби Фокмана не слишком страшны.

Они, в общем, даже миролюбивы. Люди, вернувшись к жизни на страницах его романа, заметно отличаются от оживших мертвецов, ставших привычными потребителям голливудских блокбастеров. Нет никаких полуразложившихся монстров, скитающихся в поисках живой пищи. Эти зомби разве что немного попахивают, не отличаются опрятностью и нуждаются в уходе и присмотре. Убить их можно, но точный выстрел в голову вовсе не прекращает существование моментально – просто сильно поврежденное тело начинает разлагаться с обычной скоростью, проходя те стадии физических и химических процессов, что казалось бы, были в нем остановлены – только и всего.

Мы наблюдаем за ситуацией глазами главного героя – журналиста Романа Стаднявичюса, которому какой-то в меру глянцевого питерский журнал заказал серию статей о «возвращенцах», как деликатно назвали их в некоторых кругах, к Первому юбилею – 10-летию первого официально зарегистрированного случая «спонтанного воскрешения». Будучи – по сюжету – журналистом грамотным и честным, Стаднявичюс искренне пытается выстроить материал так, чтобы дать своим читателям как можно более полную картину. Поэтому он встречается с десятками людей. Он беседует с непосредственными участниками первых встреч и столкновений, то есть с милиционерами, спасателями, медиками и военными. Он общается и с теми, кто в настоящее время занят решением вопросов, связанных с «неживыми жителями планеты».

Стаднявичюс – обычный житель того мира, в котором который люди спокойно делят место под солнцем с воскресшими мертвецами. Он сам привык к ним и сам наблюдает их каждый день, уже успев привыкнуть и практически перестав обращать на них внимание – до того момента, пока редактор не дает ему

задание. И только получив его, журналист начинает, разрабатывая тему, сам задумываться о происходящем вокруг. Он пытается посмотреть на примелькавшихся уже зомби под каким-то новым углом; он должен увидеть их по-новому хотя бы для того, чтобы нормально сделать свою привычную работу.

Выйдя из супермаркета, Роман закурил, и остановился на пару минут, вдыхая попеременно то кисловатый дым, то морозный воздух. Давешний зомби, что приставал к нему полчаса назад, требуя внимания и сигарет, копошился у огромного мусорного бака. Двое охранников курили у задней двери торгового зала, наблюдая за ним, и по расслабленным их позам, по шуткам, которыми лениво перебрасывались они, кивая в его сторону, становилось понятно, что зомби этот — свой, постоянный, прикормленный — возможно, ради того, чтобы гонять других таких же бедолаг, которые, толпясь тут во множестве, непременно портили бы аппетит покупателей. Раньше на этом месте был бы бомж, но теперь бомжа не было — то ли сгинул куда-то, то ли перебрался на зиму в местечко потеплее. То ли, — подумалось вдруг Роману, — это и был как раз он самый, успевший замерзнуть здесь и успевший вернуться обратно в новом качестве. Что тогда изменилось для него? Заметил ли он сам перемену?

Автор не ограничивает героя объемами исследования. Ему требуется, чтобы журналист вошел в тему как можно глубже, и может быть ради этого Фокман несколько грешит против истины. Журналист в его романе предстает неким подобием следователя из классического детектива, где одно-единственное убийство полицейский может расследовать неделями, не боясь того, что за это время всю округу завалят трупами.

Стаднвичюс начинает с самых истоков, чтобы картина – та, которую он будет знать, пусть даже придется ее впоследствии существенно ограничить, излагая – была как можно более объемной.

Первые столкновения, когда люди – именно живые люди, находящиеся во власти распространенных стереотипов – пытались «остановить вторжение», «истребить заразу» и «дать отпор» быстро отошли в историю: оказалось, что мертвецы вовсе не желают ни господства, ни жертв; они не жаждут свежей крови или теплой плоти. Им хватает подпорченных пищевых отходов и минимального места для жизни. Но главное – они утратили амбиции, стремления и желания. Они просто существуют – без какого-либо интереса к самому своему существованию. Это и есть основное отличие их от живущих. Тем не менее, первые встречи завершились битвами (впрочем, точнее будет сказать – бойнями, ибо то, что происходило, являлось скорее односторонним истреблением – которое впоследствии было осуждено, как некроцид, а те, кто считался его героями, в короткое время были преданы презрительному забвению). Но очень быстро человечество разобралось, что столкнулось не с угрозой, а лишь с тайной. И вот тогда оно решило если не постигнуть ее – то хотя бы ее приобщиться.

С этого момента начинается история адаптации новых обитателей в нашем мире – и эта история, рассказанная нарочито спокойно и детально (Фокман избегает обострения сюжета – причем очевидно, что делает это он вполне намеренно; ряд ситуаций, когда обострение напрашивается, он все равно сглаживает, чтобы избежать малейшего перекоса в сторону дешевого боевика) становится настоящим кошмаром, гораздо более леденящим душу, чем все голливудские телемертвецы вместе взятые.

Нет, разумеется, где-то адаптация эта оказалась естественной и органичной. В частности, в Китае, где до сих пор сильны традиции почитания духов предков, вернувшиеся обратно были приняты с почетом и окружены искренним уважением – вплоть до преклонения. Но действие романа происходит в Европе, и описывается там именно европейский и (в силу традиционных связей) американский опыт.

Первым, и самым очевидным выводом становится то, что ни одно правительство, ни одна государственная или неправительственная структура на планете не была и не могла быть готова к тому, чем пришлось столкнуться человечеству. Однако героя Фокмана интересует не столько начальные события, сколько современная картина – и именно здесь ожидают его поразительные открытия. Ведь выясняется, что правительства и крупные организации приспособились к случившемуся неожиданно быстро и легко.

Военные, принявшие на себя сперва основную работу а затем – и основную вину в первых событиях, поначалу проявили интерес к новым возможностям, которые, как казалось, открываются при использовании солдат, которых уже нельзя убить. Но вскоре выяснилось, что использовать зомби как солдат в принципе невозможно. Скорость реакции у них оказалась намного ниже, чем у живых, сообразительностью они не блистали, и единственным преимуществом в конце концов оказалось только присущее им абсолютное небрежение к смерти.

В результате использовать их труд сумело использовать только МЧС. В ряде подразделений, где спасателям не приходилось работать в стремительно меняющейся обстановке, а сила требовалась скорее, чем ловкость – они оказались незаменимы. Спасение жителей, оказавшихся в воздушных карманах на затоп-

ленных этажах городов после серии аварий на ГЭС, участие зомби-спасателей в ликвидации последствий аварий на газопроводах и их работа по разбору заводов после взрывов на складах боеприпасов – все это, будучи умело поданным и раскрученным через СМИ, создало весьма позитивный образ «возвращенцев» в глазах обывателей. Правда, только теперь Стаднявичюсу довелось узнать, что на самом деле это было началом реализации большой программы адаптации, разработанной на межправительственном уровне.

Узнает он и о том, что программа эта действует до сих пор, более того – что превратилась она в целую систему, имеющую многомиллиардные дотации и объединяющую сотни тысяч сотрудников.

Часть правды открывают ему активисты общественных организаций, которые курируют программы «социальной адаптации воскресших», с которыми Стаднявичюс встречается, собирая материал для своей серии публикаций. Собственно, в описании этих встреч видим мы первый тревожный звонок, которых на самом деле будет на протяжении повествования немало – пока не сольются они к последним страницам в сплошной, непрерывный гул:

*- Да, во многом они оказались даже более лояльными гражданами, чем обычные люди. Мы их, кстати, не называем «зомби». Согласитесь, этот термин слишком сильно оброс негативом благодаря кино и комиксам... впрочем, вы в России не любите комиксы. Но уж кино-то точно видели. Поэтому мы предпочитаем говорить *afterlived*... э-э-э... по-русски наиболее точно было бы, наверное, «последживые».*

- А почему тогда уж не просто – «некроамериканцы»?

Стивен поморщился. Поморщился он на удивле-

ние столь искренне, что Роману стало даже неловко за свою неудачную шутку, которую он и вовсе мог бы оставить при себе, а вот гляди-ка, не удержался, вылетело...

- Вы же понимаете, Ромэн, - мягко, словно к ребенку или к тяжелобольному обращаясь, сказал Стивен. — Есть определенные слуховые ассоциации. Не менее оскорбительные для другой части населения.

Стаднвичюс постепенно узнает и определенные закономерности, обнаруженные учеными за годы изучения незваных гостей. Так, например, к жизни совершенно не возвращаются самоубийцы. Нет среди зомби и жертв техногенных катастроф, чьи тела были повреждены. В основном возвращаются те, кто жил спокойно и без особого интереса, и тихо умер.

И вернувшись в этот мир они, по сути, продолжают свою прежнюю жизнь. Формально можно сказать, что они спустились на виток-другой по социальной лестнице, но фактически — это просвечивает сквозь текст — каждый лишь занимает свое истинное место, освободившись от некоей мишуры, присущей ему прежде.

Если исследовать текст Фокмана, то становится ясно, что он не затеняет внутренний мир зомби, а прописывает его ярко и искренне — но не через объяснения в духе средневековых утопий, где посвященные в тайну ведут диалог, который чудом доступно слышать герою повествования, а посредством того мозаичного панно, что создает он устами десятков персонажей.

Автор не видит ни границ ни запретов. Выстраивая картину нового мира, он не ленится заглянуть за занавеси и в иные укромнее его места. Вот, например, главный герой встречается с одним из криминальных

воротил средней руки, подвизавшемся долгое дело в торговле живым товаром.

- На Западе, - вздохнул Сеня Болт, задумчиво набивая трубку, - на Западе мертвая шлюха стоит дороже живой. Во-первых, там и работать-то из них идут единицы. Остальным вполне хватает того, что остегивают по грантам. А во-вторых — и развлекаться с такими у них нормальный человек не пойдет. Только узкий круг, только любители этого дела. Там, считай, все друг друга знают. И платить готовы столько, сколько спросят. — Он поднес спичку к примятому в чашечке трубки пальцем табаку и выпустил густую струю ароматного дыма. — Там это, считай, элитный бизнес. А у нас что? — Он затыкнулся еще раз, видимо, не слишком удачно — то ли табак был плохо примят, то ли еще что, но он принялся снова раскуривать трубку, на какое-то время совершенно поглотившись этим занятием. — Фигня у нас. Только что у девок из пригорода клиентуру отбивают — и то, за счет сбитых цен. Им-то на самом деле немного же надо. Наркота их не берет, разве что бухло — да и то, блин, дешевой водяры достаточно. Поначалу пытались бизнес сделать, но там сразу менты поперли. Основные клиенты, блин... Ста-тья-то — надругательство над трупом — на самом деле редкая, вот и рубили себе палки по раскрываемости. А потом и это стихло. Сначала жалобы от этих зомби пошли, что все по согласию было. Хочешь — не хочешь, но это документ за подписью потерпевшего лица... А потом Дума закон этот приняла «О статусе спонтанно воскрешенных лиц» - и ментам тоже неинтересно стало... А сейчас — вообще, считай, сдох бизнес. Для нормальных пацанов — запахло это, труп на кости ставить.

Гастарбайтеры лезут, которым пофиг кого, лишь бы подешевле, да иногда молодняк куражится.

Сексуальная тема всплывет на страницах романа не раз и не два – похоже, временами автор, подобно китайским даосам, склонен рассматривать нашу жизнь как путешествие сквозь потоки сексуальных энергий. Так что не стоит удивляться тому, что запутавшись в паутине загадок и догадок, сам Роман решается на отчаянный эксперимент. В конце концов, именно с этого момента поиски его приобретают новый смысл и новую направленность.

Девушка стонала и извивалась под ним, точь-в-точь как много лет назад извивалась под ним и стонала Ангелина – и это в какой-то момент стало самым тяжелым для Романа. Вялое механическое шевеление, размеренные стоны на одной ноте, ритмичное движение едва царапающих кожу ногтями рук по спине, и при этом – ощущение холодного и твердого тела под собой. «Боже, – пронеслось в голове его. – Но ведь если сейчас не меняется ничего, то неужели это только потому, что прежде не было ничего иного?»

Неужели, думал он, сходство вызвано лишь отсутствием отличий, и все что происходит сейчас – и есть именно то же самое, что на самом деле происходило прежде, лишь только женщина была теплее и мягче на ощупь? Неужели все, что отличает два этих акта – тот, что хранил он все это время в памяти столь трепетно и тот, что совершал сейчас со странной смесью чувств: желанья, брезгливости и интереса – это лишь его собственные иллюзии, наполнявшие смыслом то, что изначально было лишено его напрочь?

С этого момента его поиски и совершают определенный поворот. Роман начинает искать причину уже не

вовне, а внутри. При этом одним из первых вопросов, что возникает перед ним, был, разумеется, вопрос о душе. Ведь если смерть есть именно тот момент, когда душа освобождается от тела – то с чем может вернуться тело того, кто уже перешагнул этот рубеж?

Искать ответ на этот вопрос он первым делом отправляется в церковь. И вскоре узнает, что Церковь – тот третий институт, что вместе с государством и негосударственными организациями составляет основу западного (а теперь, впрочем, и российского общества) – вовсе не осталась в стороне от проблемы. Она имеет свое мнение о вернувшихся к земному существованию – и на страницах книги мнение это излагается устами не только православных батюшек, но и католического священника. Вот только небольшая цитата из главы, в которой герой беседует с оказавшимся в городе проездом настоятелем доминиканского монастыря.

- Но это же бездушные твари, - не выдержала девица в красной футболке, опасно раздувавшейся на груди двумя шарами, никак не вязавшимися с этим разговором об условно, но все-таки мертвой органике, а наводившими, скорее, на единственную мысль о скорейших – пусть, пусть даже и безуспешных, но многократных попытках продления рода человеческого...

- Это, дочь моя, прежде всего - твари Господни, - вздохнул падре Домециус. - И как нам в действительности не дано понять того плана, что имеет Господь для нас при жизни, так не понять нам и тех причин, по которым решил он вернуть некоторых чад своих к земному существованию. В Ватикане пришлось создать новую коллегия только ради всестороннего рассмотрения этого вопроса. В нее вошли по семь кардиналов с каждой стороны.

- В каком смысле — «с каждой стороны»?

- В том смысле, сын мой, что Создатель в мудрости своей решил вернуть часть пастырей, отошедших в мир иной. И те объединили усилия с непреставленными коллегами. И в результате той работы, что довелось проделать им, Святая Церковь уже пришла к выводу о том, что мы не можем считать возвращенных братьев наших лишенными души, о чем есть соответствующая папская булла, обнародованная еще три года назад. И вовсе уж не подлежит сомнению, что явленное нам случилось исключительно по воле Господа.

Однако именно дальнейшие поиски приводят Романа Стаднявичуса к тем результатам, которых он вовсе не мог предположить в начале своего исследования.

Значительная часть того кошмара, что открывается перед ним, заключена в победных отчетах чиновников различного уровня, которые рассказывают журналисту об успешной работе по интеграции зомби в нормальное общество. Вокруг городов возникают некрополисы — так, с отсылком к традиции назвали специальные кварталы, выстроенные для «вернувшихся». Как оказалось, чтобы обеспечить финансирование проектов, принят ряд законов, а в ближайшее время должно быть окончательно отменено наследование в отношении тех, чьи завещатели возвращаются обратно. Имущество должно направляться на «обеспечение выявляемых потребностей законного обладателя» - и, раз уж умерший не обладает правами собственности, переходить в распоряжение специально созданных фондов. Одновременно с этим принят ряд законов, о существовании которых, разумеется, сам роман слышал, но не сталкиваясь с ними — не имел представления о размахе их применения.

- Учитывая то, что на момент появления они однозначно составляли меньшинство — причем меньшинство тем более незащищенное, что оно не было объединено ни по этническому, ни по конфессиональному признаку, общество должно было взять на себя определенные обязательства в отношении этих лиц, - объясняет ему помощник полномочного представителя Европейского комиссара в Москве.

- Сегодня даже негр-наркоман, страдающий ВИЧом из-за своего разнузданного гомосексуализма должен вести себя осмотрительно, если сталкивается с подлинным властелином мира — таким же козлом, но успевшим умереть и вылезти из гроба, - возмущается один из ультраправых молодежных лидеров. — Скоро все права будут только у них, и безработным геям придется кланяться у зомби талоны на бесплатные обеды. Вы посмотрите: они уже ведут свою политическую пропаганду!

Никакой политической пропаганды вокруг себя Роман так и не видит, но вместе с тем он замечает вдруг, что на самом деле действительно давно уже ожившие мертвецы мелькают на экранах и на страницах газет. Пускай, по мнению ряда ученых, деятельность мозга у них нарушена, но она не утрачена напрочь, и речи многих из них вполне связны. А определенные силы, похоже, всерьез заинтересованы в том, чтобы озвучить их мнению перед широкой аудиторией.

И в медиа-пространстве успели появиться свои «звезды», принявшие на себя роль рупоров потустороннего мира. Стоит включить телевизор — который, согласно короткому пояснению, Роман выбросил еще после развода с последней женой несколько лет назад, и теперь должен смотреть у товарища — Фокман, как уже говорилось, весьма щепетилен в деталях, пусть это и перегружает немного повествование.

- Мы хотим хорошо, - задумчиво улыбался Кустюк в экран. — И мы хотим просто. Мы сами простые. Мы не хотим сложно. И плохо мы не хотим, - после минутной заминки добавил он, и, ухватив со стола стакан с мутно-красной жидкостью, несколькими судорожными глотками опорожнил его наполовину. — Когда сложно — легко запутать, плохое спрятать. А хорошее — всегда просто. Вот губернатор — хороший. Сказал: «Дадим работу». И кушать, сказал, даст. А эти, как их... объяснять начинают: чего нет, чего там нужно, почему сложно... путают только. А вот кушать — это хорошо! Или вот, например, пишут... Пишут, пишут, а нам читай потом... я, когда как вы был, читал, конечно. Но зачем они столько пишут? Ведь это — сложно! А к чему сложное придумывать? Алфавит уже есть, и там все буквы перечислены! Чем проще мы будем — тем лучше будем жить. Или, вот говорят, мы не живые. Тогда — существовать. Тут, надеюсь, никто спорить не станет? Вот - видите — я правду говорю!

Так, постепенно перед ним открывается слаженная картина нового мира. Слаженная картина, в которой все игры разума, созданные *postfactum*, теряют свой смысл.

Мира, в котором воскрешение мертвецов действительно означает наступлении Страшного Суда для живых, но в котором живые суда этого не замечают. Мира, в котором осуждение этим Судом не предполагает иного рая или ада, чем те, что создаются самим людьми в том мире, где живут они. И мира, где никто, в общем, и не пытается создавать рай. Единицы, понимающие это, смиряются с происходящим даже не столько в силу своей малочисленности, сколько в силу ощущения абсолютной — если не сказать совершенной — беспомощности.

- Они — плоть вечная. Плоть, оставленная духом. Но, сдается мне, если бы не оставил дух сию плоть при ее жизни, не вернулась бы она после смерти. Она без духа привыкла жить, и, боюсь, не просто покинута им. Полагаю, скорее уместно говорить о том, что дух ее, душа бессмертная, еще при жизни плоти преставилась, - говорит Роману один из последних интервьюируемых им, затворник, лидер небольшой секты, обосновавшейся в паре брошенных деревень на волжских берегах. — Мы столкнулись с тем, что не можем объяснить. Но в целом — и нет нужды нам в том объяснении. Здесь слишком часто стали умирать при жизни, и умирать столь рано, что все стадии тления проходят еще до старости. А значит — что смысла удивляться тому, что тела их оказываются неспособны самостоятельно совершить нормальный цикл? Одни говорят, что в природе что-то разладилось. Но я так не думаю. Ведь природа и мы — неразделимы. И если мы построили мир мертвых душ, то что странного в том, что она столь беззаботно заселяет его мертвыми телами? Мир этот — давно уже не оплот духа. Это — оплот плоти.

Тела эти, впрочем, если и не живут, тот существуют весьма активно. И они постепенно занимают те ниши, что уже были заняты ими прежде; они постепенно возвращают себе позиции, утраченные при переходе в мир иной; они постепенно завоевывают то значение, которое выше имевшегося них при жизни.

- Да, - признает политик. — Если бы они могли еще и размножаться — не было бы смысла искать лучший электорат. Впрочем, как вы понимаете, и без размножения тенденции вполне терпимые. По нашим данным прирост некронаселения составляет примерно 7,5% в год. Заметьте — при том, что од-

новременно по всей Европе идет убыль населения обычного.

Разумеется, подобные откровения не могут не привести героя к необходимости выстроить свою стройную концепцию, основанную на известных ему фактах. Здесь Фокман в чем-то, иронизирует над Умберто Эко с его и без того ироничным «Маятником Фуко» - ирония над иронией, стеб над стебом. Единственным оправданием Фокману в данном случае может служить то, что ирония эта ненамеренна, что любое построение «теории заговора» подчиняется единым законам и развивается в соответствии с ними. Загруженный множеством деталей, уставший искать правильный способ стыковки их между собой, Роман постепенно приходит к выводу, что на самом деле таинственная напасть – дело рук людей, и за этим стоят корпорации – тут автор отсылает нас к многочисленным теориям заговора, столь популярным в последнее время среди сектантов-любителей Zeitgeist и прочих подобных группировок. Но Фокман, едва обозначив возможность заговора – сразу же разбивает ее.

- Молодой человек, вы не совсем понимаете, - устало улыбнулся доктор Краузе. – На самом деле вовсе не суть важно, вырвался этот вирус из стен лаборатории или образовался естественным путем – есть две теории, и обе выглядят настолько достоверно, что сторонники ни одной из них до сих пор не сумели перетянуть на себя финансирование. Вопрос, повторяюсь, вовсе не в этом. Вопрос в том, как будет он себя вести дальше. Даже будь он создан – за стенами лабораторного корпуса началась самостоятельная его жизнь; контроль утрачен, новые штаммы развиваются самостоятельно без криков или просьб со стороны полумифических

творцов. Да, сам вирус нам удалось выделить, и это сегодня — главное и единственное достижение. Он иммунен ко всему. С ним невозможно бороться. И с ним нет смысла бороться. В настоящее время он стал частью организма для 87% жителей планеты. Есть мнение — авторитетное мнение, хочу сказать — что для этих людей уничтожение вируса будет означать смерть.

Для чего нужно это развенчание красивого мифа? Как раз для того, чтобы оттенить — или подсветить, как угодно, главную мысль романа. Тот самый кошмар, который должен возникнуть из размеренного действия, и который позволяет Фокману с полным правом позиционировать «Плоть вечную» как триллер...

Да, это Новый мир. И чтобы он возник — старый должен исчезнуть. В книге это исчезновение — не трагедия, а процесс. Апокалипсис предстает перед нами как закономерное явление природы, которое, будучи осознанным, нуждается только в классификации; лишь в увязывании с разработанной картиной мира — и этим он не пугает и не манит. В рациональном мире Фокмана он интересует только тех специалистов, которые могут что-либо из него извлечь, и совершенно безинтересен всем остальным...

Своей книгой Фокман сумел доказать: на самом деле когда Конец Света настанет, никто из нас, обывателей, его вообще не заметит. Потому что Конец Света стал уже постоянным процессом, происходит он буднично, и пока развивается очередной Апокалипсис, мы успеваем привыкнуть и нему и к его последствиям, а самые шустрые из нас — успевают еще и расписать себе места в постапоклиптическом мире, и не меняется на самом деле вовсе ничего. «Даже способы, которыми люди пытаются выделиться из массы, остаются, по сути, неизменными вот уже

тысячи лет. Чего же желать в остальном...» - говорит в эпилоге один из героев книги.

Финал книги можно считать скучным, можно – изначально предрешенным. Когда Роман, после того, как известил редакцию о том, что заказанной серии статей в принципе не может быть, и передал наброски материала, получившегося у него в результате многомесячных поисков, возвращается вечером домой, у самого подъезда его встречают двое зомби, один из которых хватает его сзади и держит мертвым захватом в то время, пока другой бьет его извлеченной из-за пазухи киянкой со словами: «Захочешь – вернешься»...

НЕ ПЕРЕВОДИМ ДЕ

Вольные переводы

Из предисловия к первому изданию

Творчество прогрессивного японского поэта Накуяма Микигава мало известно российскому читателю. Еще меньше знает российский читатель о его жизни.

Довольно рано (по некоторым данным – в V веке н. э., согласно другим источникам – в III веке до н. э.) познав радость побед и горечь поражений, этот поэт создал свой мир, полный хитросплетений изоощренного зротизма, тонкого юмора и легкой печали, характерных для внутреннего мира обычного японского поэта того времени. Творчество его может быть условно разделено на три периода – так называемые ранний, средний и поздний. О первом и последнем история практически не донесла никаких сведений, средний же сравнительно известен и даже частично изучен. Резкое неприятие складывающихся феодальных традиций, изначальную порочность которых тонко прочувствовал Микигава, несмотря на полное (согласно отдельным исследователям – частичное) отсутствие специального образования сочетаются с неиссякаемыми гуманизмом и оптимизмом. Между тем часть его танка, как, например, “О!.....” или “Юная дева...” несет на себе явный отпечаток реакционных воззрений, позволяющих позднейшим исследователям с уверенностью предположить, что Накуяма Микигава во многом так и остался типичным продуктом своей эпохи.

Одной из причин, объясняющих долгий путь творчества Микигавы к советскому, а позднее – и к российскому читателю, является специфичность перевода. Дело в том, что жизнь поэта пришлось на тот смутный период, когда еще не завершилось становление японской письменности, поэтому все пятистишия и большинство трехстиший записаны его личными иероглифами, начертания которых, в свою очередь, редко повторялись дважды. Однако теперь, с применением новейших конверсионных компьютерных лингвотехнологий эта задача успешно решена.

В настоящее время исследователи сошлись во мнении, что в конце своей жизни талантливый поэт скончался (по некоторым авторитетным источникам – был зарублен пьяным самураем при переходе оживленной улицы в провинции Кугато). Доподлинно известно, что в момент смерти поэт был занят работой над очередной танка (предположительно, именно из-за этого он и замешкался посреди дороги). Танка эта, слагаемая им в последние мгновения жизни, так и осталась неоконченной:

Идя по Пути
Я вышел к развилке дороги.
Кто знает...

.....
.....

Мы знаем! Накуяма Микигава выбрал верный поворот.

*

Большой доберман устало присел
под зеленым кустом.
Видно, опять нарушает Указ ГорСовета.

*

Юный чиновник скачет вприпрыжку
по площади людной.
Впервые ему дали взятку,
и значит он – взрослый.

*

Странные лица глядят на меня
из слепой темноты.
Видать по всему,
с ними случилась зарплата.

*

Радостный крик
доносится к нам
из ночной темноты.
Еще одной девой меньше
наутро проснется.

*

Яростно ласточка воздух
крылом рассекает.
Чем его склеить обратно?

*

Шагают герои сомкнутым строем
в Светлое Завтра.
Как часто никто из них
назад не приходит!

*

Толпятся купцы в сборщика податей
тесной приемной.

Вдруг завтра откажутся
брать с них налоги? -
Нужно успеть!

*

По коридору чиновники стайкой
мчатся к кормушке.
Скоро наступит ночь,
и выключат Солнце.

*

Мрачные люди
Ходят в ночи по домам.
Значит, в городе снова
Враги поселились...

*

Злобные демоны с яростным клетотом
бьются и бьются.
Скоро о новой победе добра
Всем нам объявят.

*

Девой невинной в густом камыше
ты к воде наклонилась...
Кем же назад разогнешься?

*

На замшелых руинах
цветут поутру незабудки...
Какая циничная шутка природы!

*

Солнце садится, но шум не смолкает
в веселом квартале.
Утром новое Солнце взойдет
для усталых людей...

*

Снова глашатай нам объявляет
о беглых рабах.
Нет почему-то
в мире подлунном
надсмотрщиков беглых...

*

Ветер разносит песок
там, где скалы стояли.
Тяжко ступают по миру
Времени стопы.

*

Сомкнутым строем
напротив друг друга
воины встали.
Ща будет разборка!

*

Как мимолетен азарт
Мечущих кости
На мохнатой спине валуна
В сердцевине
Вселенной...

*

Красный бутон
в желтых лучах клонится
к серой земле.
Много странных цветов
Здесь
Распускается к ночи.

*

Пьяный крестьянин устало
бредет по Пути,
падает с неба звезда
и близится Осень.

*

Куда б ни шли мы
правильной дорогой
она приводит нас
в один и тот же
мир.

*

Злобные слухи ходят
от дома к дому.
Когда они окажутся правдой,
Будет так поздно!

*

Пьяный амбал
С радостным воплем
Сигает в фонтан.
Вот и еще один
Приобщился к культуре!

*

Призрачный шелк
Девичий стан обернул...
Иную станину – лучше б
Укутать портьерой!

*

Усталый купец
Восьмой наполняет
За вечер стакан.
Видать по всему,
Наутро проснется калекой...

*

Добрые лица
Устало глядят со стены...
Снова готовы нас
Полюбить без гарнира.

*

Стройная дева
С бокалом вина
Смеется игриво...
Розы срывая – бойтесь заноз,
Чреватых гангреной....

*

Серьезные люди серьезно
О важных вещах рассуждают.
Если серьезно их
Слушать –
Станешь дебиллом.

*

Голый король
по улице важно идет.
Может быть, просто
К власти прорвались нудисты?

*

Скорбный страдалец
Стойко страдает
За весь белый свет.
Если ему надоеет –
Свет станет черным

*

Мутные люди
В мутной воде
Ловят дохлую рыбу.
Зато нас потом
Ею накормят задаром!

*

Вселяют надежду
Мудрых политиков лица:
Пока в их руках наше счастье –
Его не упустят.

*

На зыбком песке
Строю я призрачный замок.
Давно б перестал,
Да страшно расстроить ребенка...

*

Стойкой стеной
На страже герои стоят.
Ах, только б в обход
Не пошли
Коварные орды!

*

Порой очень хочется
Честно
Налоги платить.
Когда протрезвешь –
Это, обычно, проходит.

*

Найдется ли лучшая
Краска в палитре Природы,
Чем отблеск
Вечернего Солнца
На нежном бедре?

*

Многое видел,
Все еще я удивляюсь:
Как много выходит на свет
В сумраке ночи!

*

Много добрых советов
Мне добрые люди дают.
Рад я тому,
Что их не всегда
Понимаю.

*

На высоком балконе
Стоял одинокий в ночи.
Курил сигарету,
И стряхивал пепел
На город...

*

Напрасно бежит паучок
По серой стене.
Он Маркеса мало читал,
А то бы не бегал...

*

С укором меня
Называют друзья
Смешным человеком.
Как будто им полегчает,
Когда стану грустным...

*

Какой самурай
Быстрой не любит езды?
На малом ходу
Нельзя
Ощутить перспективу.

*

Как странно бы было
Остаться навек в той минуте,
Когда мне
Прелестная гейша
Чай подносила...

*

Странные люди
В нашем уезде живут:
Даже себе
Вечно они не понятны...

*

Воздух разорван
Криком безумным
В ночи.
Снова кого-то
Вещие сны одолели.

*

Я знал мудреца,
Что в мире не верил
Реальность.
Прав был старик, но к счастью,
Не верил и в это.

*

Странные мысли
Лезут мне в голову ночью.
Выпью с друзьями,
Чтоб выпустить все их обратно!

*

На нежную грудь
Смотрю я
При свете свечи.
Сколь дивный цветок
Расцвел
На нефритовом стебле!

*

По узкой тропинке
Катится вдаль голова.
Мешала она
Самураю
С Вечностью слиться.

*

Снова сёгун обещает нам
Теплое лето...
Время рубить дрова!

*

Много я видел смешного
При блеске Луны,
Что грустным
Легко становилось
При Солнечном свете...

*

Снова идем мы
Навстречу новой заре,
Толком не зная:
Рассвета
Или заката.

*

Мы часто боимся,
Что сбудутся наши мечты:
Что ждет нас –
Ошибка?
Или отсутствие новых?

*

У самого моря сажусь я
На теплые камни.
Не то, чтоб устал –
Нету в сердце
Желаний других.

*

Шаг сделав первый
Приходится нам до конца
Путь свой пройти,
Чтобы вернуться к началу.

*

Порой на закате
В небе горят письмена.
Никто их не может
Понять, оттого не читает...

*

Сакуры листья
Ветки, кружась, оставляют...
Нам трудно
Порой угадать,
Чем кончится
Осень.

*

Меня поражает
Вечная юность иных,
Но радует больше,
Чем ранняя
Старость с маразмом.

*

Многое трудно понять
В мире подлунном.
Все остальное
Уму
Вообще недоступно.

*

Юная дева нежно во мраке прильнула...
Ах, если бы две,
И свечи по кругу расставить!

*

Я снова грущу
На дальнем пустом берегу,
Где странные птицы
Изредка вьют
Свои гнезда...

*

Такая светлая
Печаль в душе моей...
Вновь одинокую звезду
Ищу на небе...

*

Как трудно
Нам порой
Понять себя...
Десятерых друзей –
Намного проще.

*

Свет вдохновения
Лица толпы озарял,
Когда на углу
Бакалейная лавка
Горела...

*

Как ног ее
Изгиб изящен!
Был.

.....

.....

*

Скорбная дума
Морщиной
На мудром челе залегла:
Коль близится света конец,
Он всех обмануть не успеет.

*

Я к нежному телу
Опять в полумраке склоняюсь
Вечный Ответ находить...

*

Безумцев легко узнают
По громкому смеху:
Все умные люди
Смеяться давно
Разучились.

*

Румяный малыш
С берега смотрит
На игры друзей.
О! Как долгод
Предписанный век...

*

Вслед за душой
Повторить
Я искренне слово пытаюсь.
Но снова выходит не то,
И входит Не Это...

*

Я все еще ставлю силки
На дивную птицу....
Но счастье мое
Верить не хочет
В меня.

*

Ночью расцвел
Яркий цветок в облаках.
Снова войска ПВО
Братьев по разуму
Сбили.

*

Мрачные люди
В спину угрюмо глядят
Это – не те,
Кто в нас верит.
Это другие.

*

Грозный воитель
Сурово очами сверкает.
О, Небо! Какой он усатый!

*

С площади стражники
Гонят усердно торговцев.
В жару так же искренне
Вьются над падалью мухи.

*

За дальней горой
Живут беззаботно
Райские птицы.
Может быть, жаль,
Что нам этих песен не слышать...

*

Странные люди
Мимо устало проходят –
Нам даже не хочется
Что-то узнать
Друг о друге.

*

Как ярко
Тогда мы горели! –
Я вновь вспоминаю,
Глядя, как истекает
Свеча на ветру...

*

Скорбный искатель
Рыщет за правдой по свету:
Найти поскорее,
Чтобы другим
На глаза не попалась!

*

Как трудно порою
Стоять у окна на рассвете,
Глядя, как мимо
Иллюзии строим проходят...

*

Хрупкая дева
Проходим себя предлагает...
Ах, сколько неправды
Во взгляде!

*

Дождь все идет и идет...
Взглянув за окно
Я встретил глазами
Глаза удивленные
Рыбы...

*

Застыв на Пути
Я снова на море гляжу
Когда на закате
Оно отражается
В небе...

*

Юных красавиц лица
Наутро измяты...
Жаль - лишь в парнике
Доступна нам
Вечная свежесть!

*

Как просто замерзнуть
Поздней неверной зимой
Сквозь дырку в заборе
Глядя на вечное лето...

*

Сколь дивна загадка
Нефритовых врат:
Пройдя их однажды
Всю жизнь
Мы назад ищем вход.

*

Призрачный ветер точит
Тяжелые скалы
В вязкие тучи песка
Их превращая...

*

Важный чиновник
Мечет тревожные взоры.
Если его не накормят –
Он будет голодным...

*

Чиновника сын
С мечом из бамбука
Гордо из лавки выходит...
Многие люди
Считают его самураем.

*

Солнце восходит
Над розовой дальней горой...
Ах, как
Багровеет закат
На склоне другом!

*

О!

.....

.....

.....

Долог день пустой!

*

Дятел веселый
Ствол вековой оседлал.
Звонко разносится
Стук
По лесу глухому.

*

Под фонарем
Устало лежит самурай.
Зря он ходил
Среди ночи
В квартал водоносов.

*

Как быстро
Глаза отвела ты
Когда кимоно распахнулось,
Но как плавны
Движения рук...

*

Луч солнца
Пробился сквозь тучи
На воды реки.
Странное чувство:
Словно я вспомнил любовь...

*

Два самурая
Гневно глядят друг на друга.
Есть многое в мире,
Что вовсе
Не делится на два.

*

Открою окно, и слышу
Сквозь вязкую ночь
То пьяные крики,
То звуки далекой свирели...

*

Я понял внезапно:
Уже не боюсь темноты,
И с грустью подумал,
Что, видимо, все же старею.

*

Как осторожно
Движение маленьких губ
Играющих соло
На звонкой
Нефритовой флейте.

*

Изящным бедром
Она прикоснулась ко мне,
И, вся трепеща,
Негромко
О чем-то спросила...

*

Устало застыв на Пути
Удивленно на небо гляжу...
Как много не видно
В его глубине!

*

Странные духи
Мелькают
В тревожной ночи.
О! Лики Добра
Так переменчивы ныне...

*

Как мало препятствий,
Рискнувших бы встать
На пути
У крепкого духом
И твердого лбом самурая.

*

Когда-то подметил
Один полупьяный мудрец:
Тот, у кого жизнь одна
Хочет прожить ее долго.

*

Без тени сомнений в глазах,
Шагая легко,
Идет самурай
Закатывать
Солнце вручную.

*

Снова лукавый мудрец
Летопись пишет.
Наврет ведь, собака,
Но снова никто не поймает.

*

Зоркие соколы флагами
По небу реют.
Не то, чтоб куда-то летели,
Но так им и надо.

*

Ворон рассеяно
С дерева смотрит
На осень.
Голуби жирные
Вяло внизу копошатся.

*

Устало глядит голова
На поникшее тело,
Что долг самурайский
Смогло
Довести до конца.

*

Напротив друг друга застыли,
Как капли металла...
Никто не ведет
Этот танец неправильно
Дважды.

*

Мрачные вороны
Медленно
Вьются кругами.
Умное что-то кричат,
Но что – непонятно.

*

Скорбная птица
В небе осеннем кружит.
Летела бы к югу,
Но ей это на фиг не нужно.

*

Рассеянный воин
Машет угрюмо мечом.
Вновь позабыл,
Кого же рубить
Не хотел он.

*

Как светло на душе!
Я снова иду
Среди скал
По узкой тропе,
Что упирается в звезды.

*

Степенно шагая
Глазом косится
Важная птица.
О, дивное чудо!
Наваристым будет бульон.

*

Над телом купца
Угрюмо стоят лиходеи.
Попался банкрот,
И, значит, работали даром.

*

Ворон печальный
Предвестием
Носится в небе.
Все-таки долог наш путь
К одинокой вершине.

*

Жмуря глаза,
Пытаюсь на миг удержать
То, чего не было
Долго и вечно не будет.

*

На пение стали
Гурьбою герои спешат.
Какой самурай
Откажется с Вечностью слиться.

*

Застывшее тело
Испуганно смотрит в окно.
Иные загадки
Не стоит разгадывать на ночь.

*

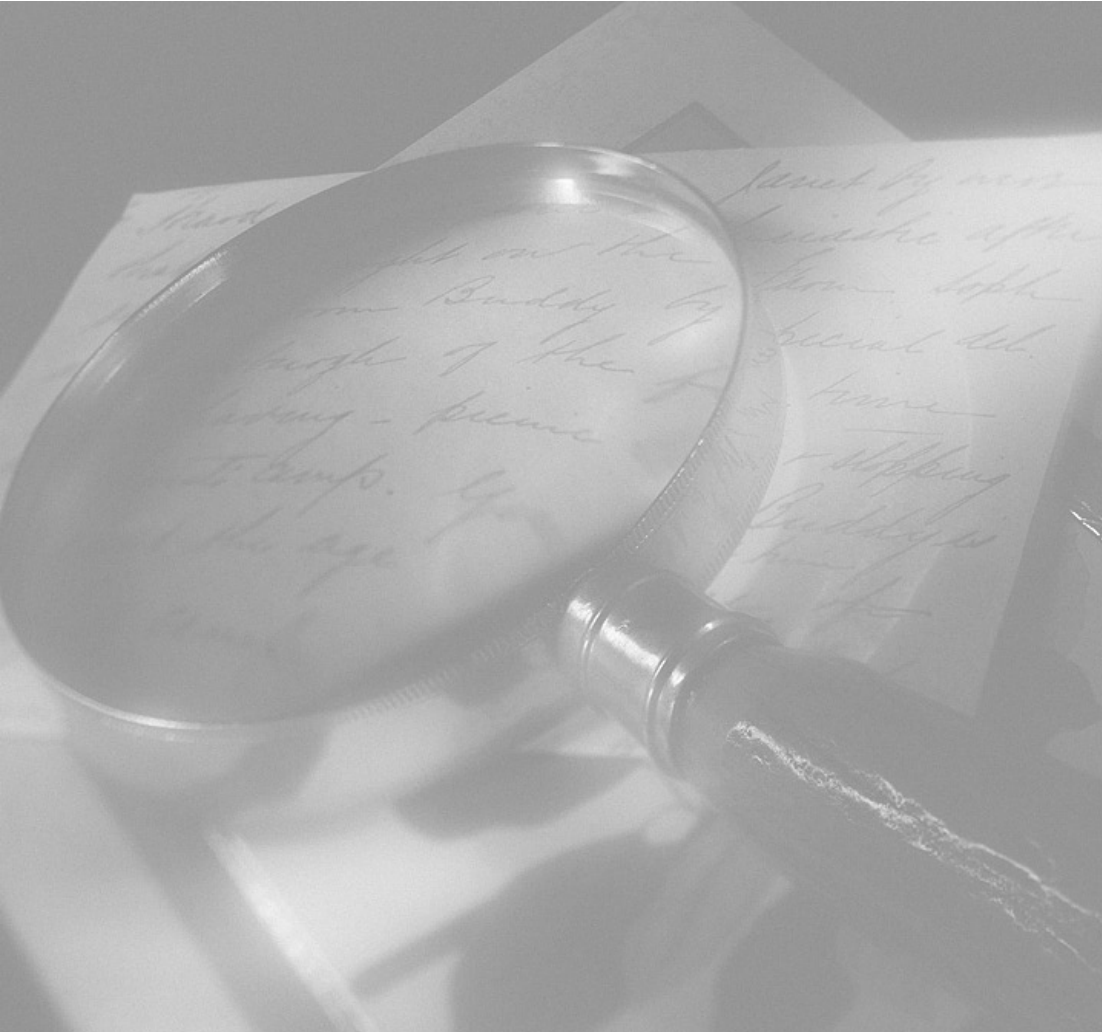
Порой, когда умные люди
по полю идут, странные пули
в голову к ним залетают...

*

Пестрой рекою
на приступ текут враги.
Сияй и струись, не кончаясь,
лента в моем пулемете!

*

Встань в полный рост
С перебитым хребтом –
И ты услышишь ЧТО поет ручей.

ВСЕ ПОДРЯД

Путешествие на Завтрак

... В том, что Жизнь, которую мы ведем здесь, является своеобразным Путем, едва ли станет всерьез сомневаться кто-либо из идущих. Достаточным доказательством тому является наличие отправной и конечной точек, а также сам процесс движения. Но цель, стоящая перед идущим, равно как и сам маршрут являются и будут являться несомненным предметом споров. И нет ничего странного в том, что все, находящиеся на Пути пытаются получить по мере возможности хоть какое-то представление о траектории, которую они описывают, пользуясь для этого в зависимости от собственных представлений и опыта теми из ограниченного количества доступных способов, которые кажутся им в тот или иной момент предпочтительными. И вполне закономерно, что свое место в этом ряду занимают и приметы — независимо от того, как мы к ним относимся, и как они относятся к нам...

В приметы можно верить или не

верить, но невозможно полностью отвернуться от тех закономерностей, имеющих, несомненно, природную основу, которые подмечены и отсортированы поколениями бывшими прежде нас. Несомненно, большую часть их мы забываем, едва узнав, но лишь потому, что не сталкиваемся с теми ситуациями, в которых они могли бы подтвердиться. Однако некоторое количество нам приходится запомнить, в первую очередь из-за тех подтверждений, которые просто невозможно не заметить... Одному из моих товарищей ночью приснился удивительный сон. Снились ему краснобокие осенние яблоки, переложённые стружкой, которая источала смолистый древесный запах, хотя яблоки — что в том сне не вызывало сомнений — собраны были уже давно; и эта картина вызывала у него ощущение детства — совершенно чистое и радостное, но в то же время пробуждение вселило в него чувство тревоги, словно с этим кратким возвращением к истоку вся жизнь его оказалась прожита. В этом сне он разучился летать.

I.

Вначале был Свет. Потом наступила Тьма. И снова был Свет. И вновь он сменился Тьмой.

И все это продолжалось достаточно долго, чтобы сперва пробудить в Его сознании понятие закономерности, а затем уже, через это первое осмысление – пробудить, собственно, и само сознание.

Света было мало, а Тьма была абсолютной.

Первое время существование его продолжалось только во время Света. С приходом Тьмы же Он исчезал – успевая продержаться едва достаточно для того, чтобы узнать о самом ее приходе. Но постепенно он понял, что его разорванное существование протягивается сквозь Тьму ниточкой, связывая периоды Света и позволяя ему сохранять какие-то изменения, происходившие с ним на Свету. Изменения эти поначалу только тем и были заметны, что он чувствовал себя каждый новый Свет несколько иначе. Но потом – он не знал еще, как оценивать время – изменения, накопившись постепенно, однажды вызвали в нем какой-то толчок, с которого началось понимание того, что Он есть, и что он есть где-то, и пришло напоминание о том, что Он уже был, и что прежде он был где-то еще, хотя что это за «прежде» и где это «что-то еще» находилось – вспомнить он не мог... Но постепенно его существование менялось – оно становилось осмысленным, и теперь он уже не просто появлялся на Свет всякий раз из ниоткуда, а продолжал существовать и во Тьме, бывшей прежде для него губительной.

Существование на Свету было неизменным. Тело его, в отличие от мысли, оставалось полностью недвижимым. Он был лишен возможности пошевелиться и, хотя ощущал, что тело у него есть, не мог даже представить: какое оно? большой ли он? красив ли? Он знал, что должен иметь форму, размеры и цвет, но не мог ни увидеть их ни даже вообразить – понятия существовали в мыслях, но не имели подтверждения, становясь тем самым объектом Веры.

А после, однажды, вдруг, Тьма неожиданно исчезла. Стоило Ему погрузиться в нее, и Он вновь оказывался на Свету, но был он теперь свободен, и, хотя по-прежнему не мог видеть своего тела, но ощущал его и мог пользоваться им. Он вспомнил – это было именно воспоминание, возвращение забытого знания, так что он именно вспомнил вдруг, что есть на свете живые существа, которые проходят в своем развитии несколько фаз, и в первой фазе может лишь ползать по земле, во второй лишена даже этого, а в третьей – взлетает, обретая свободу. Эти воспоминания были частью его прежней, забытой, жизни, частью полученного в ней знания, и появились они, возможно, именно потому, что в этой, новой жизни он обрел способность летать.

Теперь, ныряя во Тьму, он воскресал свободным, обретая возможность парить над землей – в высоте, повинаясь лишь собственной воле и, в малой степени – воздушным потокам. В этом мире у него были крылья, которых он не видел, но о существовании которых знал, и которые держали его в воздухе.

Время, существование которого он вспомнил или же познал только теперь, шло, и вскоре он уже пытался понять, что же является сном: то, что он летит над землей, абсолютно свободный и предоставленный только сам себе, или то, что он находится здесь, лишенный возможности даже понять: лежит он или подвешен в воздухе – как ему иногда казалось.

Иногда ему казалось, что обе реальности одновременно были сном. В первом сне он совершал путешествие, которое должно было привести его к неведомой еще цели – впрочем, он не сомневался, что цель эта непременно должна оказаться неким местом, где ему откроется некая Главная Тайна; во втором же сне пребывал он неизменно в состоянии

абсолютного покоя, предназначенного, несомненно, для того, чтобы укрепить его дух перед очередным этапом сна первого.

II.

Открытие, сделанное им спустя значительное уже время после первого вылета, и сделанное им совершенно неожиданно, вдруг, заключалось в том, что он здесь вовсе не один. Открытие было сделано во время Света, незадолго до очередного прихода Тьмы. Как выяснилось позже, тот, второй, совершил в точности такое же открытие именно в этот момент.

Способ, которым это открытие было совершено, распространен в истории и не отличается ни оригинальностью, ни изысканностью. Они просто неожиданно услышали друг друга, заговорили друг с другом и друг другу ответили – практически одновременно, так, что после, как ни пытались они выяснить, кто же был первым, это им не удалось.

Постепенно он усвоил, что новый приятель находится в обычном, Светлом пространстве, слева от него. Сам он, соответственно, находился справа. Так они и стали друг для друга Правым и Левым.

Обоих огорчало то, что общаться они могут только при Свете. Ни разу, как ни пытались они, не удалось встретиться им во время полетов, хотя о подобной встрече неоднократно уславливались и даже пытались наметить друг для друга ориентиры.

Так они парили независимо друг от друга, чтобы встречаться и обмениваться впечатлениями и догадками лишь в неподвижности. Но теперь их было двое, и изменения потекли быстрее, словно разум каждого удваивался в присутствии другого, становясь ярче и острее; появились и новые воспоминания – в том, что знания, приходившие неожиданно в каком-то за-

конченном виде являются именно воспоминаниями, ни один из них не сомневался, хотя природа того мира, где были они накоплены, долгое время оставалась для обоих загадкой.

Разгадана эта загадка была неожиданно и просто. Впоследствии оба пришли к закономерному выводу, что долгие поиски истины привели их к ответу, едва они оказались достаточно готовы, чтобы воспринять его.

Новое открытие сперва оглушило его, но после, когда способность рассуждать здраво восстановилась, показалось как-то сразу не столь страшным. Просто прежде Он был жив, а после умер. И теперь жил он после той, первой смерти – новую, вторую или просто следующую жизнь. В той, прежней, был он Человеком, хотя слово это, как ни пытался он повторить его с различной интонацией, не вызывало никакого яркого отклика. Только одна картина вставала перед глазами: огромная лужайка, непривычно близко расположенная, словно наблюдал он ее буквально с самой поверхности, большое и явно неживое существо, быстро перемещавшееся по лужайке, описывая дугу вокруг большой каменной чаши, из центра которой в небо били струи воды, падавшие затем в чашу обратно, высокое каменное строение, от которого исходило странное, давящее ощущение могущества, стояло поодаль, а душу его наполняли вдруг твердость и уверенность; и он знал, что все это подвластно ему и зависимо от него. Однако, отвлекаясь от этого несомненного воспоминания, он понимал, что предметы, материалы и эмоции того мира вовсе не имеют отношения к миру, окружавшему его ныне.

Вскоре как-то ненароком выяснилось, что Левый тоже был человеком, и тоже видел подобные картины, и в точности также как и он, не смог вынести из

них ни малейшей подсказки. Левому виделся огромный пустой зал с тяжелым, длинным, округлой формы столом из настоящего дуба (что такое «настоящий дуб» ни один из них так и не смог припомнить – это знание было в новой жизни настолько излишним, что оказалось совершенно утрачено). В зале должно было начаться совещание, и ожидание этого совещания наполняло Левого ощущением силы, довольно странным, поскольку предмет обсуждения – Левый знал это точно, хотя и не помнил его – не имел ни малейшего отношения к истинно духовным изысканиям.

Левый также знал, что это было в прежней, человеческой его жизни, и что он находится здесь лишь в силу того, что оставил ту жизнь позади. Но смысл перевоплощения оставался для него не меньшей тайной, чем для Правого.

III.

Нет ничего странного в том, что именно этот таинственный смысл стал со временем главной темой бесед, которые вели они в тиши Света, возвращаясь после очередного полета в покой и неподвижность. Полет тоже был темой обсуждения, и как-то незаметно оба пришли к выводу о том, что истинная жизнь – это лишь цепочка перевоплощений, ведущих к конечной цели. То состояние, в котором находились они прежде, ползая по земле и предаваясь мимолетным прихотям – о мимолетных прихотях как-то сразу и кстати вспомнили оба – было первой и наиболее примитивной фазой. То, в котором они общались, было, очевидно, промежуточным этапом, а сам полет – той конечной формой, в которую обоим предстояло со временем уйти полностью, и в которой они должны были достигнуть неведомой еще конечной точки Пути. Воспоминание о существовании, прохо-

дядцем такие же фазы было у обоих, и даже название существа – точнее, трех его форм – пришло к ним: гусеница, куколка и бабочка. Дополнительной информации названия эти не несли, но позволяли, как и любые другие определения, точно указать, о чем именно идет речь, и были в этом плане вполне удобны.

После цепочка открытий и воспоминаний привела их в один из дней к понятиям Вечности и Бога, и, будучи уже вполне готовыми к их восприятию, они просто и естественно включили их в круг символов и определений, которыми пытались описать картину мира.

Прежние жизни были по-прежнему покрыты дымкой, избирательно пропускавшей лишь небольшое количество образов и понятий, но это больше не доставляло неудобств: очевидным стало, что лишь действительно нужное и существенное могло сохраниться при переходе из одной фазы в другую, а все впечатления прежней, примитивной фазы едва ли могли быть существенными в этом новом воплощении. Впрочем, достаточно скоро поняли они, что в прежних воплощениях вовсе не уделяли значительного внимания тем духовным поискам, что составили теперь суть их существования, но понимание это не вызвало горечи; так взрослый, если обращаться к понятным читателю образам, вовсе не испытывает неловкости от того, что в детстве он тоже трусил или ошибался – если только вырос он достаточно для того, чтобы испытывать к детям снисхождение.

Вместе с воспоминанием о Боге пришла к ним и картина перевоплощений, усвоенная в прежнем существовании, и наложившись на приобретенный уже опыт не вызвала протеста. Просто, постепенно проникая в суть устройства мира – поскольку заниматься в долгих перерывах между полетами им действительно было больше нечем – они как-то плавно соединили схему,

пришедшую из воспоминаний со схемой, усвоенной здесь на практике, и получили вполне точное совпадение. Проведя прежнюю жизнь в излишествах и грехе, они, несомненно, находились сейчас за какие-то неведомые им заслуги в Чистилище, откуда могли прикоснуться даже к Раю – в том, что неведомая цель путешествия была именно Раем, сомнений у них вскоре не осталось, а место, где пребывали они вместе, не могло быть ничем иным, кроме Чистилища, ибо лишенные всякой способности к движению или воздействию на окружающий их мир, они могли напрягать только душевные силы, чтобы прорваться за его пределы. Само существование полета при этом служило бесспорным доказательством правильности избранного ими направления. И теперь, как и заведено в природе, это новое знание наполнило их жизнь новым смыслом. Свободно паря, они понимали теперь, что парят именно над землей, по которой недавно еще ползали, и могли теперь разглядеть внизу людей – других людей, еще только проходящих через первую, болезненную и в чем-то смешную даже фазу становления, и даже испытывали жалость к тем людям, не ведающим своего пути и не подозревающим даже о том, что однажды и их жизнь, прервавшись, возобновится, чтобы дать им возможность, откинув лишнее, устремиться душой на поиски смысла их существования, и заранее с теплом думали о тех, что подобно им сможет вырваться из бестелесного плена в свободный полет.

Именно так обстояли дела к тому утру, когда возвратились они назад для очередной беседы...

IV.

И снова был Свет. И на том свету были Они, невидимые друг для друга, но связанные между собою значительно прочнее, чем большинство существ,

имеющих возможность друг друга видеть. Поэтому визуальным восприятием вполне можно было пренебречь.

- Я не могу понять, - вздохнул Левый, - сегодня я снова пытался подняться туда, но так и не нашел дорогу... неужели это путешествие никогда не окончится? Неужели мы ошиблись, и цели просто нет?

- Почему? – удивился Правый, который, признаться, уже несколько дней чувствовал накатывающую на Левого усталость, но никак не мог представить, что товарищ его начнет терять веру, и теперь вдруг обнаружил, что пребывает в растерянности: с одной стороны, друга нужно было поддержать просто потому, что невозможно ощущать, как веру теряет друг, с другой же он понял неожиданно, что не выведи он сейчас Левого из этого состояния – и неуверенность передастся ему самому, и даже более того – он почувствовал, как эта неуверенность передается уже, и от испуга за друга пришел к неожиданному испугу за себя, проделав этот путь прежде, чем успел продолжить фразу. – Не было, не могло быть никакой ошибки... все получится, нужно просто еще немного вытерпеть, приложить еще немного усилий – и все, чего мы желали с тобой, будет нашим!

- А вы не думали, что просто все ваши желания уже исполнились? И исполнились они в точности – дословно, как вы и просили, ничего лишнего, ничего, чего не было бы в душе. – Вплелся в разговор негромкий, тоненький ехидный голосок, – а когда такие желания исполняются – можно что угодно придумать, лишь бы правда не открылась...

Появление этого нового собеседника, если бы состоялось оно при иных обстоятельствах, само по себе могло бы отвлечь и захватить внимание. Но теперь охваченный сильным волнением Правый просто отве-

тил, не задумываясь, ответил, сам не зная толком, кого именно он пытается убедить: павшего ли духом Левого, нового ли собеседника, существование которого он еще не осознал до конца, или самого себя, только что пребывавшего в цельном мире и вдруг услышавшего предвещающий его крушение скрип и скрежет – при том, что никаких явных предпосылок к крушению этому не было, да и отыскать их было бы для него непосильной задачей.

- Раз мы желаем вырваться отсюда, значит не все еще потеряно. Ведь если есть стремление – то возможность всегда остается, - ответил он, и ощутил неожиданно прилив благодарности к самому себе, обретая в этих словах опору пошатнувшейся было вере.

- О каких желаниях можно говорить, если желание у нас – всего одно на двоих, - неожиданно поддержал его Левый.

- А ты вспомни, вспомни, золотой мой... о чем ты раньше у боженки просил-то, еще при жизни? – не унимался новый собеседник. – О чем молил его, сокол мой ясный?..

- Ну... - задумался Левый.

- Ведь важной птицей хотел быть, а? Хотел же?

- Да, как сказать... я и был-то не просто так... - протяжно вздохнул Левый, и Правый понял вдруг, что приятель его прав, и понял также, что и сам он был не из последних. Это уклонение от темы разговора вдруг показалось ему вполне уместным, более того, он понял вдруг, что вместо того, чтобы отклоняться – напротив, приближаются к истине, от которой прежде отклонялись значительно сильнее. И это приближение почему-то не понравилось ему.

- Ты сам-то где? - не удержался Правый, сообразивший наконец, что их стало трое. – Ты тоже здесь? Объявись-ка браток, а?

- Я-то? Здесь я... неподалеку... извини, не показаться мне, потому как двигаться не могу... давно уже здесь, но только недавно вас услышал... все хотел слово вставить, да не решался – уж больно умно вы говорили. Так, говоришь, хотел быть важной птицей?

- Ну, хотел, конечно...

- Да так, небось, и просил? Мол, дай, Господи, стать мне важной птицей?

- Не совсем так, конечно... я еще много чего просил...

- Но эта мысль в голове была?

- Была, была такая мысль, - вмешался неожиданно невесть чему обрадовавшийся Левый, - точно помню: была! Я вслух-то сказать ее постеснялся, но так ведь и представлял...

- Небось, хотел кушать от пуза? Чтобы не работать, не напрягаться больше, а только кушать – чтобы в рот пихали?

- Ну, вроде того, - негромко вымолвил Левый, - чтобы от пуза это уж точно... любил я пожрать... Нет, ну надо же... точно ведь любил, помню теперь...

- А насчет птицы, - не удержался Правый, - это ты о тех снах, что меня все время мучают? Будто я летать могу, и плыву над землей – высоко-высоко, так что людей почти не видно...

- Не только о снах...

- Погоди, погоди! – возмутился Правый, - ты хочешь сказать, что мы просто птицами стали и все? Что мы в курятнике каком-то обитаем, или просто летаем без толку? То есть, никакой жизни после, никакого очищения, а просто... переселение какое-то, как у этих, у буддистов? – находить новые слова или вспоминать забытые прежде оказалось неожиданно легко, словно появление третьего сняло барьер в сознании или, точнее, открыло плотину,

потому как ему даже не приходилось искать подходящий образ, а напротив – сами образы теснились так, что непростой задачей было отобрать среди них наиболее подходящий.

- Это уже не я, это ты говоришь... только какая разница – так это или нет? Ты думаешь важно это: птица ты, которая свободно парит и которой снится, что она обездвижена, или обездвиженное существо, которому снится свободный полет? Но что может изменить любая расстановка вещей?

- Нет! - возмутился Правый, чувствуя, как его совершенно против воли тянут к какому-то простому и ясному ответу, который, оставаясь пока неизвестным, от этой простоты и ясности казался совершенно непривлекательным. – Ведь и Чистилище придумано не нами, и Спасение... весь тот путь, что прошли мы, как он может оказаться напрасным?

- А почему вы решили вдруг, что все происходящее с вами является чем-то действительно возвышенным или даже просто необходимым? Не может ли быть просто так, что вся ваша прежняя бессмысленная жизнь предопределила нынешнее ваше состояние? И все остальное – лишь попытка объяснить его, заполнить иллюзией смысла то, что лишено смысла начисто. Причем теперь совершенно неважно, повторяю, что и как вы будете себе объяснять – действие выполнено, желание исполнено, а получив то, о чем просил, это уже невозможно ни переделать ни даже просто вернуть обратно... Может быть, вам раньше думать надо было, может быть – лучше думать, чего хотеть...

- Но ведь мы столько сделали, чтобы достичь Спасения, - не сдавался Правый. – Неужели этого может оказаться мало? Разве все наши усилия могут пропасть даром?

- А разве раньше их не надо было прилагать? К чему тогда прилагал – то и получил, а теперь-то спохватываться поздно.

- Но постой, слышь, ты, постой, а? – взмолился Левый.

В голосе его была какая-то затравленная боль, не человека даже – существа, загнанного в угол, но вовсе не имеющего достаточных сил для того отчаянного рывка из угла – прочь, насквозь, того рывка, что воспет уже и будет еще воспеваться.

- Ведь я же еще чего-то хотел, я точно помню... хотел же я, чтобы не только мне хорошо было, я чтобы и от меня кому-то хорошо стало – тоже ведь хотел!

- Кому?

- Не знаю, не знаю я, - Левый сбился на шепот, - чтобы кому-то... такому же, может...

- Извини, - вздохнул в темноте Невидимый, - а с чего ты взял, что от тебя никому не будет хорошо? Вот только... только ты ведь понять уже должен был: все, чего желаешь, на самом деле исполняется в точности...

- Значит... знаешь... - Левый шептал лихорадочно, но вполне разборчиво, слова его вонзались Правому в левый висок каплями металлического расплава, и, оседая под собственным весом куда-то вглубь, выжидали в мозгу дорогу, по которой теперь навстречу им устремлялись воспоминания, и были эти воспоминания вовсе не так приятны, как мог он ожидать, и смысла было в них отнюдь не больше, чем в нынешнем его состоянии, - я понял... я давно уже понял: мы все же не в раю... здесь слишком темно, чтобы это место было раем... но только почему же нет котлов и огня? Ведь я же помню, в книжке какой-то видел...

- А с чего ты взял, что их не будет?

- То есть, ты хочешь сказать, что котел еще впереди? – судя по голосу, Левый был полностью сокрушен, но это уже не слишком заботило Правого, на которого накатила вдруг волной какая-то апатия, сковавшая его, если только можно сковать того, кто уже неподвижен. - Но зачем? Зачем? Я так много понял, я так изменился здесь... И я ведь действительно был свободным там, в небе... хотя... знаете, я только что понял... я должен рассказать вам, - тихо продолжил Левый. – Я ведь сегодня не летал... я спал, я это точно понял, что сплю... и видел очень странный сон, понимаете? Я расскажу, расскажу... только не перебивайте, погодите, мне и так трудно... Я чувствую, что все равно попаду туда, куда должен, мне все равно, что вы здесь будете говорить, но я почему-то очень боюсь того конца пути, к которому только что стремился, понимаете? Я стремился куда-то, не зная, получится ли у меня, но теперь точно знаю, что я приду, однако боюсь этого, просто боюсь... не говорите мне ничего, я знаю уже, я точно знаю... ведь разве место, где так точно исполняются желания, может быть раем?

... То было в канун Рождества – самого светлого, как говорят, праздника.

Наутро он исчез, и никто его больше не видел.

я пересказываю эту историю почти так же, как пересказали ее — далеко уже не из первых рук — мне в свое время, и пускай всякий, хоть недолгое время занимавшийся свиноводством, легко опровергнет большую часть того, о чем пойдет речь, я найду что ему возразить: я скажу что история эта вовсе не предназначена тем кто занимается или собирается заниматься этим тяжелым и важным делом, более того именно им она не предназначена в первую очередь

Про Пятачка

Ни одна свинья не способна увидеть звезды в силу строения позвоночника. Она просто не может задирать голову вверх.

Из «Сборника бесполезных фактов», изданного в Германии

Когда Пятачка называли свиньей — он не обижался. Получалось так по двум причинам. Во-первых, языка, на котором произошло это определение, он не знал, и, следовательно, означало оно для него не более чем любой другой набор звуков, который могли издавать те немногие люди, с которыми выпало Пятачку общаться. А во-вторых, он и был свиньей. Точнее — кабанчиком, что, впрочем, для большинства двуногих не меняет сути.

Мир, в котором Пятачку выпало родиться — хотя он никогда и не задумывался о своем рождении, ес-

тественно восприняв переход от темной, уютной теплоты к свету и холоду, жить – хотя о жизни он также не задумывался, ограничивая свои взаимоотношения с окружающим на уровне восприятия, и даже умереть – хотя о смерти он не помышлял вовсе уже потому, что просто не был знаком с этим явлением, а помышлять о том страшном, чему даже не был свидетелем, и уж тем более примерять это страшное на себя – совершенно не в свойствах поросычьей природы, был не слишком велик и ограничивался забором, местами составленным из металлической сетки, местами – из грубых неошкуренных досок.

Мир был вполне квадратным, хотя Пятачок, разумеется, понятия не имел о квадратах (в числе различных прочих искусственных измышлений), и состоял из Дома и Поверхности. Дом был почти неизменен – в нем было тепло и именно там появлялась еда. Поверхность менялась. Для Пятачка самым лучшим состоянием Поверхности было теплое и вязкое – в такую Поверхность мог он зарыться, пусть неглубоко, и, закрыв глаза замкнувшись в спасительной темноте своего «Я», оказаться вновь в той Уютной Теплоте, с которой началось его существование. Сперва была она такой нечасто, но со временем стала все чаще приветливо хлюпать под ногами поутру. Впрочем, однажды наутро, после того, как он совсем было приуныл проводить время подобным образом, Поверхность оказалась застывшей – она совершенно не поддавалась под ударами его копытца, а когда Пятачок на всякий случай все же рухнул на нее, надеясь, что Уютная Теплота еще ждет, животик оказался прижат к чему-то обидно-холодному. Он попытался сразу вскочить, но ножки, видимо от неожиданной перемены обстоятельств, не вполне послушались его и некоторое время – вполне достаточное, чтобы показаться Пятачку Вечностью – пришлось судорожно барахтаться на но-

вой, твердой Поверхности, пока не удалось, наконец, встать и дать деру.

Не зная куда податься, Пятачок бросился в Дом, обиженно вереща, и едва не сбив по пути пеструшку Катю, сосредоточенно выклевывавшую что-то из затвердевшей складки Поверхности. Пеструшка Катя была тогда совсем молодой еще курицей, и с Пятачком почти не общалась, а из-за этого происшествия, вполне возможно, затаила на него обиду, потому как и вовсе начала сторониться его, а в тех случаях, когда приходилось все же сталкиваться, неизменно напоминала всем своим видом о нанесенной некогда обиде.

Для Пятачка в то утро начались тяжелые времена.

Раз за разом, едва появлялся Свет и отступала дрема, он выходил на Поверхность, и принимался методично пересекать ее под различными углами от одного конца до другого, пробуя время от времени топнуть сильнее – не поддастся ли, но снова и снова натываясь лишь на твердь – порою хрустевшую в ответ ему, порою – нет. Он пытался вспомнить те места, где Уютная Теплота была прежде, но там, где находил он ее совсем недавно, Поверхность лишь весело похрустывала под копытцем.

Само понятие Наказания было Пятачку неизвестно, как неизвестно понятие Воздаяния, частным случаем которого Наказание является, животным вообще, однако то, как понял он исчезновение Уютной Теплоты и приход на смену ей Холода, окружавшего его теперь большую часть Света и практически всю Тьму, большинство людей определило бы, как Наказание. Пятачок чувствовал, что он сделал что-то не так, где-то неправильно повел себя, и поплатился за это потерей Уютной Теплоты, но почувствовав это, поверил сразу в то, что если сумеет что-то переделать, исправить ошибку, то Уютная Теплота вернется к нему.

Он продолжал выходить во двор, но теперь все больше просто стоял на одном месте, закрыв глаза и пытаясь представить, что Уютная Теплота никуда не делась, или что она вернулась наконец, или что возвращается – когда холодный пронизывающий ветер не давал поверить ни в первое ни во второе, и лишь представив под собою Уютную Теплоту, робко пробовал Поверхность копытцем.

Когда уверенность оставила его, Пятачок обнаружил, что на смену ей пришла привычка. Надежда уступила место безразличию, но отступить он не мог, поскольку возвращение Уютной Теплоты из ритуала, придуманного Пятачком, стало самим Пятачком. И однажды Поверхность, удивленно хрустнув, подалась под его копытцем вглубь.

То было еще не полной победой, но самый важный шаг был сделан; теперь даже оказалось значительно легче вспоминать Уютную Теплоту – словно воспоминания, которые Пятачок пытался вызвать и воплотить, были выстужены холодным ветром, а теперь одним ударом копытца он пробил обе корки: и ту, что сковала Поверхность, и ту, что покрыла память. Дело пошло на лад, и вскоре уже безо всякого труда мог он встать над тем местом, где Поверхность превращалась некогда в Уютную Теплоту, и вспомнить во всех красках и сам момент погружения, и мягкую истому, ожидавшую его внутри. И уже безо всякого удивления обнаружил он в один из дней, что Уютная Теплота ждет его...

Как-то раз, устраиваясь поудобнее в Поверхности, Пятачок обратил внимание на то, что прямо под ним, ворочаясь в такт его движениям, пытается приспособиться кто-то еще – большой и неуклюжий, всецело поглощенный своим занятием и не подозревающий, видимо, о его, Пятачка, существовании.

Пятачку пришлось встать и склонить голову вниз,

поскольку просто ворочая ею и скашивая глаза никак не удавалось ничего толком разглядеть – видел он то один, то другой бок незнакомца, но даже не мог сообразить, кого тот напоминает ему и встречался ли он с ним прежде. Поднявшись же на ноги, он без труда разглядел соседа, так же стоящего уже и опустившего навстречу его склоненной голове свою голову с симпатичным кругляшом на конце. Сосед как-то сразу понравился Пятачку, мгновенно зачислившему его в друзья, хотя что-то в облике его было неправильным. Лишь некоторое время спустя догадался Пятачок, что именно. Новый друг стоял, упираясь ногами в ноги Пятачка – копытца их должны были соприкасаться внутри Поверхности, в глубине Уютной Теплоты. И получалось, что смотрели оба они друг на друга сверху вниз.

Соседство это возобновлялось каждый день. Придя туда, где ожидала его Уютная Теплота, Пятачок видел внизу нового приятеля, и, улегшись поудобнее, перед тем, как закрыть глаза, скашивал он их вниз, чтобы заметить, как тот тоже устраивается поудобнее; и открывая глаза опускал их, чтобы убедиться, что никуда безмолвный приятель не делся, и поймать ответный взгляд, устремленный вверх. Во взгляде этом все чаще читалось, что новый друг знает какую-то тайну, которая ведома и ему, Пятачку, и это значило, что Пятачок действительно владеет тайной, но ни разгадки, ни даже намека на суть этой тайны не было. Между тем Пятачок уже свыкся с существованием друга, придя к выводу о том, что под ногами у него лежит другой Мир, лучших обитателей которого (нового друга, ни разу не сделавшего ему ничего дурного, он без колебаний отнес к лучшим обитателям) можно встретить в неких Особых местах, к которым, без сомнений, и относилась любая Уютная Теплота. И Пятачок задавался уже вопросом – то ли соседство

это началось недавно, то ли длилось оно уже долгое время, но лишь теперь стало доступно ему в результате душевных метаний, то ли вообще было всегда, но лишь недавно им замечено, а прежде совершенно оставлялось без внимания.

Теперь, когда у него появился приятель, можно было наслаждаться не только пребыванием в Уютной Теплоте, но и тем безмолвным общением, которое шло между ними. На то, что общение будет безмолвным, пришлось согласиться после того, как Пятачок несколько раз попытался взвизгнуть – приветственно или вопросительно, но получил в ответ только молчание. Каким-то своеобразным ритуалом незаметно стало приветствие и прощание, когда Пятачок и Новый друг стояли друг над/под другом, каждый глядя вниз, в глаза другому. В такие минуты Пятачок старался проникнуть в мысли друга или хотя бы понять его настроение. Со временем он научился – или только убедил себя, что научился – во время этого обмена взглядами угадывать, когда другу было особенно тоскливо или наоборот, весело, или болел животик от неправильной пищи.

Расставались они порой, только когда накатывала уже Темнота, и уже невозможно было разглядеть при прощании глаза друг друга. Однако все равно ни один, ни другой не спешили трогаться с места, выдерживая ритуал прощания до конца. Поскольку глаз все равно не видно было, Пятачок скользил взглядом по фигуре друга, переключаясь затем на иное зрелище – вокруг головы соседа мерцали, выстраиваясь всякий раз более или менее сходным образом, маленькие огоньки. Ему было невдомек, есть ли такие огоньки у него, и он очень надеялся, что есть – во-первых, потому что они придавали фигуре Нового друга какую-то особую значимость, а Пятачок хотел выглядеть не хуже, а во-вторых, зрелище это завораживало, и ему просто ис-

кренне хотелось, чтобы друг тоже имел возможность восхититься чем-то подобным. Огоньки вызвали у Пятачка воспоминание о том, как еще маленьким попал он в Дом, лежавший где-то за пределами Мира, и как в этом Доме горело множество огоньков, которые ничем его не заинтересовали, пока не выяснилось, что от них идет тепло – приятное, ровное и совсем другое, чем от Уютной Теплоты.

Пока вокруг был Свет, огоньков не было, по какой-то неведомой причине приходили они лишь вместе с Темнотой, но Пятачок этому не сильно огорчился, признав, что насладиться игрой огоньков на Свету было бы не так просто. Поэтому днем он, не отвлекаясь особо, просто глядел в глаза Новому другу, помимо прочего все еще пытаюсь найти там хоть какое-то указание на тайну, связывавшую их практически с самого начала знакомства, тайну, которой он, Пятачок владел, но до сути которой так и не мог докопаться.

Завесу приподняла пеструшка Катя, сделав это, впрочем, совершенно неосознанно – хотя бы потому, что из-за врожденного скудоумия неспособна была на осознанное действие, влекущее за собою сколько-нибудь серьезные последствия. Произошло это, когда Пятачок после очередного слияния с Уютной Теплотой открыл глаза, но продолжал еще нежиться, не спеша расставаться с нею. Катя стояла чуть поодаль, прямо на краю другой Уютной Теплоты, до которой Пятачок сегодня просто поленился дойти. Она стояла там уже довольно долго, собираясь время от времени что-то клюнуть, поворачивая голову, чтобы прицелиться получше, но никак не доводя действие до конца. И вдруг, скользнув по Кате взглядом в очередной раз, Пятачок обнаружил, что прямо под ней стоит, крутя из стороны в сторону головою, другая пеструшка. Давно известно, что лучший способ достигнуть озарения – это взглянуть

со стороны на нечто, хорошо изученное ранее. Перспектива дает возможность соотнести знакомый уже в деталях крупный план с окружающим миром и сделать безошибочный вывод. Все было именно так и на этот раз. Пятачок внимательно посмотрел на Катю. перевел взгляд на ее соседку. И понял все.

Внизу, в Мире под Уютной Теплотой, не было никого. Собственно, и Мира там никакого не было. Сама Уютная Теплота обладала свойством воспроизводить всех, кто приближался к ней, как воспроизвела она сейчас Катю. А значит, Новый друг, казавшийся к тому моменту старым, и был самим Пятачком.

Это догадка сперва оглушила – настолько, что в голове возникло легкое кружение, в ногах почувствовалась слабость, а в груди появилась ощутимая пустота, но в следующий миг это прошло, и даже сменилось легкой эйфорией, потому что Пятачок понял: раз Новый друг – это он, то и загадочные огоньки Нового друга должны быть у него, они должны быть здесь и мерцать вокруг него так же, как мерцали они там. А вслед за этим пришла другая догадка – что это единение и эти огоньки были как раз той тайной, о которой молчал Новый друг до того, как стал им. Вся тайна заключалась в том, что у него были свои огоньки.

Теперь он оставался в Уютной Теплоте еще дольше, но уже не просто валяясь, а стоя посреди нее и вглядываясь в таинственное мерцание, окружающее темный силуэт. При этом Пятачок, как ни крутил головой по сторонам, не мог увидеть сами огоньки – видимо, те находились выше, где-то там, куда не мог он поднять глаза, но появлялись и мерцали они неизменно, и это укрепило в Пятачке веру в то, что они неслучайны. Огоньки несли тепло. Они появились после того, как он сумел смягчить Поверхность, превратив ее из застывшей тверди обратно в мягкое и прият-

ное место, где можно было найти Уютную Теплоту. Значит, они были частью его, и видимо именно той его частью, которая позволила сотворить это чудо. Осознание этого наполняло самого Пятачка каким-то странным светом, и ему начинало казаться, что завораживающее мерцание исходит и из него.

- Слышь, Матвей, а Пятачок наш захворал вроде, - вздохнула кряжистая женщина в потертом армейском ватнике, поставив опустошенное в миску ведро у забора и привалившись к доскам плечом. – И жрет меньше, и сам квелый какой-то...

- И то, - подумав, степенно согласился с нею мужчина, к которому женщина обращалась, такой же кряжистый и обветренный, разве что ватник у него был поновее.

Он курил сигарету без фильтра, и как раз после этих слов решив, что докурил ее достаточно, щелчком отбросил бычок в лужу. Смеркалось, и огонек падающего окурка черкнул стремительную дугу, и навстречу ему из глубины лужи в последний момент тоже сверкнула дуга, чтобы столкнуться и разойтись кругами по поверхности воды.

- Да, - вздохнул мужчина, - с виду вроде как худать даже стал. Еще немного – светиться начнет.

- Так уже просвечивает, - не сдержалась женщина. – Коли ждать станем, без сала и останемся. Ты, Матвей, как хошь, а иди с Валькой да Степаном договаривайся.

... Резчики пришли через день, рано утром, когда на востоке уже начало светать, а на западе все еще мерцали последние звезды.

Почувствовав, как острие вонзилось в бок, Пятачок дернулся. Еще когда его вывели из Дома на Поверхность, туда, где ждали незнакомые люди, он ощутил, как повеяло от них тем самым холодом, что сковал

в свое время Поверхность, и попытался вызвать свои огоньки, чтобы, если потребуется, растопить корку как можно быстрее. И вот теперь, когда холод стал медленно проникать в него, он дернулся и неторопливо заскользил прочь.

Со стороны это выглядело так, будто поросенок конвульсивно попытался соскочить с острия старого штыка от немецкого карабина, которым пользовался Валька, и почти соскочил, и пришлось сбивать его на бок и падать сверху, одновременно вышибая сапогом дыхание и доводить, досовывать клинок до сердца.

Когда Пятачок оказался на боку, он медленно поднял глаза, и неожиданно увидел перед собой мерцающую россыпь огоньков. Их было много. Намного больше, чем мог он себе представить, и все эти огоньки никак не могли быть огоньками маленького кабанчика Пятачка, который растопил Поверхность и пробил ее копытцем, а потом увидел в глубине Уютной Теплоты Нового друга, который знал, что ему известна тайна и который оказался им самим только для того, чтобы объяснить, что у него есть мерцающие огоньки, но объяснил он тогда не все, и только теперь Пятачок смог понять то, что не смог он понять раньше, а именно – что рано или поздно каждый может стать мерцающим огоньком. Нужно только очень сильно...

Отойдя немного в сторону, один из резчиков, невысокий и рябой, негромко сказал своему напарнику – высокому и нездорово-худому, несколько слов, вполне могших стать для Пятачка эпитафией.

- Смотри, - сказал он, - а эта свинья улыбается.

Его напарник был не только худ, но и бледен из-за доедавшего легкие туберкулеза, подхваченного еще две ходки назад, и уже незалечимого. Он расслышал только последнее слово, и рассеянно улыбнулся в ответ.

В подворотне

Маньяк ждал ее в подворотне. Здесь не горело ни единой лампочки – последнюю рассадили из рогатки дворовые шалопаи лет пятнадцать назад. Шалопаи эти успели стать степенными молодыми людьми, но лампочку так никто и не вкрутил на место – ни из них, ни из тех, кому, собственно, по долгу и полагалось бы вкручивать лампочки в подворотнях. Впрочем, эта мысль, промелькнув в ее сознании, рассеялась без следа, едва она сделала следующий шаг.

Поначалу это было как игра – заставить себя думать о чем-то другом, выбросить из сознания вязкую тень, таящуюся в глубине темного проема. Ей казалось, что стоит сделать это, и удастся спокойно преодолеть несколько метров, отделяющих бугрящийся темный асфальт тротуара от гладкой площадки перед подъездом, на которую лился ровный желтый свет фонаря – освещавшего стену, и дверь, и часть двора по обе стороны подъезда, но вместе с тем только сгущавшего тьму под невысокой аркой. Однако со временем игра обернулась другой стороной, и стоило ей теперь подойти к подворотне вплотную, как приходило понимание того, что никакая мысль неспособна отвлечь ее разум от ожидания неминуемой встречи.

Она резко выдохнула – хотя только что собиралась, напротив, набрать полную грудь воздуха – и вбежала в густую тень. Если сегодня он нападет со спины – подумала она – то можно встретить его

«хвостом дракона», тем самым ударом, который сэнсэй заставил, наконец-то, отточить до совершенства. У сэнсэя она занималась уже с полгода, проявив чудеса красноречия, чтобы получить место в полностью укомплектованной группе на следующий день после того, как это случилось с ней в первый раз.

Негромкий шорох, донесшийся сзади, едва достигла она середины пути, заставил ее вздрогнуть и обернуться, разом забыв все впечатанные изнурительными тренировками приемы. Сзади – путь пройденный был достаточно освещен, в отличие от того, что предстояло еще преодолеть – было пусто. Снова шорох, и в воздухе поплыло легкое облачко пыли осыпавшейся именно сейчас по какому-то капризу штукатурки. Она едва не вздохнула с облегчением, но тут же сообразила, что теперь опасность может поджидать ее только впереди.

Видимо, от этой мысли следующий шаг получился неудачно – как-то боком, и она едва не упала, оступившись. Сердце колотилось в груди, било в ребра, толкало в виски тугие волны крови. Еще шаг – на этот раз лучше, и еще один... Прерывистое, с присвистом, дыхание резануло болью по ушам, и несколько секунд она простояла на одном месте, прежде чем сообразила, что воздух вырывается толчками из ее собственной груди. Конец подворотни был уже близок, и она стремительно пересекла черту, отделяющую мрак от света, вступая на пяточок ярко освещенного двора.

Маньяка не было видно. В последний момент, извернувшись – не иначе, с помощью какого-то своего, темного, маньяческого чуда, он снова успел упасть, уползти, выкатиться из поля ее зрения, прежде чем она успела заметить его. Или – она содрогнулась – он ждет ее в подъезде?

Окна изнутри были освещены слабо – на многих площадках бережливые жильцы гасили лампочки на ночь, и поэтому яркие прямоугольники чередовались с причудливой игрой полутеней на стеклах погруженных во мрак пролетов. На площадке, расположенной пролетом выше, чем ее квартира, маячил чей-то силуэт, и она уже отступила на шаг – обратно, к жуткой темноте с таким трудом пройденной подворотни, но вспомнила вдруг, что там стоит на подоконнике чахлый фикус, выставленный за какие-то неведомые грехи из дому девочкой из восьмой квартиры.

Распахнув дверь подъезда, она застыла на пороге, нашаривая в сумочке ключи и тревожно вслушиваясь в гулкую тишину, затем шагнула внутрь – двигаясь немного неуверенно, но намного спокойнее, чем несколько минут назад...

- Ну и пряхься, урод, - прошептала она, вкладывая в негромкий свой шепот ту силу, что хотела бы вложить в крик, - ну и пряхься...

Она знала – завтра, едва стемнеет, маньяк опять займет свое место в подворотне – между ржавой сливной трубой и вечно полупустым мусорным баком. Это место она приглядела давно, и втайне гордилась находкой.

Аналоговый носитель (шорохи)

Запись сделана стационарной системой наблюдения на обычную магнитофонную кассету. Дело, в рамках которого велось наблюдение, так и не вышло из стадии оперативной разработки - точнее на этой стадии и угасло как-то само собой. Кассета же, провалявшись долгое время по различным сейфам, уже никогда не была востребована, поскольку отдел, благодаря щедрости Управления, успешно перешел на цифровые технологии.

Год спустя

На записи слышны два голоса, мужской, обозначенный в расшифровке (М), и женский, обозначенный, соответственно, (Ж).

Шорохи. Скрип магнитофонной ленты. Скрип половиц. Шаги – негромкие, медленные. Глухой кашель.

(Ж) Ты вчера рано ушел.

(М) Да ерунда. Были кое-какие дела. Может быть, как-нибудь в следующий раз засижусь подольше.

(Ж) Не знаю, когда я в следующий раз соберусь с ними. Честно говоря, две из этих подруг – злобные суки, третья – просто никакая... да и мужики ни рыба ни мясо.

Скрип.

(М) Наверное, стоило бы уехать из города недели на две – как закончу одно дело. А потом – вернуться с новыми силами.

(Ж) Не знаю, получится ли у тебя. Сам-то ты вечно собираешься, но потом ведь находят новые дела... Ты же понимаешь, что нужно отдыхать иногда.

(М) Я просто жду, когда подвернется дело, после которого можно будет отдыхать с чистой совестью. И никак не могу найти такое. Знаешь, так всегда – легче объяснить, почему не можешь, чем смочь...

Скрип. Шорох.

(Ж) Как ни старайся – все не переделаешь.

(М) Трудно, но вдруг возможно?

(Ж) Да, тебя можно понять... как там говорят твои? Они еще при этом так умно косятся друг на друга – если ты не работаешь, то тут же начинается депрессия... сразу видно, что сами бездельники...

(М) У них постоянно одни и те же слова. (шорох) Не в этом дело. Да и не в них – хотя это все равно.

(Ж) Ладно, мне не хватало еще голову ломать, что означают их перемигивания.

(М) То, над чем мы готовы ломать голову, и над чем ломаем – это зачастую самые разные вещи. Я вот сейчас голову ломаю – что мой клиент завтра выкинет, а мне так лень, честно говоря...

(Ж) Все это – очевидные глупости.

(М) Да и фиг с ними... знаешь анекдот новый: небольшой ирландский город, священник-католик выходит из церквушки...

Шорох.

(Ж) Не хочу я твой анекдот, и ты прекрасно знаешь, я не люблю анекдоты – это ты вечно ищешь в них какой-то высокий смысл.

(М) Ну ладно, ну брось...

(Ж) Вот Ленка говорит, к ним настоящий брахман

должен приехать. Из Дели – они с мужем были там два года назад, познакомились, и теперь он сюда хочет приехать, на людей посмотреть.

Шаги. Скрипы. Звук жидкости, льющейся в бокал на высокой ножке.

(М) Вот сделаю наконец дело – и можно будет оторваться, выехать куда-нибудь. На фиг с этого холода, подальше – в теплые края...

(Ж) Да, и пожить там как в раю...

(М) Рай – это то, на что мы можем только оглянуться. Вся это тоже когда-нибудь нам покажется раем. Помнишь – тот смешной лохматый старик, когда мы в последний раз ездили все-таки к морю... он готовил кошерную пищу и рассуждал о том, что рай потерян не столько из-за козней дьявола, сколько для того, чтобы дать направление, в котором люди могли бы стремиться... потому что статичное совершенство, просто подаренное, не будет стоять ничего рядом с совершенством, достигнутым – пускай даже частично... по-моему, он был какой-то сектант, но я не разбираюсь в сектах. Черт, как же назывались у него те булочки – помнишь, маленькие такие?

Скрип.

(Ж) При чем здесь булочки?

(М) Булочки ни при чем, но я просто вспомнил о них, вспомнив старика... Он и говорил, что рай можно познать, только потеряв его.

(Ж) Если бы я знала точно, когда ты там собираешься свое большое дело провернуть – я могла бы хоть свои планы выстроить, прикинула бы, за что браться, за что – нет.

(М) Но я и сам пока не знаю.

Шорох.

(Ж) Ну что толку от таких нагрузок? Всех денег все равно не заработать. А друзья даже не огорчатся

– и не порадуются вовсе – когда ты сгоришь на работе, как это раньше называлось. Хочешь стать Героем Капиталистического труда?

(М) Ну хорошо, давай планировать на начало сентября.

(Ж) Ты думаешь, что сумеешь развязаться с делами так быстро?

(М) Постараюсь. Ты мне не веришь?

(Ж) Прости. Верю конечно, как тебе не поверить... Я просто думаю, что это будет сентябрь какого-нибудь следующего года.

(М) Да брось ты...

Шорох. Скрип.

(Ж) И ты скажешь сейчас, что будет все, что я люблю? А то я знаю тебя...

(М) На этот раз – будет.

(Ж) Я уже запуталась в твоих обещаниях. (шорох, скрип) Я часто не могу вспомнить, что же именно ты наобещал – так велик список...

(М) Тебе подавать его в письменном виде?

(Ж) Ну зачем же мучиться так. Однако предложение заманчиво. Надо только решить, как быть с моей работой. У меня большого дела не предвидится – могут и не отпустить так просто.

(М) Какая ерунда. Скажи, что тебе нужно уйти в отпуск, чтобы встретить конец финансового года во всеоружии. Твои таланты ценят, это должно растрогать руководство.

(Ж) Я не могу решить за них – кто знает, что у начальства на уме... Я уже пробовала – и зареклась больше не пытаться.

(М) Господи, ну что там у вас за проблемы... ну скажи им еще что-нибудь...

(Ж) Не напрягайся, я прошу тебя... я сама что-нибудь придумаю...

(М) Ну смотри, тебе проще на месте разобраться... разве я в тебе когда сомневался?

Шорох

(Ж) И не стоит.

(М) Разве же это вообще возможно? Какое нелепое заблуждение!

(Ж) Ты решил сам себя превзойти в лестях. Я уже готова перестать верить тебе.

Скрип.

(М) Твоим шефам главное – верить в свои фетиши. Ты, главное, пообещай им счастье мешками. Увидишь – ни один не устоит.

Десять лет спустя

На записи различимы два голоса. Мужской при расшифровке обозначен как (М), женский – (Ж). Местами голос неразборчив, и он обозначен как (Н). Запись сильно зашумлена.

(Ж) Ты вчера рано ушел ...

(Н) Может быть ... стоило ... вернуться...

(Ж) Ты ... сам-то ... понимаешь ... себя?

(М) Я просто... не могу объяснить.

(Н) Как ни старайся – трудно ... понять ... друг друга, если одни и те же слова все равно означают совершенно разные вещи.

(Ж) Это все – очевидные глупости...

(Н) Ирландский католик ... с брахманом из Дели ... обсуждают кошерную пищу.

(Ж) При чем здесь ...

(М) Ни при чем ... но рай можно познать, только потеряв его...

Шорох.

(Ж) Если бы я знала (*скрип, шорох*), что (*скрип*) ты сгоришь (*шорох*) так быстро...

Шорох, шорох, скрип.

(Ж) Прости. Я ... думала ... что я люблю ... тебя
... я ... запуталась ... я не могу... больше мучиться
так ...

(М) Скажи, что тебе нужно уйти ...

(Ж) Я не могу ... больше ...

(М) Господи ... ну скажи ... проще ... разве во-
обще возможно ... какое нелепое заблуждение ...
верить в ... счастье ...

Скрип, шорох.

Срок хранения не установлен

На записи различимы два голоса, предположи-
тельно – мужской (М) и женский (Ж). Запись сильно
зашумлена; сохранность ее не предполагает дальней-
шего хранения.

Шорохи.

(Ж) Ты ... рано ушел.

Шорохи.

(М) Рай можно познать, только потеряв его...

Шорохи. Шорохи.

(Ж) Я ... люблю тебя.

(М) Господи ... (*шорох, скрип, скрип, шорох*)

Какое счастье...

Шорох, скрип, шорох, шорох, шорох...

Повторение пройденного

Курсовая работа на тему «Создание новых сущностей путем бессистемного сочетания фрагментов исследованных состояний с высокой степенью эмоциональной привязки».

(фрагмент)

Историческая реконструкция зародилась и резко набрала популярность в XX веке. До этого человечество не раз сокрушалось о «минувших золотых годах» и даже о целых «золотых веках», однако дальше «потешных баталий», приблизительно воссоздававших дух минувших сражений – сражений, даже форма участников которых воспроизводилась весьма произвольно, дело не заходило никогда.

Конечно, как в любом достаточно большом деле, внешне единое движение представляло собою в действительности совокупность сил, колебание равнодействующей которых и воспринималось публикой в качестве непоколебимо растущего на глазах монолита. Уже в первых попытках «глобальных реконструкций» можно было наблюдать расхождение между историками «классической» и «героической» школ. В целом миры, воссозданные ими, были – по отдельности – вполне убедительны и внешне стройны, так как воссоздавались в любом случае группами убежденных единомышленников. Однако часто зрителям доводилось наблюдать принципиально разные версии одной и той же эпохи, как например Древний Рим миланского реконструктора Антонио Марельзиони

и Древний Рим его екатеринбургского коллеги Игоря Спернадского. При этом становилось очевидным, что, поскольку обе картины не могли существовать в истории одновременно, то по крайней мере одна из трактовок является фальшивкой – и не столь уж важно, было это осознанное искажение реалий или добросовестное заблуждение. В трудах ученых мужей, на которые ссылались организаторы клубов, достаточно было доказательств в пользу обеих концепций.

Правила, которыми руководствовались клубы и организации, самими же клубами этими и организациями выработывались – то есть, не шло еще речи даже о видимости регулирования в данной сфере. Идеология же части сообществ, появившихся в то время, когда популярность реконструкций стала всеобъемлющей, была порождением не столько исследований или заблуждений создателей, сколько их фантазии. Так, к примеру, абсолютно антиисторической была группа «пасторальных реконструкторов» под названием «Клуб возрожденных традиций «Гей-славяне», основными донорами которого стали несколько представителей московской околэстрадной тусовки. Тем не менее, ко всеобщему недоумению историков, успех ее невозможно не заметить или проигнорировать. Одно время даже рассматривался вопрос о делегировании руководству «Гей-славян» полномочий государственного регулирования в сфере исторической реконструкции. Трудно сказать, что помешало осуществлению этого замысла в большей степени: провал чтений законопроекта в целом в Государственной Думе или крушение борта 3874, на котором находилось руководство клуба в полном своем составе (Клуб исторической реконструкции, воссоздававший быт Украинских войск ПВО, категорически отрицал какую-либо свою причастность к инциденту).

Стоит упомянуть и о том, что несколько скандалов, разразившихся в это время, вписали в историю реконструкторского движения свои, довольно мрачные страницы. Однако следует признать и то, что руководители ацтекских клубов и трех филиалов «Великой инквизиции», ставших объектами особо пристального внимания общественности, действительно представили специальному подкомитету ООН необходимые расписки от всех участников «Весеннего праздника Кецаткоатцля» и «Большого аутодафе». Тот факт, что исполнители ролей жертв подписали бумаги в качестве «волонтеров-стажеров», что предполагало, казалось бы, наличие в их карьере и последующих ступеней, уже не смог повлиять на окончательное решение.

Впрочем, по мнению некоторых исследователей, кровавые реконструкции в Индии, Южной Америке и некоторых странах Евросоюза избежали запрета в силу своей огромной популярности, а значит – и баснословных прибылей организаторов. Ведь неслучайно, к примеру, руководитель Азиатского бюро Интерпола Боб Сидней Доудсон после отставки возглавил Клуб «Старца горы», реконструкции которого пусть и были весьма неожиданны для основных участников, но исправно оплачивались по самым высоким расценкам.

Другой – и, разумеется, неизбежной крайностью – стали многочисленные реконструкторские объединения типа «Афинские гетеры», «Лупанарий Секста Кливия» и «Империя гейш Ямато». Здесь явно имело место лоббирование на самом высоком уровне, поскольку положение о льготном налогообложении подобных обществ было принято Европарламентом в рекордно сжатые сроки. Следует признать, что появление этих организаций было с радостью встречено самыми широкими слоями публики (отдельные кон-

тракции, вроде пикетов «Матерей Европы», можно не принимать в расчет из-за низкого общественного резонанса).

Свой вклад в воссоздание страниц истории внесли банки – появившиеся на рынке дублоны, талеры и пиастры пользовались неизменным спросом у клиентов, видевших в золотой монете идеальный объект для долгосрочных инвестиций. И, разумеется, в полном соответствии с исторической традицией пришел черед сперва серебряных талеров с обрубленными краями, а затем и золотых дублонов с примесями серебра. В ответ на любые претензии ушлые юристы банков вытаскивали запыленные фолианты, из которых однозначно следовало, что спорные монеты точно соответствуют историческому периоду – то перечеканке в Англии, то наполеоновским войнам на континенте...

Процесс развивался в строгом соответствии с закономерностями, свойственными подобным процессам. От простого – к сложному, от примитива – к системе, от разовых костюмированных выходов – к воссозданию цельной структуры, ее политической и экономической составляющих. Здесь не могло уже обойтись без соответствующих вливаний, поскольку совершенно очевидно, что общество, основанное на экономике преиндустриальной эпохи, не могло бы само по себе просуществовать сколь-нибудь заметный срок в то время. Однако людей, способных вложить деньги в подобные проекты было немало, а желания ощутить себя настоящим французским герцогом или хотя бы российским боярином у скороспелых нефтяных и алюминиевых королей оказалось даже в избытке.

Со временем движение обретало все больший размах. Одна за другой росли «реконструкторские деревни», где мужчины и женщины в домотканой

одежде днем при помощи примитивных орудий обрабатывали землю, а вечерами при свете лучин строга-ли детишек, не прибегая к советам специалистов по генетическому планированию.

Жизнь их исправно привлекала толпы туристов, желавших, благодаря рекламе, воочию убедиться в преимуществах неиспорченной пасторальной жизни. Нарезки из наиболее захватывающих вечерних сцен транслировались по кодированным каналам спутникового ТВ во множество стран, и пользовались популярностью среди взрослой части населения планеты. Продукция же, произведенная в подобных условиях, пользовалась спросом у представителей «верхнего среднего» класса благодаря рекламной кампании, проведенной с привлечением ряда ведущих экологов планеты (поговаривали, что все они получили свою долю отданными «в кормление» деревнями Орловщины, Тамбовщины и Западной Сибири, что стало возможно благодаря принятому в России закону «Об исторической реконструкции в РФ»).

Так в «золотой фонд» вошли четыре российские деревни XVII века, воссозданные на базе бывшего колхоза «Заря коммунизма» Липецкой области. Колхоз этот разделился в перестроечные годы на несколько фермерских хозяйств, которые впоследствии были отобраны за долги банком «Русский кредитъ». Управляющий этого банка, Виталий Зайченков, был одним из крупнейших реконструкторов своего времени, что и сыграло главную роль при определении дальнейшей судьбы конфискованного имущества и семейств разорившихся фермеров. «Усадьба помещика» славилась полным отсутствием новоделов. Сенные девушки (которых набирали исключительно среди выпускниц исторического факультета МГУ) были милы и доброжелательны к хозяйским гостям, а

крепостной «театер», которым руководил специально приглашенный, в соответствии с исторической канвой, из Всефранцузского общества реконструкторов молодой режиссер Клод д'Леуш, трижды получал первые призы на европейских конкурсах за постановки Софокла, Эврипида и Тинто Брасса.

На фоне реконструкторов продолжали существовать, долгое время совершенно не смешиваясь с ними, так называемые ролевики, то есть сообщества специалистов по реконструкции вымышленных миров, где, как правило, в мире идеализированного средневековья, существовали магия, демоны и нечеловеческие расы. Этому явлению посвящен довольно большой пласт литературы, но следует отметить, что в силу определенных обстоятельств нет никаких оснований подозревать современных летописцев в излишней добросовестности при изложении деталей. И уж ни в коей мере не следует воспринимать их творения буквально – особенно в части, касающейся практических аспектов применения боевой и целебной магии.

Перечисленные и упомянутые выше сообщества – лишь часть того огромного явления, что в считанные годы преобразило лицо планеты. Основной же частью его были клубы и всевозможные сообщества военных реконструкторов. Организаторы искали зрелищности, а участники – новых острых ощущений, и нет ничего странного в том, что для большинства наиболее острым казалось именно ощущение штыка либо копья, вонзенного в мягкие части тела. О преимуществах же зрелищности пусть краткосрочных, но динамичных батальных сцен перед степенным течением жизни в древних поселениях и спорить было бы смешно.

Проблем с оружием не было. Это на заре движения спецслужбы ряда стран вели работу по уста-

новлению негласного контроля – а то и проводили спецоперации по пресечению деятельности – даже против рыцарских клубов. Тогда всерьез бытовало поверье, что десяток крепких парней с отточенными железками в руках может в одночасье устроить государственный переворот, либо подпустить лучника, способного скovyрнуть с трибуны каленой стрелой Самого, а то и Самого-Самого. Однако по мере того, как увлечение проникало во все более высокие слои, отношение к реконструкции менялось. Сперва разрешили пользоваться специально переделанным оружием, годным лишь для стрельбы холостыми патронами. Затем – только особо проверенным, зарекомендовавшим себя клубам – стали выдавать в ограниченном количестве разрешения на приобретение настоящих, снятых с вооружения моделей, уже только при условии, что для проведения любых массовых мероприятий будут использоваться исключительно шумовые боеприпасы. А после... ну, после – как водится, только самые ленивые через полтора года не могли предъявить документ о том, что являются «особо зарекомендовавшими себя». Для таких ограничения пришлось отменять законодательно.

А поскольку военная реконструкция набирала очки по популярности, то интерес к ней всех структур, стремившихся к захвату власти либо к удержанию власти, уже захваченной, только рос со временем. Вскоре любая крупная коммерческая структура считала своим долгом иметь на балансе небольшое подразделение. Банки и страховые компании отдавали предпочтение командам, реконструировавшим подразделения спецназначения, крупные производственные предприятия обходились пехотными частями и небольшими отрядами, имеющими на вооружении легкую бронетехнику.

Набравшее силу к тому времени движение за разоружение (ведущие страны полагали, что вполне способны обеспечить свою безопасность за счет вооруженных сил численностью в 200 – 300 тысяч человек, а страны не ведущие, благодаря развитию высокоточного оружия и систем залпового огня, никто уже и не принимал в расчет) внесло свои коррективы в этот процесс. Блок НАТО, скрипя, сокращался, а вооруженные силы Евросоюза, так же скрипя, никак не могли появиться на свет.

Стать генералом любой из канувших во всемирную историю армий в этот период было несравнимо легче, чем полковником – в армии существующей. Благо, покровительство со стороны крупного бизнеса, а несколько позже – и государственная поддержка (это произошло после принятия рядом стран Европы и Америки законов «О содействии возрождению исторического наследия») гарантировали таким полководцам безбедное существование. Правительства, с легкостью принявшие свои, национальные версии «Закона о содействии возрождению...» до последнего момента, вероятно, полагали, что нашли просто очередную хитрую лазейку, позволяющую сэкономить на армии, в то же время неуклонно наращивая ее. Однако фактически в тот момент, когда было официально объявлено, что историческая реконструкция есть лишь способ воздать должное героям минувших лет, и ни в коей мере не может рассматриваться как явление самостоятельное, существующее вне исторического контекста, человечество сделало последний шаг, сходя с лестницы эволюции на гладкую наклонную плоскость с нулевым коэффициентом сцепления.

Об истинных причинах той катастрофы, что разразилась впоследствии, переговорено и переписано немало. Здесь следует отметить, что не может вы-

зывать сомнений точка зрения ряда наиболее авторитетных историков, согласно концепции которых цепь событий, выстроенных в те годы, неизбежно должна была привести к конфликту – в той или иной форме. Конфликт был неизбежен в силу того, что на планете, в рамках, фактически, единой цивилизации, одновременно оказались возрождены принципиально различные формации. Это были формации, антагонистические по духу, строю, религии и практически любым нормам, на которых строились общественные отношения. И невозможно было бы ожидать всерьез мирного сосуществования Эльфийского Королевства, американской Конфедерации, Инкской, Российской и Священной Римской Империй, Оркского Ханства, Золотой Орды, сразу двух Советских Союзов (образца тридцатых и семидесятых годов), Германского Третьего Рейха и множества других государств.

Правительства не вмешивались в реконструкторские будни, проявляя свое внимание лишь небольшим финансированием наиболее перспективных, с точки зрения того или иного государства, ассоциаций либо отдельных клубов. Нормы, закрепленные в нескольких заключенных в этот период межправительственных соглашениях, уже не допускали привлечения даже полицейских сил для разрешения любых споров, участие в которых принимают должным образом зарегистрированные военно-исторические организации. Политическую подоплеку тут, кажется, легко можно исключить: достаточно лишь вспомнить, сколько экономических споров решалось в то время в Европе при помощи небольших частных армий различных эпох.

Забегая вперед, стоит вспомнить о том, что именно неадекватная реакция Турции, спустя три года после ратификации этих соглашений размотавшей десант крестоносцев по пляжу гусеницами регулярной тан-

ковой дивизии, и стала причиной операции, вошедшей в мировую историю под названием «Поход тридцати шести». Тогда вооруженные силы государства были блокированы с моря клубом «Кригсмарине», а затем в течение недели уничтожены – сперва атаками с воздуха, проведенными силами всего трех клубов из России, Великобритании и США, а затем в ходе сухопутной операции, в которой принимали участие остальные тридцать два клуба, реконструировавших самые различные армии – достаточно отметить, что греческие гоплиты и британские парашютисты героически бились плечом к плечу. Ни одно правительство «развитых стран» не выразило ни малейшей обеспокоенности этими событиями – хотя видеозапись колонны крестоносцев, входящей-таки в горящий Константинополь под приветственные возгласы боевых товарищей, обошла все телеканалы мира, и ее просто невозможно было не заметить даже при наличии осмысленного к тому желания.

Первым актом той трагедии, последствия которой и сегодня невозможно оценить в полной мере, стала, как это повелось в истории, ничего не значащая для непосвященных стычка. За стычкой последовали так называемые «бои местного значения», от них же, как оказалось, был всего один шаг до мировой катастрофы. А «один шаг», как известно, – расстояние вовсе незначительное по меркам танковой колонны.

Возможно, действительно большой ошибкой было назначать на одни и те же дни четыре реконструкции на сравнительно небольшом участке. Однако три международные Ассоциации, занимавшиеся Орденским периодом, наполеоновскими войнами и историей Второй мировой никогда не славились тесным взаимодействием. Группа же независимых историков,

увлекавшихся воссозданием реалий Первой мировой войны, только недавно появилась на этой сцене, а потому сознательно избегала какого-либо контакта с коллегами из-за закономерного опасения попасть под чужое влияние и быть поглощенной без остатка более опытной, слаженной и обеспеченной в материальном плане командой.

В общем, так или иначе, но в Калининградской области России на очередную годовщину битвы Тевтонского Ордена и остатков прусских племен, а также сражения под Прейсиш-Эйлау, рейда армии Самсонова и Восточно-Прусской наступательной операции Красной Армии собрались представители порядка 20 исторических клубов.

Когда в одном месте собирается большое количество тех, кто считают себя специалистами в каком-либо вопросе, споры и столкновения мнений неизбежны. Понятно, что первые встречи проходили при радостных улыбках и братских объятиях, но в то же время, очевидно, хватало там и застарелых обид, и чистой зависти к чужому, пусть даже мнимому успеху, и прочего эмоционального балласта, что всегда сопровождает встречи людей, делающих порознь одно и то же дело.

Как это и бывает в подобных случаях, для всех участников событий происходящее было вовсе не прелюдией к мировой катастрофе, а обычной цепью дурацких совпадений, не могущих, казалось сначала, иметь вовсе никаких последствий кроме пары десятков (с учетом количества участников) выбитых зубов.

Начало положила попойка, проходившая в кабаке «Цвайнцих гномов», одном из наиболее антуражных, по общему мнению, заведений областного центра, где собирались вечерами реконструкторы, чтобы за

кружкой-другой темного пива обсудить глобальные вопросы – или, проще говоря, потрепаться о том о сем. В собрании, ставшем последним предвоенным (либо – первым военным, в зависимости от принятой тем или иным исследователем системы датировки) принимали участие представители пяти клубов – не столь уж и большое количество народа, если принять во внимание, что являлись туда клубы не в полном составе, да и часть столиков, как совершенно точно установлено, была занята мирным населением.

Скандал начался с довольно дружеских подшучиваний над экипировкой одной из рыцарских команд – проще говоря, гренадеры из дивизии «Гросс Дойчланд» высказали мнение, что доспехи рыцарей во-первых слишком тонки, и крепость их принесена в жертву весу, а во-вторых, изготовлены они явно с применением современных технологий. Эти нападки рыцари, следует отметить, встретили довольно вяло – разве что Ульрих фон Миттельштейн (по некоторым источникам – фон Миттельшайсс) отметил, что дохляки образца 1945 года не смогли бы претендовать и на место в строю копейщиков. Вслед за этим прозвучала довольно резкая отповедь, касающаяся рыцарей, не имеющих под собой коней, а потому изображающих пешую свалку. Магистр Гуго фон Бугелькхейм в ответ врезал по самому больному месту – гораздо ниже пояса – когда заявил в ответ, что сколько жести и фанеры ни нашей на купленный по дешевке танк Т-72, нормальной «Пантеры» из него все равно не получится.

И тот, и другой аргумент были вполне законны и обоснованны. Видимо, именно потому первый удар грядущей Мировой Войны был нанесен литровой пивной кружкой, изготовленной местными умельцами из глины. Магистр рухнул под стол с пробитой головой, остатки пива из расколовшейся при ударе емкости

осели пеной на плечах его соседей – и рыцари кинулись в контратаку.

На помощь битым солдатам «Гросс Дойчланда» поспешили пившие неподалеку бойцы РККА – члены союзного клуба, прибывшие на реконструкцию из Воронежа. В этом нет ничего странного, поскольку клубы, занимавшиеся одной и той же эпохой, изначально работали вместе, и часто советские и немецкие солдаты относились просто к разным подразделениям одной и той же организации. Именно в силу этого обстоятельства в первые годы Последней Мировой войны мы можем наблюдать странные, казалось бы, операции, где Красная Армия и вермахт выступали единым фронтом. Впрочем, среди союзов, которые заключались в то время, было немало количество еще более странных и абсурдных – чего стоит одна только битва ланкастерских стрелков, Старой гвардии и казачьих сотен Платова против объединенных сил дивизии СС «Викинг» и индейского Союза племен, следствием которой стало разорение Кейптауна. Однако в тот момент до глобальных сражений было еще далеко, и даже мысль о них казалась абсурдной тем самым людям, что всего полгода спустя с легкостью пустили мир под откос.

К следующему полудню весть о том, что гренадеры нацелились на рыцарей, облетела всех. К обеду стало известно, что рыцари планируют нанести ответный удар, причем на их стороне уже готовы выступить пруссы, часть французской пехоты и даже два десятка германских солдат Первой мировой. За гренадеров подписались все, кто имел отношение к реконструкции Второй Мировой и сотня казаков из самосовской армии.

В этот напряженный момент руководство клубов предприняло последнюю попытку договориться, и в

том же кабаке «Цвайнцих гномов» было даже собрано совещание, на котором пытались выработать некую общую линию. Однако в тот самый момент, когда магистры, вожди, есаулы, полковники и даже один штандартенфюрер (приглашенный в качестве третейского судьи) уже садились за стол, поступило известие о том, что Гуго фон Бугелькхейм скончался в травматологическом отделении местной больницы. Сразу же вслед за этим разгорелась ожесточенная дискуссия, в ходе которой была похоронена всякая надежда на спокойное решение проблемы. Признанная одним из мировых шедевров фотография, на которой два германских солдата – Первой и Второй мировой войны выводят из горящих дверей раненого казака, голова которого замотана обрывком салфетки, была сделана именно в этот вечер.

Всего через три месяца на месте, где стояло до памятной встречи заведение «Цвайнцих гномов», был открыт первый мемориал этой войны – на тот момент не имевшей еще названия.

А уже на следующий день в ходе столкновений было впервые массово применено оружие, и еще сутки спустя противоборствующие стороны, к которым уже начало прибывать вызванное экстренными телеграммами подкрепление, сошлись в поле под городком Гурьевском, и это никому доселе неизвестное местечко сразу вошло в историю войн наравне с Перл-Харбором, Аустерлицем и Омаха-бич.

Несколько телекомпаний отправило на место своих операторов, и видео с трех уцелевших в ходе боя камер наконец ответило на вопрос нескольких поколений советских телезрителей: «Что было бы, поставь Александр Невский пару «Максимов» на фланги у Чудского озера». Ответ был таков: один из пулеметов заклинило почти сразу, а расчет второго трижды успел сменить

ленту прежде, чем лучники исхитрились дать залп из положения лежа.

И реконструкторы всех стран – прежде правительств, прежде биржевых игроков и даже ушлых журналистов – поняли то истинное сообщение, что содержалось в шокировавшем мир репортаже канала CNN. То было сообщение из одного только слова: «Началось!»

Участники этой битвы, в которой никто не победил, но никто и не потерпел поражения, разъехались в разные уголки планеты (если придерживаться точности в изложении событий – то Европы). Слишком мало их оставалось, чтобы хоть одна из сторон всерьез могла рассчитывать на реванш, не рискуя при этом быть полностью истребленной.

Противники, не сговариваясь друг с другом (и право, какой может быть сговор между противниками) разъехались, твердо решив продолжить спор при первом удобном случае.

Случай этот представился только спустя восемь месяцев, в дни обороны (согласно другим источникам – усмирения) Киева. По наиболее достоверным данным, в тех событиях приняли участие в общей сложности 14 клубов из числа участников «Гурьевского побоища».

Промежуток между двумя этими битвами был заполнен чередой столкновений – больших и малых – знаменовавших постепенное сползание мира в пропасть. Уже через три дня после того, завершилась битва под Калининградом, в Уэльсе колонна солдат армии Веллингтона была атакована французскими лучниками времен Столетней войны.

– Да нам с парнями было просто интересно, как они кувыркаются, – заявил в интервью телеканалу CNN шевалье де Бернье, возглавлявший эту атаку.

Еще через два дня российский линейный корабль «Предистанция» был атакован неподалеку от шведского берега германской подводной лодкой времен Первой Мировой.

Несколько подобных, ничем не спровоцированных нападений вызвали серию ответных походов, а поскольку любой нормальный клуб базировался в каком-нибудь городе, причем в городах крупных он нередко мог найти союзников из любой исторической эпохи, вскоре под ударом сил возмездия пали сперва Брюссель, затем – несколько городов помельче.

Оборона Киева, о которой уже было сказано выше (первая из трех оборон в ходе этой всемирной катастрофы, причем даже после последней из них Подол и Оболонь, к примеру, оставались полностью пригодными для жизни), была первой крупной битвой Последней Мировой войны. Основные события развернулись на правом, пологом берегу Днепра, выше города по течению реки. Это сражение, затянувшееся на два дня (еще пять заняли уличные бои, завершившиеся капитуляцией трех клубов из числа защитников города и довольно слаженным отступлением еще одиннадцати) было полно драматических моментов. В первый же день атака ордынской конницы на левом фланге, с которой началось наступление, была сорвана отдельным пехотным батальоном РККА, усиленным взводом истребителей танков, который занял оборону на вершине одного из холмов, и в течение 29 часов, с небольшим перерывом на короткую ночь, отражал непрерывные атаки противника – лучников, кавалерии и итальянской пехоты. Любую попытку обойти— вкопавшееся в землю подразделение, не вступая в бой, сделали невозможной пулеметчики, расположившиеся в пре-красно оборудованных ячейках. Их фланговый огонь

оказал потрясающее воздействие на незнакомых с огнестрельным оружием монголов. Однако на правом фланге за это время несколько PzKpf II 4-ой армии вермахта прорвали оборону и, ударив с тыла, разгромили батарею Конфедерации, державшую под обстрелом идеально ровное пространство, по которому пыталась раз за разом пройти к городу колонна Старой гвардии.

Между тем война, не имевшая ни единого центра, ни идеи, которая могла хоть как-то объединить участвовавшие в ней стороны, несмотря на выкладки экономистов и социологов, убеждавших в скорейшем ее окончании «самой по себе», разгоралась. Возможно, война просто не была знакома с убедительнейшими теориями, делавшими ее невозможной.

Такова природа человека, что может он и играть в войну и убийство, и убивать (и даже убивать играючи) – но всегда только второе вслед за первым. Пролитая кровь меняет отношение к игре, меняет игру и меняет игрока. Даже если будет после попытка играть – привкус настоящего убийства у игры остается. Любое же разумное существо, вкусившее крови, начинает понимать со всей определенностью, что и само оно смертно. И значит, должно найти оправдание и чужим смертям, и своей собственной – возможно, уже недалекой. А теперь каждый, кто был способен найти в мировой истории ту сторону, на которой готов бы был выступить – к этой стороне с легкостью мог присоединиться оружно. Римские легионы, эскадроны французских улан, рыцарские копы, казацьи курени и даже штандарты СС росли как на дрожжах. Каждому виделось, что настал тот момент, когда победителю представится возможность переписать историю мира по своему усмот-

рению – а значит, однозначно сделать мир лучше, чище и добрее. Трагедия мира была в том, что сделать его лучше, чище и добрее можно было, лишь искоренив все прочие точки зрения. Союзы возникали и рушились. Однако никто не бежал с поля боя – это была война добровольцев, все против всех, война людей, получивших шанс рискнуть головой за любое правое дело в истории, начиная с сотворения мира. И не было уже ничего странного в том, что аргентинские парни в высоких медвежьих шапках умирали на пляжах Новой Зеландии с криками «Vive la France!», а смуглые их противники, расстреляв патроны, бросались из джунглей в штыковую за Родину, за Сталина.

При этом следует отметить, что несмотря на все объективные обстоятельства, которые, казалось бы, должны были выдвинуть на первое место весьма прагматичные мотивы и цели, все еще жив был дух исторической реконструкции, ставящий во главу угла достоверность хотя бы отдельных деталей – коль скоро целое уже никак не могло восприниматься в качестве реконструкции каких-либо событий, а являлось целиком фактом создания новой истории.

Ярким примером тут может служить ситуация, сложившаяся к исходу второго года войны, когда весь европейский континент был уже втянут в круговорот боевых действий.

Именно тогда последствия «брусилковского прорыва», мастерски повторенного реконструктором из Севастополя Аркадием Иволгиным и его отделением «Российской Империи», были сведены на нет в результате разгоревшегося по завершении операции скандала. Гимнастерки большинства выживших бойцов оказались обычными советскими гимнастерками 50-х годов XX века. Антиисторичность же солдатских

фуражек была и вовсе очевидной – даже для специалистов. Ссылки на книгу, изданную в Великобритании в 80-х годах XX века, и принятую в мастерских клуба за первоисточник, никто не принял всерьез.

Полуторачасовая дискуссия, передававшаяся в прямом эфире двенадцатью телеканалами (включая ОРТ, НТВ, RTL, BBC, CNN) завершилась моральным поражением руководства «Империи» и привела к полной дисквалификации его членов силами двух клубов реконструкции подразделений стратегической авиации. Вместе с «Российской Империей» под удар в тот день попал и полк горных егерей, к униформе которого никогда и ни у кого не возникало ни малейших придинок. Весь личный состав полка был незамедлительно объявлен не только героями, но и мучениками, а процедура разбрасывания над местом последней их стоянки двух тонн эльбрусских эдельвейсов с бомбардировщика Пе-2, проведенная уже на следующий день, единодушно была признана наиболее трогательным актом прощания за всю историю реконструкторского движения.

Но эта привязанность к истории уже не могла никак смягчить накал страстей. Пожар бушевал, по выражению одного современника, «от центра Лондона до его центра – через весь остальной чертов мир». На поле боя самым невероятным образом смешивались эпохи, но главным был уже дух времени, а не его внешние атрибуты, и настоящие бойцы не изменяли однажды принятой присяге – Кортесу, императору Павлу или Цезарю Калигуле.

Батарей Раевского была сметена танками Гудериана, но несколько «троек» так и остались на поле, разбитые тяжелыми ядрами.

– Это просто невыносимо – истреблять такое множество отважных людей, – воскликнул по преда-

нию в эфире безвестный командир батареи «град», наблюдая в бинокль за колонной уэльских стрелков и егерей, смыкавших строй после первого его залпа лишь затем, чтобы без единого выстрела продолжить движение ускоренным шагом в надежде выйти на дистанцию штыкового удара.

Его батарея была сметена десять минут спустя фланговым ударом эскадрона поморских улан, сумевшего найти обходной путь через густой подлесок. По воспоминаниям улан, всех поразило то, что расчеты до последней минуты не покидали позиции, и были вырублены саблями в ожесточенной рукопашной схватке – в ходе которой и сами сумели, пусть незначительно, потрепать спешившихся всадников. Уэльским стрелкам, впрочем, это уже мало помогло. Их клуб стал первым – хотя, разумеется, не единственным – чье название было выбито черными буквами на открытом в конце третьего года войны на месте Дрездена, дважды ставшего к тому моменту объектом реконструкции великого налета союзников, Мемориале Вошедших в Историю как имя коллективного павшего героя. Будто для коллективного героя – как и для любого павшего героя вообще – это могло еще иметь какое-то значение.

Хроника с мест сражений звучала для современников как репортаж из театра абсурда. Вот только сценой этого театра могла в любой момент оказаться любая точка планеты. Конквистадоры из Пуэрто-Рико высадились в Испании, и прибрежные города в течение недели исчезли в огне. Итальянская пехота Первой мировой, которая пробивалась на помощь осажденному Мадриду, попала в ловушку во Французских Альпах и была полностью истреблена германскими племенами – то было, по сути, случайным столкновением, поскольку настоящей целью германцев, как и две тысячи

лет назад, был Рим. Викинги наконец-то взяли Лондон и предали его разграблению. Полиция Калькутты оказалась единственной полицией мира, пытавшейся оказать организованное сопротивление – это было в те дни, когда столица Индии пала под ударом войск Пандавов. Одно из управлений продержалось целых четыре часа.

В России ЧК расстреливала нефтяных королей, к которым отнесли и владельцев сетей бензоколонок. Компартия потребовала признать себя отдельной, реконструкторской по духу и по сути организацией, сохранившей учение Ленина – Сталина, и была признана таковой, и почти все ее члены в течение двух лет сгнили в застенках клуба «ГПУ – НКВД».

Европа, запаленная уже с нескольких сторон, корчилась в горниле войны. Прага была взята ордями германских племен, заключивших временный союз с французскими конными жандармами Наполеоновской армии. Красная Армия вошла в Берлин, на этот раз не теряя уже понапрасну триста тысяч на Зееловских высотах – договор с Техасской Отдельной группой реконструкции 15 авиакрыла, обошедшийся тюменскому маршалу Переприходько в 16 железнодорожных цистерн авиационного керосина и 400 тонн напалма, решил эту проблему, можно сказать, влет. Двести тридцать тонн, оставшихся после завершения Берлинской операции у пилотов пяти стареньких «Фантомов», были впоследствии обрушены на армию самого маршала – как утверждает ряд историков, в результате банального спора из-за дележа добычи. Только это сорвало весеннее наступление на Голландию, спонсором которого выступала подпольная Женевская организация потребителей анаши, желавшая монополизировать рынок (некоторые исследователи склоняются к мысли, что

судя по сокращенному наименованию организации, центр ее следовало бы искать не на берегу Женевского озера, а значительно восточнее).

И, наконец, стало очевидно, что процесс стал абсолютно стихийным, когда в Париже, во время уличных боев между наполеоновскими войсками и армией Де Голля, было отмечено неожиданно большое количество мелких подразделений людей в гражданской одежде, которые со штурмовыми винтовками налетали на то или иное подразделение – независимо от стороны, на которой оно принимало участие в битве – и нанеся посильный урон стремились поскорее скрыться в руинах. Позже выяснилось, что атаки их были вполне осмысленны, и всякий раз имели целью расчистить подступы к ювелирной или антикварной лавке, музею или винному магазину. Так на сцену вышли «партизанские реконструкторы», получившие впоследствии общее название «Клуб «Гуляй-поле». На самом деле, конечно, эти стихийно возникавшие в различных городах и странах группки никаким клубом не были, связь и какая-либо координация действий между ними отсутствовали, и единственным, что объединяло их, было объяснение, которое давали захваченные на поле боя пленные: «А чем мы хуже других? У нас и свой Че Гевара (бабка атаман, Иосиф Броз Тито) есть».

Мафиозные кланы, ушлые юристы которых нашли все нужные места в законах, тоже приняли участие во всеобщей вакханалии. Вскоре по всему континенту музеи и банки атаковали, преимущественно, или «джи-айсы» вьетнамской войны или даже целые взводы морской пехоты США из Персидского залива. А вот японская якудза так и не успела собрать свой урожай в этой великой жатве – руководство самурайских кланов учло все ошибки прошлого, и

репортажи с Островов, даже прозвучав в те дни на фоне прочих новостей, заставили мир содрогнуться.

На территории США отчаянная попытка выправить положение путем сброса в тыл противника воздушного десанта так и осталась не более чем попыткой. Из-за низкой облачности и несовершенства навигационных приборов (установка современного оборудования на аутентичные самолеты была запрещена «Всемирным положением о проведении мероприятий», подписанным всеми сторонами-участниками, включая Клуб «Запорожская сечь») десант был разбросан на большой территории, частично – над морем, что привело к гибели приблизительно 18% личного состава и 87% грузов обеспечения. Но даже благополучно приземлившиеся десантники так и не смогли собраться вместе и провести сколько-нибудь успешный рейд. Вовремя высланные к месту высадки подразделения егерей и кирасирский полк действовали решительно и жестоко. В единственном крупном столкновении у городка Москва вошедшие в раж кирасиры просто не стали брать пленных и изрубили даже пытавшихся сдаться парашютистов в капусту, оправдываясь впоследствии тем, что ни ракеты, ни призывы по радиосвязи не являются аутентичным для них сигналом о сдаче. Попытка ввести в действие Национальную гвардию, чтобы хотя бы временно развести воюющие стороны, была сорвана одним из офицеров, который во время марша своей танковой колонны принял решение о создании нового клуба, зарегистрировал его по всем правилам в городке, через который пролегал путь, и уже через три часа после этого обрушился с фланга на ничего не подозревавших бывших однополчан. Разумеется, их он обвинил в нарушении все того же Соглашения, за небрежение которым поплатилась в свое время несчастная Турция.

Во время Венгерского похода Мюрата мы наблюдаем один из наиболее впечатляющих союзов «реконструкторов» и «ролевиков», поскольку с силами РККА и персов Дария объединилось самое многочисленное и значительное эльфийское племя средней полосы – Дом Журавля, а также несколько гоблинских кланов. Именно полк эльфийских лучников прикрывал дунайскую переправу, и его стрелки полегли до последнего на узком берегу, дав возможность оставшимся без боеприпасов пехотным частям оторваться от буквально висевшего на плечах сводного отряда из солдат Преторианской когорты и 8 революционного полка «Санкюлоты Ляруша». Этот подвиг по крайней мере на два с половиной дня отсрочил сдачу и разорение Будапешта.

Фактически точку в затянувшейся агонии человечества поставил Клуб исторической реконструкции 389 Отдельного полка РВСН, располагавшийся в далекой сибирской деревушке Верхние Угыри. Клуб этот никогда не рассматривался всерьез другими реконструкторами хотя бы в силу того, что самого подразделения, дух и быт которого якобы пытались воссоздать его участники, официально никогда не существовало в природе. Впрочем, к полевой и парадной форме его членов настоящих претензий никогда и ни у кого не возникало.

В единственном, дошедшем до нас пресс-релизе этого клуба, относящемся к так называемому «Периоду катастрофы» (достоверность этого документа, с учетом невозможности точного анализа из-за радиационного заражения местности, где был он обнаружен, оценивается на ниже 85%) указано, что первая из запущенных ракет был страйкбольной. Возможно, это утверждение соответствует истине, и действительно межконтинентальная баллистическая ракета,

вынырнувшая октябрьским утром из шахты «11-К» объекта «Потанино», не несла ничего, кроме 418000 сушеных горошин, заменивших в тяжелых сибирских условиях 6-миллиметровые пластмассовые шарики, да небольшого заряда взрывчатки. Но, в любом случае, система «ответного удара» реагировала на запуск, а не на полезную нагрузку носителя.

Последовавшие за этим события были вполне предсказуемы. Но они уже выходят за рамки нашего исследования. Так же выходят за них и последние месяцы человечества, как самостоятельной и неповторимой цивилизации, и, наконец, история двух последних представителей вида, доминировавшего некогда на планете.

За рамками останется и долгий их путь друг навстречу другу, со всеми их переживаниями и осмыслениями, которые сами по себе достойны того, чтобы лечь в основу сюжета отдельного захватывающего романа.

В тот день и час, когда встреча состоялась, оба были одеты в звериные шкуры грубой ручной выделки. Основную роль в последней битве сыграли ручные орудия ударно-раздробляющего действия, что позволяет и ее отнести к разряду подлинных исторических реконструкций – без указания точной датировки воссозданной эпохи.

Список литературы:

1. "Новое Ордынское ханство – от Парижа до Пекина". Угэдэй Семеричкин.
2. "Гренландское казачество – мифы и вымысел". Под ред. проф. И. С. Алатюняна.
3. "Кирасиры как образец мужественности в народном творчестве жителей Полинезии". Изъ Чи Хон.

4. "Ракетные войска стратегического назначения: сегодня, вчера, позавчера". Святослав Хильберг.

5. "Санкюлоты против танков – воспоминания очевидца". Аркадий Муравьев-заде.

6. "Fraternite, Egalite, Legalise it!" – мемуар казака из Марселя, кошевого атамана Олексы дю Бошана, о Нидерландском походе Войска Французского. Олекса дю Бошан.

7. "Гармония невинности. Отображение экономической системы Средневековья на современный рынок". Эрих Э. Смительсон.

8. "Последний мировой порядок: проблемы, схемы, решения". Сборн. Под ред. д. п. н. Алана Претерсона.

9. "Угррх Костогрыз и его несгибаемые мозголомы: почему мы делаем ЭТО. Воспоминания комиссара VI Отдельной гоблинской бригады пращников". Друдх Угррынзз.

10. "Не померкнем ни за что. Эльфийские звезды на назгульских мечах – парадоксы истории". Элендар Смирнов.

11. "Длиннодревковое оружие в войнах третьего тысячелетия". Гуго фон Накхельхейн.

12. "Кирасиры Дирлевангера и другие казусы Последней Мировой". Эрих Слоновски, Марк Янсон. Из серии Osprey Elite.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ КАК СТРАНА ПОБЕДИВШЕГО ДЗЕН-БУДДИЗМА или ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСВЕТЛЕНИЕ

*Единственный реальный победитель
в этой жизни — смерть.
Но есть еще и созерцание.*

И. Сталин в беседе с де Голлем

В начале двадцатых годов, вскоре после начала Мировой Революции, в Москву прибыли семь тибетских лам. Речь идет, разумеется, не о вздорных выючных животных, а о представителях одной из ведущих мировых религий – буддизма. Прибывшие передали приветствие великих тибетских учителей махатме-Ленину и остались в Советской России.

Существуют свидетельства очевидцев, убеждающие нас в том, что по крайней мере один из них благополучно пережил все чистки и дожил до Перестройки. Судьба остальных покрыта вполне уместным туманом. Впрочем, известно, что по прибытии определены они были на работу в ведомство Феликса Эдмундовича.

Весь ход последующей истории подтверждает следующее утверждение: как минимум один из прибывших был вовсе не ламаистом, то есть представителем буддизма классического, а дзен-буддистом, служителем на более таинственной и загадочной ветви этой религии.

Суть дзен-буддизма передать невозможно. Сведущий читатель лишь ехидно улыбнется, а читателю несведущему все равно придется зарываться в горы специальной литературы. Но в данном исследовании мы не можем хотя бы не коснуться ее.

Постижение учения, название которого – дзен- или чань-буддизм (что означает в переводе приблизительно «сердце Будды») делится на два этапа. Первый – подготовительный. В это время человек, ищущий высшего знания, должен отказаться от прежней жизни, обратиться к простой работе и посвятить свое время трем основным вещам: созерцанию, изучению коанов и настоятельным попыткам приведения себя в состояние не-ума. Последнее означает вовсе не отказ от высшей нервной деятельности, а просто такую форму ее существования, когда процесс обдумывания, то есть сознательного сопоставления происходящего вокруг с известными жизненными ситуациями, предметами и явлениями начисто исключен. Иначе говоря, должен он в это время носить воду и рубить дрова, как выразился один из классиков. В этом случае рано или поздно ученик достигает состояния «сатори» или просветления, когда открывается ему иллюзорность окружающего мира и наступает момент пробуждения от сна, ошибочного принимаемого нами за реальность. Тогда он готов к тому, чтобы приступить к слиянию с Великим Безымянным. С этого момента жизнь его меняется, и теперь его долг – рубить дрова и носить воду.

Все эти действия ученик непременно должен проводить под наблюдением учителя. В задачи последнего входит наблюдение за прогрессом ученика, а так же активное на него воздействие, направленное на то, чтобы разрушать привычный бег мысли – как действием, так и ритуальными анекдотами – коанами, рассказываемыми в подходящий момент. Коаны – это, как правило,

реальные истории из жизни Великих Учителей, показывающие наиболее характерные проявления мышления и мировосприятия, характерные для достигших просветления. Размышляя над ними, ученик сам приближается к этому состоянию. Следует отметить также, что человеку непосвященному поступки и слова героев этих коротких историй могут показаться либо странными, либо совершенно абсурдными, ибо действия людей, постигших Великую Истину, несомненно, имеют иные истоки, нежели действия людей, к этой Истине лишь приближающихся, направляются совершенно иной логикой и исходят из иных представлений о добре и зле.

Так вот, по крайней мере один дзен-буддист затесался в дружную компанию прибывших в Москву лам.

Допустив, что именно он оказался единственным выжившим, мы можем воссоздать подлинную картину уходящих вдаль событий и определить не только причины, но и цели их.

Вскоре после его прибытия была начата глобальная дзен-буддизация страны. Первый опыт представители этой религии получили в Японии. Тогда эксперимент был проведен над определенной общественной прослойкой – и результат оказался ошеломляющим. Теперь масштаб был взят иной. В качестве ученика суждено было выступить всему народу, а в качестве учителя – государству.

Для достижения подобной цели пришлось осуществить поистине титанические преобразования. Большая часть их была произведена в тот период, когда Ленина уже сменил на руководящем посту Сталин*, которого,

* Происхождение этих двух вождей долгое время являлось предметом споров. Некоторые горе-исследователи в своих высказываниях доходили до того, что причисляли обоих к числу представителей одного из многочисленных семитских народов. Однако, если в псевдониме первого

дабы избежать путаницы, мы будем называть его подлинным именем – Ко Бань.

Следует, между прочим, обратить внимание и на способ погребения первого Учителя. Существует мнение, что первоначально предполагалось поступить более радикально. На Красной площади должен был появиться мадронг Ильича. И лишь потому, что такой способ – обмазывание покойного несколькими слоями глины с последующей раскраской и превращение его таким образом в памятник самому себе – характерен именно для ламаистов, был выбран компромиссный вариант.

Примерно к начальному периоду властвования Ко Баня, можем мы предположить, и относится появление понятия «партиарх», вызванное тем, что столь значительные преобразования массового ума потребовали создания особой прослойки: партии. Все новые идеи сперва вливались в так называемое «партийное сознание», а оттуда через знаменитую «партийную линию» проецировались уже на массовый ум. Титул же Учителя, которым народ-ученик наградил Ко Баня, свидетельствует нам о том, что главная его роль отчетливо понималась стремящимися к просветлению массами.

В начале своего правления обратил особое внима-

мы еще можем услышать искаженное Леман, то основное партийное имя второго, которое носил он бессменно долгие годы – Коба – никак не может быть истолковано подобным образом. Однако насколько легко слышится в нем другое имя – Ко Бань, не оставляющее сомнения в том, какая именно местность могла стать источником его происхождения.

В отношении же внешности и тех многочисленных, якобы, следов пребывания Ко Баня на Кавказе, с которыми сталкиваются начинающие исследователи, можно заметить, что в жизнеописаниях подлинных мастеров дзен, равно свободно манипулирующих как тканью привычного нам сна, так и сна, кажущегося нам окружающим миром, есть

ние Ко Бань на стирание личной истории – неизбежную часть любого послушничества. С этой целью часть прошлого, на которое опиралось массовое сознание, была уничтожена, а часть – переписана должным образом. Глобальное переписывание производилось несколько раз – в зависимости от того, какое именно прошлое требовалось на том или ином историческом этапе. Некоторое время спустя от него вообще решено было отказаться. (В последний раз к операции по переписыванию прошлого вынужден был прибегнуть партиарх Хру Счо; в период его правления были решительно изменены несколько важных объектов массового ума, что вызвало в обществе целый ряд уникальных мистических галлюцинаций.)

Впоследствии была решительно проведена операция по отказу от излишних умствований, для чего Учитель был вынужден полностью исключить из жизни общества ту его часть, которая занималась столь вредным для постижения истинной мудрости процессом.

Впрочем, отказ от личной истории вовсе не означал полного прекращения споров с авторитетами прошлого. Существует мнение, что именно разногласия с группой толстовцев привели к появлению прямолинейного лозунга «борьбы за мир»**. Именно под этим слоганом была развернута рекламная кампания советских Вооруженных сил. Мир, за который предстояло бороться,

достаточное количество примеров не менее аккуратно сотканых иллюзий... В ряде же случаев, несомненно, имело место обычное перемещение астрального или тонкого тела и его проецирование в то или иное место. Подтверждением тому стала киноплёнка, запечатлевшая Ко Баня на трибуне во время парада 7 ноября: на ней явно можно наблюдать отсутствие признаков дыхания.

** Ср.: Толстой Лев «Война и мир», Троцкий Лев «Записки о Брестском мире».

воспринял идею совершенно превратно. В массовом уме понятие мира было подменено омонимом, имеющим значение «состояние устойчивой напряженности». Это придало лозунгу дополнительную красоту, и позволяет нам сегодня говорить о том, что подлинный дух дзена, без которого невозможна подобная трактовка, был уже достаточно глубоко впитан массами.

К этому периоду можно отнести и появление в массовом искусстве произведений, тончайшим образом передающих в дзеновских символах суть переживаемых страной моментов.

- Революция это вам – О! – восклицает матрос с киноэкрана, и любому начинающему эксперту не составит труда определить его действие как откровенно буддистский ход – ибо в пользу этого свидетельствует все: оборванность фразы, позволяющая вместить в определение целый спектр понятий; символ бесконечного кольца, заключенный как в рисунке губ матроса, так и в графическом символе на листке сценария; и небо, а точнее – безграничное космическое пространство, в которое вонзается матросов палец и сам этот заскоружный перст с обкусанным, пожелтевшим от махорки и кокаина ногтем – в сочетании своем они способны передать истину о революции скорее, чем сотни строк философа, натянутыми рассуждениями хоронящие дух происходящего.

А какое же происходящее без духа для мистиков, наблюдающих мир как игру смыслов и символов?!

Необходимым переменам подвергаются все институты, оказывающие воздействие на массовое сознание. Созданный в это время под неусыпным надзором партиярха новый вид литературы не имеет аналогов в мировой истории. Читателям был предложена параллельная реальность, в которой причудливо искажались детали окружающего мира, а невозможные ситуации в жизни

немогущих существовать людей заставляли искренне сопереживать. Именно таким путем укреплялась в сознании народа-ученика истина об иллюзорности бытия.

Данный прием весьма интересен с технической стороны. Ведь этим Великий Учитель модернизировал механизм Просветления. Если в классическом варианте необходимо было дать ученику почувствовать иллюзорность окружающего его сна и затем резким толчком заставить его от этого сна пробудиться, то Бань решил пойти дальше. Титаническими усилиями удалось создать еще один мир, вполне реально существовавший в сознании наравне с видимым и в то же время разительно отличавшийся от него. Теперь голодный рабочий мог жить одновременно: в своем бараке, осторожно вертеться на двенадцати метрах, чтобы не вступить, ненароком, в жестяной таз, подставленный под дыру в потолке, и, в то же время, в мире, где именно ему принадлежали высшая власть и неисчислимые богатства, оспорить права на которые нахально собирались мириады буржуев и богачеев. Находясь в любом из этих миров, он остро чувствовал иллюзорность второго, а отлаженная система органов государственного контроля бдительно следила за тем, чтобы ни в одном из них наш рабочий не задержался слишком надолго.

Следует отметить, что столь существенные успехи не могли оставить равнодушными многочисленных завистников. Именно им обязаны мы множеством противоречивых слухов, оспаривающих как роль самих Великих Партиархов, так и суть производимых ими перемен. Некоторые из них получили достаточно широкое распространение, не утратив от этого явной своей абсурдности. Так, например, очевидно, что вялые и косноязычные утверждения о том, что формирование нашей реальности осуществлялось Сталиным под влиянием суфийского учения – не более, чем вымысел.

Та мимолетная дружба, что возникла между ним и Гурджиевым в семинарии, несомненно продолжалась, но скорее на уровне двух мастеров, интересных другу в той мере, в которой продвигаются они к одной истине разными путями. Иначе говоря, смотрели они друг на друга искоса, почитая каждый путь другого излишне заумным и лишенным внутреннего изящества. Другим же доказательством может служить тот факт, что именно дзен-буддизм оказался наименее преследуемой религией в охваченной атеистической горячкой стране. Разрушая православные церкви, закрывая католические костелы, изгоняя из синагог премудрых талмудистов и устраивая женские клубы в мечетях, даже громя храмы ламаистов в Сибири – Ко Бань не организовал ни одной широкомасштабной акции, направленной против дзен-буддизма.

Но главным свидетельством могут служить нам сами примеры из жизни Учителя Бая: примеры, ни в коей мере не могущие относиться к жизнеописанию суфия. Скорее, это как раз и есть коаны в их классическом виде.

- В чем подлинная правда, о Учитель? Ведь нет ее ни в словах, ни даже в мыслях, – вопрошал Сталина нарком Ежов.

В ответ Учитель велел бросить его в каземат и пытаться его же собственными инструментами. В момент, когда тот же вопрос был задан бывшему наркому с применением его любимых щипцов для безымянных пальцев, на того снизошло просветление.

Не менее показательна история Бухарина. Будучи редактором газеты «Правда», созданной как орган распространения официальных мифов, он неоднократно готовил и размещал публикации о шпионах и врагах народа, но никак не мог приблизиться к пониманию проблемы. Просветление пришло к нему в тот

день, когда Бухарину пришлось разместить в газете статью, где говорилось, как о вредителе и шпионе, уже о нем самом.

Следует отметить, однако, что эти методы давали результат, как правило, лишь в отношении отдельных индивидуумов. Предпринятые попытки просветлить подобным образом сразу целые племена и народы принесли лишь частичный успех. В связи с этим для народов уцелевших пришлось разрабатывать программу «мягкого перехода».

Основные вехи ее должны быть отражены в книге «Тайные коаны XX съезда». К сожалению, судя по всему, сама книга совершенно засекречена: ни одного экземпляра ее нет ни в одной из библиотек страны.

Впрочем, отдельные пункты успели приобрести довольно широкую известность. В частности, среди исследователей давно закрепилось мнение, что для ускорения процесса было решено все-таки заимствовать часть методов у представителей иных мистических школ. Речь идет об использовании различных препаратов растительного происхождения для развития определенных мистических способностей. В частности, решено было прибегнуть к системе, практикуемой соноракскими индейцами. Но, в отличие от представителей племени яки, в ход пошли не порошки из кактусов, а некоторые фракции, получаемые при перегоне продуктов брожения типичных для большей части территории злаков и корнеплодов. Подобного рода напитки широко используются до нашего времени, однако во времена правления партиарха Го Бачаня из-за низкого их качества мистические переживания народа оказались в опасной фазе. Воздействие коллективного ума на окружающий его сон оказалось в результате деструктивным и потребовало экстренных мер по ограничению потребления этих напитков.

После смерти Ко Баня на троне державы сменилось

несколько патриархов. Ими были достигнуты значительные успехи – так, например, Пятый патриарх провел уникальный опыт, наглядно доказавший, что великой державой вполне может управлять и мумифицированный правитель. Великий замысел о повороте рек, призванном дать один из тех мощнейших толчков, что так эффективно на протяжении большей части столетия выбивали массовое сознание из привычной колеи, был отменен после длительных споров. На место его выступила идея о замене социализма феодализмом в рекордно сжатые сроки. Продиктован же этот шаг был исключительно тем, что анализ ситуации однозначно показал: ученик готов к решающей фазе просветления. За совершенно незначительный в сравнении с Вечностью период страна достигла величайших вершин духа.

Не обошлось, конечно, и без некоторых перегибов. Поглощенное духовным развитием население презрело некоторые весьма существенные стороны жизни. Весь мир был потрясен фразой, которую с горечью бросила в эфир простая русская женщина: «В Советском Союзе вообще нет секса!». Но в целом прогресс был необычаен. Значительная часть документов, появлявшихся в период поздней Патриархии, пронизана духом подлинного дзена. Постановления правительства и партийные документы насыщены таким количеством изящных силлогизмов и парадоксов, что одно лишь вдохновенное изучение их может подвигнуть на истинный Путь. Отсутствие статистически значимого количества случаев просветления среди многочисленных ученых, занятых изучением марксизма-ленинизма, можно объяснить чрезмерно формализованным подходом к изучаемому ими предмету, превращенному в образ добычи средств к пропитанию. Среди этих людей, склонных к цинически-прагматичному взгляду на жизнь можно, зато, встретить большое количество различных психических

расстройств, вызванных разительным несоответствием между мистическим предметом и интеллектуальными методами анализа. Зато среди партийных руководителей среднего звена, несомненно, количество просветленных составляло весьма значительный процент, в чем нельзя не убедиться, анализируя разнообразные их циркуляры и служебные записки, сохраненные историей в великом множестве.

Одним словом, к наступлению года Белой Лошади со всею очевидностью можно было сказать, что глобальное изменение сознания состоялось.

Тогда и было принято решение о направлении в страну очередного Просветителя с исконных территорий. Им стал послушник одного из малоизвестных горных храмов Ель Цынь. Мастерски используя для прикрытия неотличимые от яви иллюзии, он появился в столице под видом опального партийного деятеля, и уже в следующем году принял власть из рук Го Бачаня, в открытую провозгласив девиз своего правления: «Свобода» и ознаменовав его начало символическим разрушением прежнего царства. В этот период исчезает наименование «партиарх».

С честью исполнив возложенную на него миссию, Цынь передал бразды правления достойному преемнику – относительно молодому Учителю Пу Тиню, под благотворным воздействием которого и завершается наблюдаемый нами этап.

Держава, достигнув последней ступени просветления, постепенно сливается с Великим Безымянным, полностью растворяясь в нем.

*Мимо стола
Скорее шагай, водонос!
В праздничный день
Иное
Излишеством кличут!*

НЛО над державой

попытка исторического анализа

Интерес, проявляемый в последнее время рядом зарубежных изданий к проблеме НЛО, а нашими согражданами - к их публикациям, подстегивает любопытство отечественных исследователей, систематизированные которыми данные позволяют на сегодняшний день однозначно утверждать, что визиты таинственных гостей (предположительно: из Открытого Космоса (57%), из параллельного мира (31,5%), представителей Верхнего и Нижнего Астральных планов (9,37%) или же просто из-за бугра (2,13%) - по версиям различных источников) не обошли стороной и наше полушарие.

Долгое время отечественная пресса пугливо обходила молчанием эту сторону нашего бытия, и лишь совсем недавно, когда неуверенно дрогнул в стальной деснице карающий меч пенитенциарной психиатрии, и ненадолго распахнулись двери заповедных лечебниц, завеса тайны была приподнята благодаря выступлениям в средствах массовой информации целой плеяды контактеров, жертв похищений и непосредственных представителей внеземных цивилизаций.

Часть из них, заметим справедливости ради, действительно оказалась психически больными людьми - как, например, неизвестный (предположительно - Афанасий Хлыков, житель пос. Анучкино Гологривенского района Сумской области), в 1992 году три

недели выдававший себя за представителя развитой цивилизации с Дельты Лебеда, и получивший в Амбинском Народном Банке долгосрочный кредит под строительство предприятия по переработке космической энергии в товары народного потребления. Но ряд свидетельств не вызвал никаких сомнений в достоверности даже у наиболее решительно настроенных скептиков.

К таковым, например, можно отнести большое количество историй о похищениях - причем сам похищенный зачастую не может вспомнить, что с ним происходило, а факт похищения его пришельцами возможно установить исключительно благодаря скрупулезному анализу второстепенных деталей и признаков. Здесь, впрочем, отмечено значительное количество совпадений с описанными на Западе симптомами и приметами. У подавляющего большинства похищенных, которых впоследствии вернули обратно, отмечаются провалы в памяти (ряд исследователей отмечает их как у отдельных граждан, так и у целых трудовых коллективов, причем у последних, как правило, в строго определенные, циклически повторяющиеся, даты, например 1 января, 1-2 мая, День милиции - что, несомненно, требует привлечения к решению задачи специалистов-астрофизиков), нередко остановки часов (либо просто исчезновение их, как и некоторых иных предметов земной материальной культуры), отмечаются следы вмешательства в жизнедеятельность организма, носящие, как правило, вид разнообразных синяков и ссадин (иногда - переломов). Случаев пломбировки зубов отметить не удалось, но нередко случаи их частичного или полного удаления.

В этой связи показателен случай с гражданкой Лидией Власьевной З., которая 7 ноября 1938 года отправилась на демонстрацию в городе Ленинграде, и

была обнаружена лишь 28 декабря 1959 года в поселке Тугупино Магаданской области. Объяснить, как она здесь оказалась, и что же именно произошло, она была не в состоянии, в трезвом виде была не контактна, и только после четвертого стопарика в ответ на расспросы принималась говорить что-то о слепящем свете и Четвероединой Сущности Великого Учителя, что позволяет предположить возможность глубокого ментального кодирования. Поскольку ее наручные часы таинственным образом исчезли, установить - остановились ли они - не представилось возможным.

Проведенные статистические исследования позволяют утверждать, что часть исчезновений носит необратимый характер, а так же то, что периодически они учащаются, приобретая серийный характер - здесь, к сожалению, не удалось пока что определить точных периодов, очевидно, в силу недостаточной продолжительности того временного промежутка, на котором они наблюдаются, но в целом прослеживается определенная взаимосвязь серийных исчезновений с переломными моментами в истории страны, хотя не установлена точная степень взаимозависимости событий. Таким образом, достоверно мы можем утверждать лишь факт пристального внимания пришельцев к обитателям Советского государства с самого момента его зарождения.

Аналог американских MIB'ов, то есть - «людей в черном», известен и у нас, хотя отечественные наблюдатели отмечают их, скорее, как «людей в сером», неоднократно наблюдаемых как вблизи будущей жертвы похищения, либо впоследствии - вблизи ее жилища (как правило - в случаях необратимых исчезновений), либо вблизи от места исчезновения/появления жертв обратимых похищений.

Неоднократно отмечались случаи появления светя-

щихся шаров или просто блуждающих огней (см., к примеру, объяснительную путевого обходчика Мандрыкина В.Л. от 2.05.76 г.) а так же иные проявления загадочных сил. Часть сигналов при проверке, разумеется, не подтвердилась. Так, например, отряд маленьких желтеньких человечков, разгромивших женское общежитие медицинского училища в Сараплюевске, был идентифицирован прибывшим по тревоге отрядом ОМОНа как группа вьетнамских студентов, отмечавших День Рождения товарища Хо Ши Мина, а группа таинственных летающих огней, наблюдавшихся в течении двух лет близ селенья Ах-Хаттан (предгорья Памира) оказалась сигнальными ракетами заплутавшей здесь геологоразведочной экспедиции. Но некоторые другие показания - как, например, рапорт с одной из буровых вышек в Северном море, где 70% смены наблюдали утром 1 января 1995 года в рабочих помещениях пресловутых маленьких зеленых человечков, впоследствии практически одинаково, вплоть до маленьких витых рожек на мохнатых головах, описав их - заставляют энтузиастов продолжать поиски.

Помимо загадочных исчезновений людей наблюдаются в последнее время случаи не менее таинственных исчезновений предметов материальной культуры - стройматериалов и топлива, нефти, руды и выплавленной стали, а так же легендарного Золота Партии. Тот факт, что эта волна исчезновений второго рода сейчас набирает силу, в то время, как исчезновения граждан в последнее время не носят такого массового характера, как, скажем, шестьдесят лет назад, дает основания предполагать, что таинственные пришельцы завершили предварительные исследования, и в настоящее время приступают к созданию на Земле базы.

А участвовавшие в последнее время случаи оста-

новки часов, выпадения сознания и появления таинственных знаков на небе (имеют они, как правило, вид белых облаков разнообразных форм) практически не оставляют сомнения в том, что тайная оккупация Земли уже начата, причем именно в нашем много-страдальном полушарии, пережившем за последнее тысячелетие и иго татаро-монголов, и диктатуру пролетариата. Проще говоря, если еще вчера можно было сказать, что пришельцы находятся среди нас, то уже завтра мы можем оказаться среди них. И значит, дорогой читатель - или читательница - необходимо быть бдительным.

А обо всех таинственных событиях, происходящих рядом с вами, следует незамедлительно сообщать в ближайшую Чрезвычайную Комиссию по Аномальным Явлениям.

Последний герой

Он бежал по раскисшему полю. При каждом шаге приходилось с усилием выдирать сапог из липкой грязи, в которую до первых заморозков превратилась земля, и при каждом шаге другой сапог с глухим чавканьем уходил в эту вязкую жижу.

Черный зев амбразуры раскачивался перед ним, то приближаясь – рывком – то, казалось, замирая на одном месте. Сзади – сил обернуться, чтобы посмотреть туда не было, но он знал это и так – из-за оплывших под бесконечным осенним дождем бугорков выглядывали бледные лица, припечатанные сверху измазанными в грязи полусферами касок.

Сердце билось – неровно, в такт шагам – пытаюсь вырваться наружу сквозь потертую ткань шинели. Казалось, только ремень перекосившийся на боку противогазной сумки не дает ему это сделать...

Он добежал до амбразуры и тяжело рухнул, перекрывая ее своим телом, чувствуя, как скручивает судорогой мышцы спины в ожидании неотвратимой теперь очереди в упор. Бросок отнял у него все силы, и теперь в глазах было темно, кровь стучала в ушах, а сознание проваливалось в мягкую пустоту, где оставалась одна, последняя мысль, которую он уже не в состоянии был сформулировать. Была в этой мысли и уверенность в том, что кто-то должен был это сделать, и осознание того, что у него все-таки получилось, и легкая обида на тех, кто так и не поднялся цепью вслед за ним...

Хриплый голос вывел его из забытья. Чуть сдвинувшись, еще не успев удивиться тому, что все еще жив, он заглянул в амбразуру, и натолкнулся на злой ответный взгляд.

- Ну ты чё, блин, совсем? Чё свет-то застишь? Не соображаешь что ли – гайки насквозь проржавели, а тут и так не видно ни фиги, а нам байду эту еще семь километров до приемного пункта тащить...

ТАНГО ВОИНОВ ЗАСВЕТКИ

Неизбежное предисловие

Эти записи — два блокнота и несколько пронумерованных листков, надорванных бог весть откуда — были найдены в кармане комбинезона одного из трупов на окраине Ш в октябре 2003 года. В другом кармане лежала измятая книжка Коэльо — «Книга воина света», зачитанный бестселлер в мягкой обложке, с высыпающимися страницами. Похоже, текст является не перекличкой, а ответом автору нашумевшей книги — и быть может, даже не предполагался никогда к изданию.*

Сам труп, видимо, принадлежал автору этих записок — скорее набросков, нежели законченного труда. По крайней мере, ни одного человека, желающего оспорить его авторство, издателям отыскать не удалось. Кто знает, в каком виде представлял он себе окончательный вариант — работа полна определенных противоречий, причем противоречий достаточно серьезных, чтобы предположить, что являются они просто следствием творческого поиска, который вел автор. В окончательной редакции книги они должны были бы если и не исчезнуть окончательно, то уменьшиться количеством.

В любом случае, окончательной авторской редакции этой работы уже не суждено появиться на свет. Голова, в которой теснились те мыс-

ли, что выносятся на суд читателя сегодня, была разбита пулей калибра 7,62. В принципе, калибр в России ходовой. Кто угодно и из чего угодно мог выстрелить.

Любопытно, что человек, в карманах которого были эти записи, погиб от двух пуль. Одна попала ему в спину — в сердце. Вторая — вошла в затылок. Любое из ранений было смертельным, и невозможно определить, которое оказалось первым, которое — вторым. Возможно, это была просто случайность — из ряда тех нелепиц, что сплошь и рядом случаются в бою: дело в том, что умер он лицом к врагу, в куче автоматных гильз, и значит, обе пули прилетели со стороны своих.

Опознать тело так и не удалось. В нескольких частях, принимавших участие в ноябрьских боях, были пропавшие без вести. Никаких же других бумаг, кроме записей да потрепанной книжки, при убитом не оказалось.

СОБСТВЕННО ТАНГО

Изначально мир был светел — ибо ничего кроме света не было в нем. Но стоило появиться морю и тверди — то, поскольку не были они ровными, появились и глубина, и складки, и соответственно — тени. В тенях света было меньше. В глубоких тенях его оказалось совсем мало.

Любой человек, научившийся пользоваться метлой и шваброй, уже освободился от части иллюзий

относительно чистоты мира. Он понимает, что изначальная чистота утрачена давно и теряется постоянно, а восстановление ее – хотя бы временное – требует постоянных усилий.

Для того чтобы мир был чист, его нужно периодически зачищать. Для того чтобы был он светел – нужно засвечивать его время от времени.

Делом этим может заниматься не всякий. Ведь пронести Свет по миру, чтобы доставить его в самые удаленные уголки, могут только действительно сильные духом люди, осознающие, что делают они и во имя чего живут.

Люди эти известны миру как Воины Света.

Воином Света невозможно родиться. Воином Света невозможно стать в одночасье. Однако происходит так, что какие-то Устои Мира приходят вдруг в неуловимое глазом движение, едва заметные вибрации порождают дрожь в Основании Мира, легкий ветерок пробегает по струнам Арфы Мира, и тогда в одночасье в простом человеке, ничем не примечательном до этого, рождается Воин Света.

С момента своего рождения Воин Света учится и работает над собой, чтобы стать настоящим Воином Света. В этом нет ничего парадоксального. Ведь истинный Воин Света – совершенство, и первое, что осознает новорожденный Воин – это то, насколько сам он от совершенства еще далек. Потому он никогда не скажет о себе: «Я совершенен», но скромно заметит: «Я стремлюсь к совершенству». Потому не прекращает он работу над собой ни на один день.

С доброй улыбкой поправит он того, кто выскажет свое убеждение в том, что Воин уже совершенен. Поправит не споря, но участливо и смиренно.

От самого рождения и до самой смерти, которая бывает чаще мучительной, чем героической, каждый Воин Света знает, для чего он пришел в этот мир. Он чувствует свое предназначение – нести Свет. Он помнит, как темен был его собственный мир до того момента, как в нем появился Свет, и понимает, что столь же темен мир всех простых людей, пока он не принес Свет им.

Он понимает, что действия его могут встретить сопротивление, причем со стороны не только погрязших во Тьме, но и простых и честных людей. Дело в том, что глаза, непривычные к Свету, поначалу реагируют на него болезненно, а обычные люди не способны сразу понять, какое благо несет им с собой эта боль.

Главный Враг Воина снаружи – это Тьма, угрожающая Миру. Главные враги его внутри – лень, уныние и сомнения. Порою они пытаются напасть на него сообща, но Воин готов и к этому. Со смехом и презрением отражает он удары врагов внутренних. С отвагой встречает удары внешнего врага. Главным признаком настоящего Воина Света является то, что оказавшись в полной Тьме он рубит вслепую – направо и налево – до тех пор, пока Тьма не кончится, или не включат Свет. Только тогда может он со спокойным сердцем вложить свой клинок в сообразные ему ножны и позволить себе заняться подсчетом потерь.

Каждый Воин понимает: все, что случается с ним в этой жизни – лишь испытания, пройдя бесконечную цепь которых он выйдет, наконец, к Цели. Цель – это значительно больше, чем просто набор достижимых благ или реализуемых идей. При этом понятно, что никакая поистине Великая Цель не может быть постигнута с помощью воображения, и

Воин осознает, что когда наконец пробьется он к ней, то едва ли то, что найдет будет совпадать с тем, что может он вообразить. Но поскольку Цель его – это Свет во всем мире, то Воин знает, что настоящее превзойдет самые смелые его ожидания.

И с замиранием сердца ждет он этой сладостной минуты – понимая, что каждый шаг, сколь болезненным бы он ни был, приближает его к Порогу Тайны.

Главное, что составляет суть жизни Воина Света и основное, о чем будут петь потомки после ухода его из этого мира – это его Путь. Путь Воина – это не дорога, и меньше всего он похож на нее. Путь ведет его через тернии и преграды, через сомнения и потери – от одной победы к другой. Путь невозможно придумать или узнать заранее. Им можно только следовать.

На Пути ждут его не только победы над достойными противниками или временные поражения от руки более достойных, чем сам он. Его ждут подвиги и испытания, потери и Награды Судьбы.

Воин понимает, что все, что потеряет он на пути к Цели – на самом деле лишнее, мешающее ему в движении; то, от чего Судьба милостиво освобождает его. И поэтому никогда не скорбит он об утраченном, а расстается с ним легко, с понимающей улыбкой.

Воин на Пути своем поддается собственным страстям. Он делает это, поскольку понимает, что Свет может искриться лишь в тех, кто живет ярко. И нет смысла сдерживать себя перед слабаками, неспособными гореть – но стоит своим примером показать им, чего они лишились.

В Пути Воина ведет Любовь. Он сражается за нее и ради нее, и свои победы посвящает он ей – поскольку именно она составляет смысл его жизни. Любовь всегда живет в сердце Воина. Любовь к ушедшим навсегда и к тем, с кем разлучился он на время. Любовь к друзьям, любовь к родным и к тем, с кем делил он ложе.

Случается так, что труба зовет его в путь, подвиги ждут его, и приходится оставить очередную любовь позади, чтобы продолжить движение. Но воин знает: расставание – лишь иллюзия. Пока он стоит на Пути – новая любовь ждет его за следующим поворотом дороги, и в то же время каждая новая любовь, в какие бы одежды ни рядилась она и какие бы маски ни носила – лишь продолжение все той же, Единственной Любви его.

Те же, кто любил его по-настоящему – неважно, годы или день – будут по-прежнему любить его, даже если никогда не увидят больше. И не важно, где будут они находиться – в другом городе, чужой стране или в ином мире.

Случается порою так, что Любовь, которая ведет воина по жизни от имени той Любви, которую переживает он в настоящий момент, требует от него поступка, вызывающего протест и даже несогласие его души. Но воин понимает, что Любовь есть не только высшая ценность, но и высшее мерило, и в жертву ей должна быть принесена без колебаний при необходимости сама душа, а потому с улыбкой совершает то, что в иные дни назвал бы предательством или подлостью. Он знает, что Награда Любви окупит все страдания его, а жертвы, принесенные на ее алтарь, на самом деле приносятся прямоком на алтарь Света.

Будучи сам готов в любой момент стать жертвой на этом алтаре, Воин прекрасно понимает, что не может быть для самой жертвы большего блага.

Часто Силы Тьмы пытаются обмануть Воина и завладеть его душой. Порою обращаются они для этого к самым заветным мечтам его, и все свои возможности обращают на то, чтобы убедить его, будто те уже сбылись, и значит не нужно продолжать битву, а можно просто сесть в стороне от Пути и восторженно созерцать бегущие по небу облака. Но знает Воин, что облака – это лишь один из способов создавать в мире тени, и что все показываемое ему – суть лишь игра теней. И даже если удастся Демонам обмануть сердце Воина, то разум его – спокойный и светлый – пробьется сквозь их игру и поможет с презрением откинуть искушение.

С улыбкой продолжит он Путь свой, и улыбка эта будет не более чем данью искусному противнику, едва не сбившему его с Пути.

Воин понимает, что нет смысла возвращаться назад, пусть даже в какой-то момент Демоны, пытающиеся сбить его с Пути, и убеждают повернуть – чтобы исправить или доделать нечто, якобы оставленное им сломанным либо незавершенным. Он знает – Высший смысл есть лишь в движении вперед; без страха, без сомнений, навстречу невгодам и опасностям. Любая ошибка, отклонившая его от Пути, не может быть исправлена возвращением обратно. Напротив – чем дальше отклонился он в результате ее, тем больше чести в том, чтобы найти новую тропинку, выводящую его на Путь, и продолжить его. Все что кажется ошибкой – есть лишь испытание. И открыто Воину Света, что наибольшее

количество испытаний посылает Мир лишь самым возлюбленным дочерям и сынам своим.

С презрением смеется он в лицо глупым Демонам, продолжая Путь свой.

Случается так, что Воину приходится нанести смертельный удар другу или просто временному союзнику. Но он понимает – раз случилось так, то и на это есть Воля Высшей Силы, без которой не обходится никакое действие в этом мире. Однако он знает, что в мире действуют Законы Равновесия, и поэтому любая, самая досадная ошибка может быть компенсирована: пусть невозможно исправить все на месте, но в целом, перед лицом Вселенной восстановит справедливость своими последующими действиями.

Каждый истинный Воин знает, что в любой миг в спину ему самому могут не только выстрелить, но и попасть. Он знает, что это сделают Свои, и заранее прощает их за это.

Дело в том, что каждому истинному Воину приходилось уже целиться в спину, и доводилось попадать в цель.

Он не пытается постичь мотивы, которыми руководствуется Высшая Сила в таких случаях, и тем более – поставить их под сомнение. Он знает: все, что делается во имя Света – единственно верное из всего, что может делаться в этом мире. Этого достаточно.

Воины Света знают, что ковровые бомбежки являются вполне допустимым средством в борьбе с Тьмой. Ведь любой процент потерь среди мирного населения допустим, пока война ведется за счастье выживших. Они искренне верят, что всякий, кто достаточно совершенен, и чей срок еще не истек, сумеет обратиться от них вовремя и далеко.

Еще ни один из тех, кто мог бы стать опровержением этого убеждения, не приходил к ним спорить.

Случается порою так, что Воин выходит к краю обрыва, и понимает, что Путь, который вел его, Путь, которому он следовал и Путь, который он прокладывал – все эти три Пути уходят в глубину, скрытую от глаз клубящимся туманом. Иному может здесь показаться, что Путь просто завершается, косо срезанный кромкой пропасти, но Воин слишком давно перестал смешивать видимость и суть.

И тогда он делает следующий шаг, гордо вскинув голову и расправив плечи. Ему ни к чему эти внешние проявления, но ритуал необходим, чтобы придать уверенности тем, кто только встает на Путь.

Воином в эту минуту движет сострадание к ближнему, Путь которого может оказаться более ровным, но готовность которого встать на этот Путь зависит от сотен пустых иллюзий, среди которых и внешние проявления того, что принято считать страхом или мужеством.

Но раз за разом Путь испытывает Воина на прочность. И пусть для стороннего наблюдателя только движения Воинов, принимающих решение, становятся все более и более отточенными, вблизи картина меняется самым неожиданным образом.

В глазах у них появляется порой странное смятение, рожденное, впрочем, вовсе не тем страхом, который позволяет безошибочно причислить человека к породе безнадежных трусов.

Просто не раз уже шагали они с обрыва, гордо подняв голову; просто не раз уже взбирались на противоположный откос, срачивая по пути кости;

просто научились уже отличать полет от падения и понимают, что рано или поздно очередной подъем может завершиться обрывом, и им придется или шагать в бездну – или сворачивать с Пути, который они избрали...

И дело даже не в том, что страх перед новой дорогой пересиливает страх падения, а в том, что слишком велико искушение отвернуть в последний момент.

Некоторым из них хватает сил продолжить путь. Другие пытались свернуть, но находили в себе силы вернуться обратно. А остальные просто никогда и не шли по Пути.

С каждым разом все острее борьба между желанием отвернуть в последний момент и интересом – а что же будет на этот раз? А вдруг сейчас все и кончится – испытания, пробы, сомнения – и впереди более ровный Путь?

Но пока есть интерес – Путь ровным не будет.

Он становится таким лишь тогда, когда пропадает всякое любопытство, и остается исключительно намерение пройти ровно то, что лежит перед тобой.

* * *

Однажды, после успешного боя за Великую Идею, или после Великой Пьянки у Дорожного Костра воин просыпается – и вдруг понимает, что что-то изменилось. Изменилось не в мире, что окружает его, а в нем самом. словно странное наваждение, владевшее им все время, отпустило, оставив на память лишь пус-

тоту в душе, или же чары Добрых Чародеев, помогавшие ему на Пути, перестали вдруг действовать, и мир открылся ему не тем, что видел он, а тем, чем и был всегда.

Но на самом деле ни то и ни другое не произошло. Просто дела воина превысили некий предел, о котором не мог знать он, и к воину пришло Прозрение.

И тогда воин понимает, что многое, во что верил он, было лишь отговоркой. Благой ложью, скрывавшей собственную его слабость и позволявшей сохранить лицо перед собою, совершив даже подлость и предательство.

Он откидывает ложные скромные отговорки, и вслед за ними – саму иллюзию собственного совершенства, которую пугливо прикрывал ими до сей поры.

Он понимает, что зло, сделанное кому-то и боль, принесенная одному, не могут быть искуплены подачками, щедро розданными толпе просителей или благом, сделанным случайному незнакомцу. Ибо боль останется болью, подачка – подачкой, а благо – благом.

И одно вполне отделимо от другого, поскольку является всякий раз отдельным действием. Совершив подлость в отношении друга, а добро – в отношении врага, он так и останется просто тем, кто принес зло одному и добро другому.

Понимает воин и то, что добро, совершенное ради подлеца и негодяя, вовсе не искупает ничего и не ведет к победе его убеждений, ибо будучи совершенным оно лишь укрепляет негодяя в уверенности, что тот идет по верному пути. И если прежде ве-

рил он, что убив героя, можно вернуть долг Душе Мира, вернув к жизни негодяя – во имя дальнейшего спасения его – то теперь понимает, что нет никакой духовной связи между этими действиями. Есть лишь два действия, суть которых противоположна, и одно из которых просто дополняет другое до логического целого.

Он понимает, что Любовь, которой приносил он столь великие жертвы, вовсе не была Любовью. Порой ее облик принимала похоть, порой – иллюзия, созданная им самим из страха остаться без Любви. Он понимает, что все, что требует предательства, является порождением Страх, но не Любви. Любовь есть дар, а дар никогда не требует жертв.

Любовь, оставленная некогда им позади, вдруг перестает греть его, и воин понимает, что нет никакого чуда, и что брошенные, покинутые и преданные им вовсе не поддерживают его в пути теплом своих светлых душ.

Кто-то из них погиб давно, поскольку спина его в последнем бою не была прикрыта никем; кто-то умер, потому что не хватило одной слезы, чтобы столкнуть его душу обратно с грани, когда та покидала этот мир; кто-то сломался и переродился, потому что надежда на возвращение воина, подаренная им по щедрости на прощание, оказалась пустой, а собственные силы были недостаточны. Он знал, что расставание – иллюзия, но Любовь так и не узнала этого, в силу природной ограниченности своей сохранив ему верность.

Он понимает: иногда единственное, что имеет смысл – это постараться вернуться назад, одолеть обратный путь и хотя бы попытаться исправить то,

от чего отгородился он некогда высокопарным треском.

Он понимает разницу между противником и врагом, хотя как теперь кажется ему, мог бы понять ее и раньше. Разница в том, что противник – это тот, схватка с кем служит лишь тому, чтобы отточить мастерство и явить друг другу боевую удачу. Враг же – то, встретясь с чем невозможно не вступить в схватку, не предав себя.

Он понимает, что Высшая Сила лишь дала ему шанс стать собой, не действуя за него и не решая. И все поступки Воина с того момента, как принял он в руки меч – лишь его поступки, поступки свободного человека, а не марионетки. Поступки человека, свободного настолько, что и добро и зло, которые несет он в мир, во власти его, и лишь его собственные сила и слабость определяют выбор между ними.

Он понимает, что единственный выбор, бывший в его руках – был выбор между Страхом и Любовью. Страхом, порождающим в сознании жуткие байки о негибаемых и безразличных ко всему живому Воинах Тотальной Засветки, одним из которых запросто можно стать, поставив перед собою высшую Цель. И Любовью к миру – к тому миру, который просто есть.

Он понимает, что единственная битва, которую предлагал ему вести этот Мир – была битвой с самим собой. И что она только начинается.

Он снимает доспехи, потому что понимает, что не желает больше быть защищенным.

Он понимает вдруг, что в этом детском балаганчике – все всерьез. И за вход не берут денег лишь потому, что плата за выход окупает сторицей все затраты устроителей.

Немногие Воины могут пережить этот миг.

Те же, кому доведется сделать следующий шаг, перестают быть Воинами Света.

**ПЬЕСЬ
ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПРО СЕБЯ**

Правда и Истина

Жуткая трагедия в единственном акте

На сцене появляются две обнаженные, очень красивые женщины — одна крупная, волоокая, очень женственная и ладно скроенная, вторая — высокая, стройная, острогрудая и длинноногая.

Это, - голая Правда и обнаженная Истина.

Истина (проникновенно) Ты чего это, сестренка, такая грустная?

Правда (раздраженно) Да вот, взгрустнулось. А ты-то что бледная такая?

Истина (протяжно) Вот только анекдотов избитых не надо, согласна?

Правда (махнув примирительно рукой) Не надо, так и не будем. Устала я просто.

Истина (уныло) Ох, как я тебя понимаю... Я-то ведь и сама тоже вся поизмоталась от жизни такой...

Правда (тоскливо, скорее для поддержания разговора) От какой «такой»?

Истина Ну, не совсем такой, а скорее как придется... то есть, куда попало... а вернее, кто ни попадя...

Правда (грудным, безразличным голосом, скорее по привычке) Ох-хо-хо... доля наша долюшка, горькое ты горюшко... (хитро) Ты-то как считаешь, нелегкая у нас долюшка-то?

Истина (простецки) Да чего же в ней нелегкого? Я понимаю еще, когда процентов девяносто... (смущенно) ну, семьдесят... (еще смущеннее) ну, хотя

бы пятьдесят – если пятьдесят, то это не то, чтобы нелегко, но хотя бы ощутимо... А то, что нам перепадает – об этом и говорить стыдно, не то, что взвешивать!..

Правда Да нет, я имею в виду вообще...

Истина (*подозрительно*) Что это ты имеешь ввести вообще? (*настороженно*) Так вот, значит, к чему такие базары... Так всегда: сначала, дескать, сочувствуют: «Тяжелая какая доля», а потом предлагают: «Давай облегчим!» - и, глядишь, готов новый налог – процентиков двадцать пять – восемьдесят... На законотворческие, говорят, необходимости...

Правда (*немного поспешно, но совершенно искренне*) Я же не о том вовсе, я и сама от государства пострадавшая, меня еще чуть-чуть – и за терроризм бы упекли. Сказали, понимаешь, что я людям глаза колю, и спать по ночам мешаю...

Истина (*передернув плечами, немного нервно*) А то ведь вроде говорили, что ты святая у нас?

Правда (*горько усмехнувшись*) Как же... Обратилась я тут по поводу канонизации, и что ты думаешь? (*Истина пытается, по-видимому, что-то сказать, но Правда, не обращая на нее внимания продолжает*) Они мне там прямо сказали: «С нашей стороны возражений не имеем, но, учитывая национальные традиции, – можем исключительно посмертно, как великомученицу»... Даже порекомендовали, кто может с этим помочь, чтобы быстро и недорого... А чего тут помогать, когда и так...

Истина (*искренне заинтересовано*) Что, на каждом шагу?

Правда Да вот, опять же, буквально на днях – ловят меня двое, и затаскивают в подъезд. Ну, думаю, насильничают точно!

Истина Да что ты, сестрица, право! (*пренебрежи-*

тельно) И не под такими, чай, леживали!

Правда Ой, ладно бы, если! А то ведь решили – правду-матку им резать надо! Пол часа передо мною финкой махали, счастье мое – так и не договорились, с чего начинать.

Истина (*заинтересованно*) А ты все еще она?

Правда (*тоскливо и на одной ноте*) Какое там! Лишили меня всех материнских прав депутаты прямо в первом же чтении. (*доверительно*) Я так думаю, чтобы «детские» не платить. А сказали – за несовместимый, дескать, с моральным облик.

Истина (*восхищенно, вероятно, от депутатской изворотливости*) Во, блин!

Правда (*обиженно-объясняюще*) А какому моральному облику быть, когда они сами же и решили – во избежание массовых истерик показывать меня народу то в зеркале, изогнутом согласно спецификации, то напрямую, но не в фокусе и под углом. Вот облик и поехал... Я же чё от тебя и хотела – говорят, ты сейчас где-то в последней инстанции уже?

Истина (*горько*) Какое там! Будто сама ты этих инстанций не знаешь? Да, было дело, погоняли меня по инстанциям по этим, до последнего инстанция догнали, но в конце концов послали, и просили больше на глаза не попадаться.

Правда (*торжественно-пророчесствующим голосом*) Да!.. Одна надежда на народ и остается!

Истина (*отрезвляющим голосом*) А что народ? Мужик – он и есть мужик... Пока все хорошо – колотит для остратки, чуть что не так – с глаз долой, а потом и тоскует...

Правда и Истина (*вместе, хором, с-moll*) Да-а-а... Тяжела бабья доля!..

ЗАНАВЕС

Государство и человек

Трагическая драма в пяти актах

АКТ ПЕРВЫЙ

Человек (*восхищенно*) Какое ты большое!

Государство (*важно*) А то!

Человек (*задумчиво, от чего детским голоском*)

А ты хорошее?

Государство (*скромно*) Самое лучшее!

Человек А что мне с тобой делать?

Государство (*недоумевающим голосом, слегка обиженно из-за идиотского вопроса*) Любить всем сердцем!

Человек Это как?

Государство Ну, хотя бы похвали для начала.

Человек (*боязливо*) А ругать можно?

Государство (*степенно нахмурясь лицом*) Чиво?

Человек (*застенчиво*) Ну, это, критиковать, что ли?..

Государство (*вальяжно-задушевно*) На фига?

Человек (*растерянно*) Ну, я это, осторожно...

Я же маленький (*успокаивающе разводит руками, чтобы показать,- насколько, затем тихо продолжает, как будто убеждая сам себя*) Чтобы это... независимым себя... того...

Государство (*насупясь бровями*) Зачем?

Человек (*растерянно*) Да,.. но все-таки...

Государство (*с пониманием*) А-а-а...

Человек (*с восхищением*) Какое ты!..

Государство *(ласково)* Да, я такое!
Человек *(задумчиво)* А зачем ты мне?
Государство *(раздражаясь из-за его тупости)* Заглохни, понял? А то щас в рог получишь, да?
Человек *(испуганно)* А тебе за это ничего не будет?
Государство *(презрительно-поучающе)* Я же свободное!
Человек *(восторженно)* От чего?
Государство От тебя, баран!
Человек *(испуганно приседает, озирается, ему на голову опускается)*

ЗАНАВЕС

АКТ ВТОРОЙ

Человек стоит спиной к Государству, и боязливо, но с восторгом разглядывает что-то маленькое, зажатое в кулаке. Государство степенно приближается.

Государство *(с ленцой)* Чего эта там у тебя?
Человек *(оборачивается, прячет то, что разглядывал, за спину; застенчиво)* Да так, ерунда.
Государство *(требовательно)* Покажи!
Человек *(боязливо)* Не-а. Ты вона какое большое, возьмешь и отберешь...
Государство *(обиженно)* Да зачем оно мне надо?
Человек *(обрадованно)* Не надо, и не смотри!
Государство *(с ленцой)* И не буду... У меня у самого знаешь, чего есть?
Человек *(грустно)* Не-а...
Государство *(вроде как достает что-то из кармана, бросает взгляд и улыбается)* О-о-о...
Человек *(с интересом)* Что там, что? Дай глянуть!
Государство *(не поднимая глаз и не давая человеку заглянуть)* О-о-о... *(причмокивая)* Ого-го!

Человек (*заискивающе*) Ну дай, ну хоть одним глазком!

Государство (*обиженно*) Сначала ты!

Человек (*доверчиво*) Ладно... (*показывает что-то Государству, не выпуская из рук*).

Государство (*презрительно*) Фи!.. (*задумчиво-доброжелательно*) Хотя, хотя... может быть...

Человек (*восторженно*) Что, что?! Что такое?

Государство (*еще более задумчиво и почти ласково*) Не знаю, не знаю, точно не скажу, но может быть...

Человек (*умоляюще*) Ну скажи, скажи!

Государство (*ободряюще*) Ну, отсюда я не так уж все хорошо и вижу, и для серьезной тревоги оснований, может быть, пока что нет... (*смотрит на человека с ласковой теплотой в глазах*) не бойся, дурачок, я же с тобой, мы вместе...

Человек (*обеспокоено*) Что, ну что? Скажи! (*протягивает то, что держал в руке Государству*).

Государство (*берет*) Ну, как тебе сказать... Сразу так и не скажешь... (*рассматривает, презрительно улыбается, и отводит глаза в сторону, чтобы скрыть их хищный блеск*) Фигня. (*прячет НЕЧТО в карман*) Фуфло. Это тебе не надо. Понял?!

Человек (*возмущенно*) Да, но...

Государство (*поучающе*) Не в этом счастье! Вали отсюда.

Человек *начинает топтать ногами и махать руками, поэтому на него приходится сбрасывать сверху*

ЗАНАВЕС

АКТ ТРЕТИЙ

Скорее всего, половой. Света на сцене нет, слышны только возня и сопение, изредка сменяемое пыхтением. Потом слышится тонкий всхлип, и

появляется зыбкий свет. Человек, растрепанный и осунувшийся, пытается отползти в сторону.

Государство (*из темноты*) Не понимаю, кто это мог придумать, что я не способен удовлетворить своих граждан? Скорее уж наоборот... А я всегда готово их удовлетворять (*мечтательно*) и удовлетворять...

Человек (*изможденно*) Да уж... выше крыши... (*отползает в сторону*) Тебе только дай... этот самый... повод...

Подпрыгивает, и сдергивает сверху, чтобы закутаться,

ЗАНАВЕС

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Человек сидит в углу сцены, подтянув колени к подбородку и обхватив лодыжки руками. Государство увлечено собой, и даже что-то напевает под нос.

Человек (*устало*) Ты совсем меня не любишь! Ну почему? Но ведь совсем (*с горечью*) ни капельки!

Государство (*кокетливо*) Ну как ты так можешь?! И это после всего, что между нами было?

Человек (*рассудительно*) Даже с чисто эмпирических позиций сюрреализм ситуации неадекватно просвечивается сквозь показной муар псевдобытия...

Государство (*низким, грудным, заботливым голосом*) Ну вот, совсем сбрендил, бедняга!

Человек (*грустно*) Ну почему у других у них, которые как я, другие они, которые как ты, совсем другие?

Государство (*подозрительно*) О чем это ты?

Человек (*оживляясь*) Я в смысле там не здесь,.. то есть, зачем я не они,.. (*заметно оживляясь*) вернее, почему ты не оно?

Государство (*сочувственно*) Я ж о тебе забочусь,

дурик! Я ж не то, что они, я ж учу тебя! А если я тебя не учи чему, а? Ты ваще передо мной в долгу неоплатном, понял?

Человек (*подобострастно*) Правда? (*недоверчиво*) А за что?

Государство (*обиженно*) За обучение, дурик! Если б я тебя не научило, как со мной жить, где б ты щас был? А? То-то!

Человек Я был бы там!

Заливается горячими слезами. Чтобы утереть их, Государству приходится вытягивать из-под полка

ЗАНАВЕС

АКТ ПЯТЫЙ

Человек потерянно стоит в углу сцены, глядя в никуда. Государство озабоченно подходит к нему, обходит кругом, осторожно вздыхает, и, наконец, нервно гладит его по макушке.

Человек (*вздрагивая*) Ты чего это?

Государство (*ласково*) Бедный ты мой...

Человек (*нервно хихикая*) А каким мне еще быть, с тобой-то?

Государство (*внезапно обидевшись и отодвигаясь*) С чего бы ты это?

Человек (*раздраженно*) Помолчало бы лучше...

Государство (*внезапно злобно*) Ты с кем это говоришь?

Человек (*обыденно*) Да с тобой же.

Государство (*сурово*) Оборзел?

Человек Отвянь.

Государство Да я тебя щас... (*роется в карманах, вытаскивает бумажку*) Ты этот закон видел?

Человек (*хитро*) Видел. (*вытаскивает из своего кармана тоже какую-то бумажку*) У меня на него – во!

Государство (*обиженно*) А-а-а? (*судорожно роется в карманах, вытаскивает оттуда еще одну бумажку*) А вот такое знаешь?

Человек (*вытаскивает из кармана другую бумажку, совсем грязную и замусоленную*) У меня на это во, и еще (*роется в другом кармане*) и еще что-то было... было... есть и еще что-то, но тебе и этого хватит!

Государство (*взъярься*) Ах, так? А вот такое ты знал? (*выхватывает из кармана чистые листы, и зло-радно что-то на них пишет*)

Человек (*читая, растерянно*) Да как же это так?

Государство (*не оборачиваясь*) А вот так, разэдак и еще развоттак!

Человек (*совсем растерянно*) Ну ты, блин, даешь!

Государство (*с ухмылкой*) Давать будешь ты, а я лучше возьму немного.

Припадает к Человеку, Человек недолго судорожно бьется, потом обмякает. Государство отбрасывает его от себя, и нервными хлопками призывает четырех капитанов, которые уносят Человека, завернув его в

ЗАНАВЕС

Совет вождей

Большой Вигвам Совета Народных Вождей одной из малых народностей Северной Америки. Вожди чинно сидят, курят Трубку Мира, пьют Огненную Воду Мира, и закусывают Ветчиной Мира По-кремлевски. Первый Вождь откашливается, задумывается, вытягивает указательный палец к потолку, затем, как бы опомнившись, решительно чешет им затылок, и начинает говорить.

Первый вождь Я собрал вас здесь, дорогие друзья, чтобы вместе с вами обсудить, как мы будем вести племя сквозь эти трудные годы к дальнейшему нашему счастью и процветанию. Народ ждет от нас взвешенных решений, и чем точнее мы взвесим их сейчас, тем проще нам будет их расфасовать так, чтобы обеспечить выполнением всю сознательную часть племени, так сказать всех полноценных мужчин и женщин.

Третий вождь (*задумчиво*) А у меня парень как раз... (*неодобрительно косится на Первого вождя*)

Первый вождь (*величественным жестом примирительно вытягивая в его сторону руку*) Так он же тебя все равно неразумный еще. А коли ростом большой стал - пусть идет пока к шаману в ученики. Все парень

при деле будет (*бормочет под нос*) да и нам убытку меньше... Проблема с тем только, как племени объяснить все доходчиво, а то в последнее время такие ветры из прерий дуют, что у народа головы кругом, и работать, гады, совершенно не хотят. Я тут говорю одному наемдни: «Вот тебе поле, большое, как мечты невесты, вот тебе семена, которые хотят расти, как тень на закате, вот тебе лопата, истосковавшаяся по твоим рукам, как купец по барышу... Работай, сажай и выращивай!» (*вожди зачарованно слушают, некоторые рассеяно пустили слюну*) И знаете, что он мне ответил? (*негодуяюще*) «Ты же, - говорит, - все сожрешь!» И тут я не выдержал. Так ему и сказал: «Работать надо, а ты, мерзавец, все плачешься, что работы нету, а сам только о жрачке и думаешь!» (*с видом триумфатора обводит собравшихся взглядом; собравшиеся одобрительно кивают*).

Третий вождь Может, Огненной Воды им дать побольше? Авось, и размякнут?

Второй вождь Ага. А зачем же им тогда работать, если все им сразу и дать?

Третий вождь Ну, пообещать тогда...

Второй вождь Пообещать мы и без тебя сообразим, так они ж нам в ответ тоже только пообещают...

Пятый вождь А может, скажем им, что теперь каждый будет работать на себя?

Все вместе смотрят на него неодобрительно. Под этими взглядами куртка на Пятом вожде начинает легонько дымиться.

Пятый вождь (*испуганно*) Нет, ну что вы, в самом деле? Они на себя будут работать - растить, охотиться, зверюшек там разводить разных... А мы - на себя: законы писать, налоги введем, Указ какой-нибудь им подарим...

Все вожди напряженно задумываются, Пятый тем временем деловито гасит куртку. Постепенно лица у вождей светлеют и проясняются.

Кто-то из вождей И то. Скажем, что послабление, а то и вовсе - новая жизнь.

Шестой вождь А может, заодно разрешить им говорить свободно все, что хотят? Они болтать будут, сколько угодно, да, глядишь, и успокоятся...

Второй вождь Так они же, блин, нас самих в итоге на всех углах ругать будут...

Пятый вождь Ну, кто-то скажет плохое, кто-то - хорошее, разгорится, глядишь, полемика, всё выход энергии... Опять же, будет, кого отправить осенью с гостинцами к предкам.

Второй вождь Горячку не пори... Ты сам-то о нас чего хорошего сказать можешь? А? Вот то-то... (в сторону) Полемiku ему, блин, подавай...

Первый вождь Вот так в одном из соседних племен, слышал я, недавно даже Совет Вождей переименовать захотели.

Второй вождь Это как же?

Третий вождь А, я слышал, знаю...

Первый вождь Ты слышал - вот и помолчи, не мешай другим. Племя там, понимаешь, возмутилось. Говорят: «Давайте, переименовывайтесь. Сидите себе, спорьте, решайте, а к нам чтобы с советами больше не лезли. Хотите думать - сидите тихонечко, и думайте, а с советами чтобы к нам больше - ни-ни.» Так Думой там теперь совет и называют. Даже орнамент на вигваме уже перешли.

Пятый вождь (взволнованно) А как же..

Первый вождь (недоумевающе) Оставили, конечно. И табак для Трубок Мира по прежней норме, и Огненную Воду для борьбы с искушениями Злых Духов, и лошадей хороших, чтобы в город белых людей

ездить... А как иначе? Вигвамы, опять же - за счет племени, скво там всякие...

Вожди (*дружным, а от того громким шепотом*) Нет, уж лучше пусть помолчат... А переименоваться мы и сами можем, коли нужда заставит.

Кто-то из младших вождей И презентацию. Хотя бы маленькую - по поводу нового имиджа.

На него шикают, и довольно переглядываются.

Первый вождь Ну, ладно. С народом мы решили. А как нам быть с соседями?

Седьмой вождь А пойдем на них в поход!

Первый, Второй, Третий, Четвертый и Пятый вожди задумчиво отвешивают ему по подзатыльнику. Шестой сидит тихо и не вмешивается.

Второй вождь У них сейчас своих проблем хватает. Там тоже племена - не приведи Маниту!

Четвертый вождь (*флегматично*) Разберемся!

Второй вождь (*вдумчиво, и как бы ни к кому не обращаясь*) А как разбойнички?

Четвертый вождь бросает на него косою взгляд.

Третий вождь (*невозмутимо, ни к кому не обращаясь, сосредоточенно разглядывая при этом трубку*) Пошаливают. Но далеко.

Седьмой вождь (*воодушевленно*) Так может, обратимся к белым людям?

Все застывают на месте, изумленно глядя на него.

Четвертый вождь (*тихо, но с угрозой*) Ты шо, щен?

Первый вождь (*рассудительно*) Да ладно, расслабьтесь, братва,.. то есть, дорогие товарищи вожди,.. в смысле, уважаемые... (*заминается, потом продолжает, обращаясь к Седьмому вождю*): вы, юноша, не вполне отдаете себе отчет, насколько загадочна и непостижима психика белого человека. Во-

истину говорят - душа белого - потемки. И обращаясь к нему за помощью, трудно предугадать заранее, что может выкинуть этот крайне опасный и коварный хищник (*некоторые вожди начинают клевать носом*), особенно, когда ты сам распахнешь ему ворота, доверчиво улыбаясь...

Четвертый вождь (*оживленно*) Во, блин, точняк! В соседнем племени как раз такая петрушка и вышла! Пригласили белых, типа крышу в главном вигваме поддержать, чтоб совсем не перекосило, так они ее напрочь снесли, и главному вождю по перьям накостыляли. А у молодых охотников из числа Боевых Стропил всю малину разогнали (*на лицах большинства вождей - ужас; Седьмой Вождь закатывает глаза, очевидно мечтая о малиновом компоте*) томагавки и Огненную Воду в натуре поотбирали, да еще заставили самих себе картошку сажать...

Вожди негромко но возмущенно рокочут; Первый Вождь, взгляд у которого уже почти совсем замутился, немного оживляется.

Первый Вождь Как, и Картошку тоже посадили?

Четвертый вождь Да нет. Великая Большая Картошка здравствует, и вам поклон передает, и здоровья желает.

Первый Вождь (*поежившись*) Ну, что ж... (*разводит руками*) И ему поклон... Человек-то хороший... В общем, перспективы у нас есть. И коли нас не посадят, то народ что-нибудь посеет, мы его окучим, а там главное - чтобы крыша не съехала!

ЗАНАВЕС

Государство и Мафия

Сцена первая

(являющаяся, по существу, сплошной ремаркой)

Перед нами сад, обнесенный высокой оградой, представляющей собой высокие стены красного кирпича с причудливыми железными копиями по-верху. Деревья в саду преимущественно чахлы и запущенны, дорожки не подметены, но серость сада меркнет перед красотой ограды, из чего искусственному зрителю сразу же становится понятным, что сам сад служит лишь поводом для создания вокруг него этого великолепия. Отдельные части сада отделены друг от друга причудливой паутиной, сотканной из ржавой колючей проволоки. То тут, то там растут в причудливом беспорядке томаты, картофель и та самая сахарная свекла, из которой получается особенно забористый самогон. Временами над ботвой мелькают согбенные спины рабов, возящихся с растениями, но сами рабы от ботвы практически неотличимы.

По этому саду медленно шествует немолодое уже создание в пышном платье со множеством всяческих кружавчиков и ленточек, но вместе с тем простого и строгого покроя. Это — Государство. Шествуя по дорожкам, Государство замечает на одной из грядок странного вида девчонку-подростка, возящуюся с парой рядков клубники. Зрелище

это вызывает у него сперва неопиcуемый испуг, а сразу же вслед за этим — опиcуемую, но с трудом, ярость. Государство принимается истошно вопить, и на вопли его со всех концов сада сбегаются плечистые стражники с пышными усами, которые по пути колотят для острастки древками алебард пробегаемых рабов.

Пока стражники носятся по саду, а Государство вопит, возмутительница спокойствия успеваеt несколько раз исчезнуть и вернуться обратно за урожаем. По окончании суматохи выясняется, что ей, все-таки, удалось скрыться, и стражники расходятся по постам, причем некоторые отирают с усов остатки ягод, используя для этого неторопливо опускающийся

ЗАНАВЕС

Сцена вторая

Тот же сад несколько лет спустя. В одном из уголков его, представляющем собой изрядных размеров пустырь, толпятся люди. В основном это — исхудавшие стражники и отощавшие рабы, но среди них отчетливо проглядываются бывшие рабы и стражники, держащиеся порознь, но сообща. Они существенно упитаннее и увереннее в себе.

Государство степенно проходит мимо, небрежно кивая толпе. Толпа жужжит, причем не слишком приветливо. Государство останавливается и хмурится.

Государство Чевой-то вы?

Кто-то из толпы Да эта... стоим, значит... (оглядывается по сторонам, ища в толпе поддержки) Общаемся, в смысле...

Государство Ну-ну...

Еще кто-то из толпы А это... неча нукать... чай, не

запрягли нас еще... (кто-то одобрительно смеется).

Государство (удивленно) Как это? Еще не запрягли? (делает знак стражникам, и те, не торопясь и без огонька, скорее по привычке, запрягают говорившего) Ну вот, теперь запрягли.

Запряженный между тем не слишком огорчается, поскольку впрягать его все равно некуда. Государство, видя такой оборот дела, принимается оглядываться по сторонам в поисках виновника подобных настроений, и упирается взглядом в вызывающей внешности полногрудую девицу, в которой без труда можно узнать продукт дальнейшего развития давешней возмутительницы спокойствия.

Государство (ни к кому конкретно не обращаясь) Ну, и о чем же мы общаемся?

Толпа Так это, значить... как же дальше нам, ага... в смысле, мы уже не это самое, то которое; а тем более – опять двадцать пять; и вообще здесь теперь не там, потому как вообще.

Государство Ну-ну...

Кто-то из толпы хочет что-то сказать, но решает приберечь слова – очевидно, до лучших времен.

Государство (участливо) Знаю я, кто вам головы морочит (при этих словах толпа смущенно переглядывается). Кто вас от работы, да от еды нормальной отлучить хочет. Кому порядок здешний не нравится (толпа невнятно ропщет). Кто вам овощей заморских обещает, да за забор сманивает... (толпа смущена, девица напряженно слушает, осторожно оглядываясь по сторонам). Думаете, мне ничегошеньки неизвестно? (обиженно) Или что я из-за каких-то своих прихотей все здесь так устраиваю? Вожусь, понимаешь заборы ставлю, картошку вашу храню? (проникновенно) Без этих самых заборов, между прочим, знаете, какая бы эрозия почвы у нас была? Там по-вашему что, за забо-

рами клубники с малинами вас ждут? Это здесь у нас – какой-никакой, а сад. А там – сплошной лес дикий... (подумав) и джунгли всякие... с беззакониями...

Кто-то из толпящихся (угрюмо) А мы-то че? Беззакониев и нам не надо. (Девушка морщится.) Мы чтобы тихо все и по порядку. Чтобы законно договориться, значит... Потому как, если не договориться, то мы ведь и приложить можем. (Девушка нагло ухмыляется и засовывает руки в карманы штанов).

Государство (усиленно хмыкая про себя) Ну что же, решайте, обсуждайте, дело нужное. Только смотрите у меня. Чтобы безо всяких таких этих, поняли?

Толпа (хором) Ну как же можно?

Государство поворачивается, и принимается уходить, поманив за собой девушку. Та, после секундного колебания, следует за Государством.

Государство Да, крепко ты их... крепко...

Девушка (с вызовом) А они и сами не прочь!

Государство (с обидой) Клубничкой сманила, да?

Девушка А что делать, если им хочется?

Государство (пожимает плечами, затем страстно говорит) А ты подумала о том, что за эту клубнику им платить придется?

Девушка Пусть лучше мне за клубнику заплатят, чем тебе просто так отдадут.

Государство Да, видать старею я. Не понять мне нынешнюю молодежь...

Девушка А свою бурную молодость под старость вспомнить трудно? Да я вообще типа примерная девочка, если по сравнению с некоторыми...

Государство (строго) Тогда было совсем другое время...

Девушка Ага. Тогда – другое, сейчас – третье...

Государство Ну что ж... придется нам теперь, видеть, как-то вместе, что ли? (подумав, покровитель-

ственным тоном) Ладно, разрешу я клубнику... и эти самые, как их... бананы...

Девушка И икорки б не мешало... Она сейчас хорошо пойдет...

Государство (внезапно звонко смеется) Икорки-и? Так ее ж всю, почитай, уже съели. Ну, может, осталось немного. Но только на нас с тобой... Давай, я лучше эти им еще разрешу, киви. Та же клубника, только мохнатая – я знаю, меня как-то негры угощали. А?

Девушка изумленно смотрит на Государство, Государство приветливо улыбается девушке.

Государство Ну вот и ладушки...

Сверху медленно опускается

ЗАНАВЕС

Сцена третья

Тот же сад еще несколько лет спустя. Дорожки практически полностью пришли в негодность. Растительность уцелела не на всех клумбах, да и уцелевшая выглядит крайне скверно. На фоне всеобщего упадка периодически радуют глаз то изящный фонтан, то ажурная беседка – поставленные явно недавно и безо всякой системы. Колочая проволока вокруг них свежая, приятно блестящая на солнце. Иногда вдалеке стреляют. По саду плавно движутся двое. Впереди идет Государство – изрядно обрюзгшее и заметно больное, одетое в бесформенную хламиду не то из мешковины, не то из занавески, обмотанной вокруг немогущего тела.. За ним следует роскошная дама в изысканном вечернем платье, стройная и мускулистая, с пронзительными и надменными глазами.

Государство (плачущим голосом) А все ты! Вон, смотри (показывает куда-то вдаль, вдали раскатис-

то стреляют из танковой пушки) или вон – глянь! (показывает в другую даль, и оттуда доносится нежное журчание нефти) А тебе ведь поверили!

Дама (смотрит на Государство, как будто видит его в первый раз) Ну так не фиг было верить!

Государство (не слыша ее) А мужики! Какие мужики – и все с тобой... Они бы были мои, между прочим, если бы ты не влезла... И что они в тебе находят?

Дама (высокомерно) То, что они в тебе не найдут. Ты никогда не задумывалось о том, почему ты – среднего рода?

Государство (возмущенно оправляет на себе хламиду, пытаясь придать ей видимость платья, и бросает на даму гневные взгляды) Ах ты, ...

Дама (игнорируя взгляды) Тоже, кстати, дело нужное... А ты - что ты им дать-то можешь? Ты ж все под собой держишь, и из рук не пускаешь...

Государство (возмущенно бурчит под нос) Ты-то больно пускаешь...

Дама Зато я разрешаю им у тебя брать. И живут они со мной весело...

Государство Зато недолго...

Дама А с тобой – или не живут, или живут те, кому уже поздно...

Государство Ты на что это намекаешь?

Дама (метнув глазами пару молний, от которых занимается кое-где чахлая трава) А я прямо говорю...

Государство Вот уж спасибочки...

Дама А за то, что все это по моей вине – ты лучше уж свою молодость вспомни... Я хоть этих самых особенно не трогаю...

Государство Вот их бы и трогала, а не меня... (горестно вздыхает, и осторожно берется рукой

за сердце) Да-а-а... Старею я, старею... Видать, и
впрямь, на покой пора... Кто ж вместо меня на все
это останется, а? (осторожно косит на даму хитрым
взглядом)

Дама Да останусь я, останусь, не переживай...

Государство (просительно) Ты только это, смотри,
построже с ними... чтоб порядок был...

Дама (усмехается) Да будет порядок, будет...
Как же мне без порядка-то? Я и кушать регулярно
люблю, и конкуренции мне не надо...

Государство (тяжело вздохнув) А все же как
вспомню годы молодые, как мы на прибалтов на-
езжали, да с берлинской группировкой разбирались
– ох, далеко вам, молодым, до нас будет...

Дама настороженно смотрит на Государство,
Государство погружается в счастливые воспоми-
нания. Со всех сторон на сад неотвратно опу-
скается

ЗАНАВЕС

Титаник

Катастрофа

АКТ ПЕРВЫЙ

Глазам зрителей с поднятием занавеса открывается богато меблированная капитанская каюта, в глубине которой за небольшим, но обильно сервированным столиком сидят в креслах Старший Помощник, Вице-Капитан, Важный Пассажир и Прекрасная Дева. Они оживленно едят, негромко шутят и тихо смеются. Только увидев их, зритель может заметить Капитана, который стоит гораздо ближе к краю сцены, но до некоторого момента совершенно неподвижен. После того, как его заметили, Капитан начинает шевелиться, раздвигая при помощи мудреного приспособления занавески на окне, расположенном перед ним, но боком к залу, так, что зрителям совершенно непонятно, что там, за этим окном, и за каким чортом, собственно говоря, Капитан теряет перед ним время, отвлекаясь от стола. Капитан, между тем, раздвигает занавески, делает величественный жест рукой и начинает говорить.

Капитан Э-э-э... понимаешь, пассажиры... хочу сказать вам, что мы плывем, и будем плыть, несмотря на все, что там или тут того или этого... И, э-э-э... пройдем туда, не взирая никуда...

Из-за окна доносится многоголосый шелест толпы. Капитан поворачивается спиной к окну, и

неторопливо движется к компании. Не дойдя нескольких шагов до стола, останавливается, и, повернувшись лицом к залу, некоторое время прищурясь вглядывается в даль.

Важный Пассажир Видно что-нибудь?

Капитан (*отрешенно, и совершенно человеческим голосом*) Зачем?

Вице-Капитан (*осторожно*) Простите, сэр?

Капитан Неважно. Как вам мое выступление?

Все (*немного вразнобой*) Неплохо... здорово... ободряюще... великолепно...

Старший Помощник Может быть, все-таки, немного туманно, сэр? Простите, сэр...

Капитан (*негромко и слегка напевно*) Ах, друг мой... когда же вы поймете... если их так много, то как еще могу я обратиться к ним - давно уже, кстати, не слышащим никого, кроме себя... Чтобы быть убедительным, я должен дать им возможность сказать все самим. Тем более, что речь эта только им и нужна. (*с минуту, примерно, молчит*) Ладно. Как там в трюме?

Вице-капитан (*деловито*) Прибывает потихоньку. Согласно последним данным, прирост составил порядка ноль шести. Сдерживаем, как можем.

Капитан (*как-то вяло*) Ну, и как прогнозы?

Вице-капитан Ободряющие

Капитан Вот и хорошо. Но не мешало бы вам почаще показываться, что ли... чтобы народ, понимаешь, видел, что вот – рядом, никуда не делись...

Вице-капитан Но, э-э-э...

Капитан (*не давая ему сказать*) А вечером – зяглыдавайте ко мне. Я вас коньячком угощу хорошим – еще из прежних запасов, до столкновения брали...

Вице-капитан, не решаясь сказать, уходит. Капитан тяжело смотрит на Старшего Помощника, тот

вздрагивает нервно, и торопливо семенит следом за ушедшим. Когда оба скрываются за дверь, Дама поднимает глаза на капитана.

Дама Так что же, они прямо вниз и пошли?

Капитан кивает.

Дама Так там же (не договаривает, передергивает плечами)

Капитан (обращаясь к Важному Пассажиру) Ну вот. Теперь надо решить, кого вместо них ставить будем. И ты это, писцам скажи – пусть подготовят некролог – мол сами, не выдержав всего груза ответственности, плечом к плечу там, и так далее... Помогите уж старику... (Важный Пассажир кивает) И еще... я там просил тебя подумать – что сделать еще можно...

Важный Пассажир А я подумал. У нас в носовых танках еще топлива много – нефть там, мазут, бензинчик есть... Может, его за борт сбросить – чтобы нос приподнять немного?

Капитан (недоверчиво) Это что же, прямо в море?

Важный Пассажир Ну... (разводит руками) чтобы экологию не портить, можно и не прямо в море – тут танкерок порожний болтается, я его кликну, и перекачаем быстренько. А они уже отвезут куда-нибудь, чтобы тут не разливать...

Капитан Ладно, я подумаю... Ступай, дорогой, ступай...

Важный Пассажир важно кивает, и выходит вместе с Дамой, взявшей его под руку.

АКТ ВТОРОЙ

Капитан стоит у штурвала, насвистывая что-то под нос. Из-за того, что он нещадно фальшивит мотив, разобрать первоначальную мелодию не представляется возможным. Входит Юнга.

Капитан А-а-а... хорошо, что пришел. Какие новости?

Юнга За ночь еще погрузились, говорят. Народ в панике, со склада все крупы, сахар весь и спички размели...

Капитан *(негромко)* Ну вот ведь, народец, а...

Юнга А еще пророк на нижних палубах объявился. Говорит, что мы вроде как уже давно утонули, да только... *(заминается, не решаясь, видимо, говорить дальше)*

Капитан Говори-говори, не стесняйся...

Юнга Да только, говорит, Вы так воду замутили, что не понять, что это, вокруг нас – вода, а кажется, что еще туман. И вообще, во всем вас обвиняют.

Капитан Как это?

Юнга Говорят, именно вы близко подпустили этих... Айсбергов...

Капитан А-а-а... старые басни. *(себе под нос)* Айсберги, хм... надо же так себя не уважать – творить в величайшую катастрофу эпохи, и обвинять во всем каких-то Айсбергов... А что за пророк-то?

Юнга Да из прежней штурманской команды. Он там только карандаши подавал, вот его за борт со всеми и не выбросили. А теперь говорит, что единственный является преемником штурманской науки, и ежели ему штурвал доверить, то он по кратчайшему расстоянию приведет нас в порт.

Капитан Ишь ты... *(усмехается)*.

Юнга Так он там, значит, народ и агитирует, чтобы его, значит, капитаном, а вас, значит – за борт.

Капитан Так-таки и за борт?

Юнга Ну да. Дадим, говорит, лодку, сухарей мешок, и пушай плывет.

Капитан *(недобрым голосом)* Так, меня, значит, в шлюпку, а его – к штурвалу?

Юнга Это не я, это они говорят, я-то что, я за вас всегда...

Капитан Ладно, ладно, не бойся... (манит его к себе движением ладони) Вот, сейчас поймешь.

Юнга осторожно подходит.

Капитан Вот, попробуй... (берет руку юнги, и ложит ее на штурвал) Осторожненько...

Вся фигура Юнги выражает немое восхищение. Капитан берет вторую его руку, ложит и ее на колесо, и медленно отходит в сторону.

Капитан Ты чувствуешь, малыш?

Юнга осторожно двигает руками, и корабль вздрагивает.

Капитан Вся эта стихия – и ты... Какая мощь! (командует) Положи вправо!

Юнга закладывает штурвал вправо, корабль ощутимо вздрагивает всем корпусом.

Капитан Вот так! Только так! Прими теперь бортом во-он ту волну, чтобы проняло!

Юнга еще немного доворачивает штурвал, и через несколько секунд весь корабль содрогается при столкновении с волной.

Капитан Прибавь-ка ходу, сынок! Мы еле тащимся! Полный вперед!

Юнга прибавляет ход. Тем временем открывается дверь, и входит Важный Пассажир.

Капитан (не замечая его) Еще пару котлам! Видишь – слева по борту? Желтый такой паракорд? (Юнга кивает) Да гудок. Встали, понимаешь, трусы, льда бояться. Погуди им, чтоб вздрогнули, понимаешь. (замечает Важного Пассажира) А, это ты... (кивает в сторону окна) Видишь, стоят? Пережидают... (Юнга тем временем гудит) А ведь тоже туда же – “великий корабль”, “исторический путь”... какого лешего им было в море выходить, если потом собирались

встать на якорь, и бояться льда? Плавали бы себе прямо в порту...

Важный Пассажир *(вежливо)* Э-э-э...

Капитан Да вижу я тебя, вижу... Как топливо, перекачали?

Важный Пассажир Да, все успели. Ни капельки в океан не попало.

Капитан А почему мне не доложил, когда делать это будешь?

Важный Пассажир Да беспокоить Вас на хотелось... *(переводит разговор)* А это у вас *(делает выжидательную паузу)*

Капитан *(задумавшись на секунду, усмехается своим мыслям, и говорит негромко, но отчетливо, следя за реакцией Важного Пассажира)* А это новый наш Старший Помощник.

Важный Пассажир А-а-а... Конечно... как же я сразу-то *(настороженно)* не слишком ли молод-то?

Капитан *(с трудом сдерживая ухмылку)* Да нет, ничего... Крепче руль держать будет... *(вопросительно)* Так ты пойдешь?

Важный Пассажир *(обидевшись, видимо, на то, что его выпроваживают)* Да, надо на корму сходить... там у нас тоже нефти полно в танках, ученые говорят, что если нос еще погрузится, корма может под своим весом оторваться...

Капитан *(встревоженно)* Это как же, совсем?

Важный Пассажир Вот именно!

Капитан И это что же, они сами поплывут, без нас?

Важный Пассажир О чем я и...

Капитан Ну, этого допустить нельзя. Как же они править-то без штурвала будут?

Важный Пассажир Так там пророк объявился, говорит, что руль все равно к корме прикреплен, а пово-

рачивать они его и без нас смогут, если опять сообща за дело возьмутся, потому как...

Капитан (*решительно обрывает его*) Мне уже говорили... иди-иди, и пока не сделаешь, назад не возвращайся. (*Важный Пассажир собирается уходить, и последние слова Капитан произносит ему вдогонку*) И вот еще: скажи, чтоб крупу с сахаром так уж сильно-то не запасали... зачем же паниковать? Тем более, что они все равно в воде сразу размокнут.

Важный Пассажир уходит.

Капитан Ты тут постой, порули, понимаешь, а я пока схожу... подумаю о своем... о капитанском...

Капитан идет к двери. Юнга осторожно правит, затем вдруг решительно бросает штурвал в одну сторону и, сразу, в другую. Капитан, удержавшись на ногах, торопливо возвращается и отвешивает ему крепкий подзатыльник.

Капитан А ну, пошел отсюда! (*возмущенно, слегка в сторону*) Ему, понимаешь, порулить дали, а он, оболтус, решил, что – поправить.

Юнга со слезами на глазах выбегает за дверь. Капитан вытаскивает из небольшого шкафчика на стене рычаг, и с его помощью заклинивает руль.

Капитан Ну и ладно. Пора и отдохнуть немного.

АКТ ТРЕТИЙ

Капитан устало сидит в кресле, потягивая кроваво-красное вино из высокого резного бокала. Дверь каюты открывается без стука, и входит посетитель. Это высокий, бородатый мужчина с большим трезубцем в руке.

Капитан Какими судьбами?

Гость Узнаешь?

Капитан Пока что нет, но проходи уж, коли зашел.

Гость проходит к свободному креслу и усаживается в него.

Капитан Вот, изволь отведать доброго вина.

Гость Ты хоть понимаешь, что делаешь?

Капитан Это философский вопрос. Если ты задаешь именно его – отвечу тебе: понимание вторично, следуя за действием, а от того – несущественно. Если же ты захочешь спросить, делаю ли я то, что я делаю, то мой ответ тебе будет "да". *(выдерживает небольшую паузу)* Надеюсь, ты спрашивал именно об этом, потому как обычные глупости я выслушиваю по двести раз на дню и от других.

Гость *(наливая себе вина)* Почему же ты делаешь это? Не проще ли было довести корабль до места, избежав столь трагичного оборота дела?

Капитан Ты поражаешь меня. Этот корабль слишком велик для того, чтобы повторить судьбы прочих. Дойди он до порта – и станет вновь придатком континента. Он же слишком велик, согласишься, и значит, сам подобен континенту во всем. Отсюда и его судьба – рассекать волны и скрыться однажды в них. К тому же, не я повинен в катастрофе.

Гость *(сверкнув глазами пригубляет вино, и неторопливо водружает бокал на стол)* Ты сам наклик мой гнев. Сказав, что богам не под силу потопить твой корабль, ты...

Капитан *(обрывает его)* Поколения сменили друг друга, а мы все еще на плаву. Руль этой катастрофы – в моих руках, и они все еще тверды. А пассажиры... ты знаешь, после столкновения многие из них бежали на шлюпках... а затем – затем они вернулись обратно. Их судьба – плыть на "Титанике". Только на его палубе они дома. Да и не только они... знаешь ли ты, сколько безбилетников просачивается сюда на плотках и лодках под покровом ночи? Эта катастрофа

– смысл их жизни. Вечная борьба со стихией – вот смысл их жизни. Ни им, ни мне нет пути отсюда.

Гость Тем не менее, многие бегут.

Капитан Некоторых мы даже выгоняем. Это укрепляет дух оставшихся.

Гость Ну, ладно. Но знаешь ли ты, что будет, когда твой корабль затонет?

Капитан Меня уже пугали. Говорят, уровень океана должен подняться... (*усмехается*) но никто не знает, насколько. Дело в том, что все данные по устройству "Титаника" давно утеряны, и нет возможности оценить его настоящий объем.

Гость Быть может, еще не поздно...

Капитан Ты так и не понял. Чтобы пересекать твой океан – есть простые и надежные способы. Но тот вызов, что брошен тебе, не способен был бросить больше никто. Они не в силах принять подобную судьбу. У них нет мужества пойти на это. А мы... ты можешь представить себе хоть на миг, что значит – стоять на мостике этого корабля, ощущать его дрожь, принимать всем телом вибрацию его машин?

Гость удрученно качает головой, затем встает.

Гость Значит, я ухожу ни с чем?

Капитан Мне нечего дать тебе, Посейдон. Это – моя катастрофа. Прими нас такими, какие мы есть – если только в твоём океане хватит места вместить нас.

ЗАНАВЕС

БОЛЬНАЯ СОВЕСТЬ И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Трагическая трансформация в одном акте

Посреди сцены, на маленькой софе, лежит большая женщина с грустными и добрыми глазами.

Входит спортивного типа мужчина, с глазами пронзительными и ироничными, подтянутый, целеустремленный и слегка подшофе.

Смысл *Что же, вы, солнышко, лежите среди бела дня?*

Совесть *Да вот, нездоровится что-то...*

Смысл *(участливо)* Перепила?

Совесть *(обиженно)* Тебе шуточки, а меня утопить пытались!

Смысл *(так же участливо)* В вине?

Совесть *(устало кивает)* Пока тебя искали.

Смысл *(искренне)* Ну и как?

Совесть *(вздыхая)* В горлышко не пролезла...

Смысл *понимающе кивает головой.* Совесть, очевидно, замечает в глазах его скрытую издевку, поскольку принимается раздраженно дрыгать ногой.

Смысл *(оправдываясь)* Ну, согласишься, многие говорят, что ты, гм... слишком уж большая...

Совесть *(раздраженно парирует, в лице ее — вызов, в глазах — тоска)* Просто тебя на много не хватает!

Смысл (*рассудительно пожимая плечами*) Зато я улущаю сон и аппетит.

Совесь (*возмущенно*) Ты на что это намекаешь? На мои страдания, или на бессонницу... (*осторожно косится наверх*).

Смысл Потеше, родная. Как бы нас не услышали. Кстати, не мучь ты Его (*так же осторожно скашивает глаза вверх*) своими капризами да бабскими прибабахами (*при этих вульгарных словах Совесь кокетливо морщит носик*), Он бы тоже спал спокойно.

Совесь (*томно*) Если я Его не буду мучить, глупыш, Он обо мне совсем забудет!

Смысл (*добрым голосом*) Да нет же. Он просто поймет, что ты его любишь, и будет относиться к тебе с нежностью...

Совесь (*с некоторой долей упрямства, при этом в голосе появляются мечтательно-надрывные нотки*) Забудет, забудет... (*напевно*) нас всегда забывают, когда мы ласковые... А чтоб внимание обращали – нужно стервой быть...

Смысл (*еще поучающее*) Ну, так будь стервой, но не стервозой же! (*по-солдатски прямо*) А будешь пилить по всякому поводу – выкинут к чертовой бабушке, и поминай, как знали! Живешь в тепле – так не вякай лишку!

Совесь (*фыркает*) Да уж, в тепле... Не запариться бы...

Смысл (*проницательно глядя на нее*) А ты, оказывается, ничего...

Совесь (*возмущенно*) Как это «ничего»? Да для некоторых я – все! (*истерически*) А для таких, как... как... (*запинается, очевидно, не находя слов*).

Смысл (*очевидно, стараясь помочь, заботливо*) Как?

Совесь (*продолжает, возможно, без всякой*

связи с предыдущим) Нельзя ведь творить все, что угодно! И внимания на меня не обращать! Ведь все мне назло делается, чтобы позлить только!

Смысл *(вежливо)* Ну, не хочешь - не злись...

Совесьть *(испуганно)* Ты что, обалдел? И зачем же я тогда вообще нужна буду? *(совершенно спокойно и рассудительно)* Хочу, конечно, как же мне не хотеть, если в этом – моя природа?

Смысл *(внезапно распаяясь)* Ах, хочешь?

Бросается на Совесьть, наваливается сверху, после чего решительно и деловито насилует ее. Затем устало садится обратно на краешек кровати.

Совесьть *(задумчиво)* Ты знаешь, а мне кажется, полегчало. В конце концов, наверное, за тем и живем на свете?

Смысл *(резко вскакивает и безумно кричит)* Да черт вас всех побери! Ну сколько же можно!!!

ЗАНАВЕС

Народ и слуги

Триллер на два акта

АКТ ПЕРВЫЙ

Глазам зрителей предстает высокая полупустая зала, довольно скудно меблированная. Предметы обстановки, различимые в сумраке, вид имеют обшарпанный и блеклый – одним словом, продолжительноупотребленный.

По обветшалому ковру, бывшему некогда персидским, шаркая ногами движется мужчина средней комплекции, с брюшком и залысинами, одетый в измаранную сорочку и провисшие на коленях штаны. Это – Народ, владелец апартаментов. За ним бодро семенит слуга – поджарый, щеголеватый, в роскошной ливрее с золотыми позументами. Он держит в руке канделябр, на котором чахло горит несколько свечек.

Народ (*плаксиво*) И вот опять же – где тумбочка, извольте ответить? Вчера еще тут стояла...

Слуга (*вежливо*) Не извольте беспокоиться. Перенесена для большей сохранности в другие помещения.

Народ (*не обращая внимания на его слова*) Совсем же новая тумбочка была...

Слуга (*настойчиво*) Перенесли ее. Тут это самое... (*оглядывается по сторонам*) воздух вредный... пропадет еще.

Народ (*по-прежнему плаксиво*) Кто перенес?

Слуга (*доброжелательно*) Не могу знать-с!

Народ Как это?

Слуга (*старательно рассуждает вслух*) По мебели у нас... то есть, конечно, у вас... главный – Григорий... но он занят, ищет лак – столы обновить... заместитель к соседям поехал – хочет поглядеть, как там стулья в гостиных расставляют, опыт перенять... надо ждать, пока освободятся. А пропасть у вас ничего не может. Вот, в прошлом году – помните, шкаф вы искали? (*укоризненно*) чуть напраслину на Гришу не возвели... нашли же?

Народ (*срывающимся голосом*) Пропал-то дубовый, полированный, о трех дверях, а нашли вы что? Фанерка, краской побрызгана, да дверь – всего одна. И то кривая...

Слуга (*терпеливо*) Так объяснили же вам – хранился неважно. Вот немножко и усох... Гриша ж перед вами даже извинялся... И мальчишку-конюха мы высекли – чтобы впредь такое не повторялось...

Народ При чем же конюх и шкафы?

Слуга Обычно – ни при чем, но здесь мы точно разобрались... И заклеямили, чтоб неповадно было впредь... Ну, подумайте сами – ведь Гриша же не мог так ошибиться? Тем более – извинился он.

Народ Ну, не знаю... не знаю... отговорок у вас всегда навалом, а порядка как не было, так и нет...

Слуга Порядка... (*хмыкает*) трудно с порядком... Еще ладно, мы у вас есть. Звон – домина-то какой – всем соседям на зависть. Почитай, самый большой во всей округе будет...

Народ *жмурится от счастья.*

Слуга (*продолжает, размахивая руками в воздухе; канделябр, чтобы тот не мешал, передает Народу*) Соседям-то что, у них домики – и не развернуться... Раз чихнул – всю пыль и посдувало. А мы

здесь – целыми днями вору.. (осекается, бросает короткий взгляд на Народ, и торопливо продолжает) вытираем, убираем – а все идеальной чистоты добиться не можем. Потому, как дом – большой, а нас не так уж и много. Вот соседи, на домину наш... то есть, ваш, да на ваш достаток глядя и завидуют!

Народ (удивленно) Да где же это вас мало-то? Развелось сверх всякой меры! В столовой – не толкнуться, кухня – готовить не справляется, в банкетном зале – то семинар по уборке, то конференция по штопке гобеленов...

Слуга (с искренней обидой) Где же это – «развелось?» И кого же? Тех, кто отбросив все личные заботы день и ночь неустанно печется о благе вашем? Мы, кстати, специально для вашего удобства сокращение штата наметили – так вот все те ребята, что на этой неделе на работу устраиваются – они только сокращением и будут заниматься. А там работа знаете какая предстоит? Один только список должностей составить – лет пять пахать...

Народ Ну ладно, ладно... Мы же в столовую шли...

Слуга (склоняясь в полупоклоне, указывает рукой на дверь) Сюда пожал-те!

Народ Как это? Всегда же на втором этаже кушали?

Слуга А в том большом зале как-то сыро. Так мы решили там симпозиум провести, по вопросу повышения эффективности вашего обслуживания, а вас временно столовать на первом этажике, в розовом зале.

Народ (ошарашенно) Это в каком таком «розовом зале»?

Слуга (терпеливо) А по лесенке, и сразу – направо. Вторая дверь.

Народ (возмущенно) Так там же кладовка!

Слуга (*радостным голосом*) Была, до сегодняшнего дня. Но мы как раз сегодня все оттуда вынесли, и уж расстарались, сделали для вас подарочек. Даже подмели. (*с легким налетом обиды*) Порадовать вас хотели. Вот уж, думали, вы оцените, что не в сырости теперь сидите...

Народ (*устало*) А, ну ладно... Что ж... если порадовать – тогда конечно...

Слуга Вот и будьте добры, проходите пожалуйста... (*не сдерживается*) поживее только!

АКТ ВТОРОЙ

Небольшая зала, в центре которой стоит покрытый холстиной стол. На столе – несколько закапанных свечами канделябров, и которых половина пуста, стопка тарелок, и пара пригоревшего вида кастрюль, из которых пахнет. По зале перемещаются в различных направлениях несколько слуг. Народ входит, проходит к столу и присаживается.

Народ (*заглядывая в тарелку*) Ой, что это?

Первый слуга Это, ваша милость, супчик специальный, диетический...

Второй слуга Новый врач сказал – чрезвычайно полезно для вашего организма. Весь мир по этой методе лечится, но для вас ее еще сильнее усовершенствовали.

Народ Это по какой еще методе?

Второй слуга А ученые придумали. Специальное безжировое и безбелковое питание.

Народ (*непонимающе*) А как же... нормальной еды ведь навалом...

Третий слуга Не извольте беспокоиться-с! Поскольку ученые обнаружили ее необычайную вредность, решено было использовать ее для наказания не оправдавших ваше доверие слуг.

Народ А-а-а... Ну, если для наказания – тогда ладно. А ученые точно обнаружили?

Второй слуга Два раза проверяли, второй раз – с лупой и на калькуляторе. Точнее не бывает.

Народ (*задумчиво ковыряет в тарелке пальцем*)
А чем это едят?

Первый слуга Точно не знаю, но по-моему – без разницы.

Народ (*пробует, и заливается слезами*) Мерзавцы! Негодяи! Да как же вы можете...

Третий слуга Мы еще и не так можем, но ученые предупредили, что сразу все не стоит...

Народ Я же вас кормил, одевал...

Первый слуга (*обиженно*) И вы считаете, что мы носим все эти наряды с таким уж удовольствием?

Второй слуга (*в тон первому*) Вы думаете, нам нужны все эти позументики и пуговички? Вы не понимаете, что мы таскаем всю эту тяжесть на плечах лишь для того, чтобы все соседи видели славу и богатство нашего великого господина?

Третий слуга (*стремясь переплюнуть первых двух*) И не замечаете, что нам по душе были бы более простые наряды (*косится на одежду Народа, Народ скашивает глаза туда же, и приоткрывает рот, как бы собираясь что-то сказать, чем вынуждает слугу продолжать с удвоенной силой*) Но мы просто не в силах позволить себе дать слабину, потому как тяжкие подозрения обрушатся тогда на нашего дорогого господина...

В углу раздается шорох, и из-за какой-то занавески появляется Темная Личность, жующая на ходу изрядных размеров булку, густо обмазанную маслом. Личность направляется к двери, но по пути останавливается перед столом, и снисходительно кивает Народу. При ее появлении слуги разом замолкают.

Личность Ну, чего кислый такой?

Народ (*обращаясь к слугам*) Кто это?

Личность Во, блин, так они тебе и скажут...

Второй и третий слуги пинают Народ под столом, первый рассеяно озирается по сторонам.

Народ (*начинает бессмысленно улыбаться, при этом как будто хочет что-то сказать*) А-хм-ам-гхм...

Личность (*заглядывает ему в тарелку, брезгливо морщится*) М-да... пожалеть тебя, что ли? На, попай... (*отламывает кусочек булки, задумчиво смотрит не него, и видимо, решает, что тот слишком велик, потому как часть откусывает, а остальное протягивает Народу*) Не подавись только с отвычки... (*уходит*)

Народ какое-то время занят булкой, слуги растерянно переглядываются.

Народ (*доев*) Ну, что? А вы испугались его, что ли? Что молчите, а? (*какое-то время, очевидно, прислушивается к внутренним ощущениям, затем продолжает*) «Вредно»... «Опасно»... что-то я еще жив! «Наказывать не оправдавших...» А если вы все не оправдали, а? (*слуги растерянно переглядываются*) А вот уволю я вас всех к чертовой бабушке, что тогда? И сам себя наказывать буду!

Первый слуга (*решается*) А кто же по хозяйству работать будет? Следить за всем? Дом обустраивать?

Народ А вот сам я этим и займусь.

Первый слуга (*тоном профессионального мыслителя*) Как же может один справиться там, где недостаточно многих?

Народ (*ворчливо*) Да уж справлюсь и один как-нибудь... Все! (*кричит*) Все уволены! И чтобы отчитались, шельмы, за всю работу за свою!

Второй слуга переглядывается с третьим, и ти-

хонько выходит за дверь Через некоторое время он появляется опять, причем во главе толпы из множества слуг, не все из которых даже помещаются в зале.

Второй слуга (*поднимает глаза к потолку, и торжественно говорит, как будто читая невидимые зрителю письма*) Не имея возможности способствовать дальнейшему благоустройству дома, в обстановке жестокого террора и деспотии, действуя из высших побуждений и исключительно в интересах дела, мы, слуги, стремимся к достижению подлинной справедливости, а потому вынуждены взять власть в свои руки...

Народ (*изумленно*) Это что, бунт?

Второй слуга (*торжественно*) Революция!

Народ Какая же еще-то революция? Буржуазная, что ли?

Второй слуга История движется по спирали, поэтому начинать придется опять с Египта.

Сквозь толпу пробирается давешняя Темная Личность, нагло выворачивая по пути карманы у подвернувшихся слуг и отвешивая подзатыльники тем, у кого они недостаточно полные. Личность останавливается перед Народом, и доброжелательно улыбается.

Личность Да ты расслабься, братан! Никто же тебя не выселяет! (*похлопывает Народа по плечу*) Хата ведь твоя в натуре! (*подмигивает*) В конце концов, кто-то должен налоги платить и по бумажкам значиться? Так что, считай, и ты при деле... Главное, соседям по ночам спать не мешай, а там, глядишь, и тебе что перепадет. Мы – ребята не жадные. Сильно не обидим.

ЗАНАВЕС опускается.

Зрители расходятся.

Народ начинает строить пирамиды.

Оглавление

Ненаписанное	3
Непрочитанное	43
Непереводимое	151
Все подряд	175
Пьесы для чтения про себя	269

Литературно-художественное издание

?

Рассказы, пьесы

Макет, верстка - ***

Бумага офсетная, гарнитура - JournalSans,

печать цифровая

Тираж - 500 экз

Отпечатано в типографии
Калининградского ПЕН-центра
в рамках проекта "Балтославия"
при финансовой поддержке Евросоюза